ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

46
2026
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Андрей Александрович Чернов* (1966–2017) — советский и российский программист, автор кодировки KOI8-R, один из создателей Рунета и первый российский участник административного совета проекта FreeBSD.

Андрей Чернов родился в Москве. Его детство и юность пришлись на эпоху, когда доступ к западным компьютерным технологиям в СССР был ограничен, а отечественная вычислительная техника развивалась в значительной мере путем адаптации зарубежных разработок.

После окончания средней школы Чернов поступил на факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета. Уже будучи студентом третьего курса, в 1987 году он принял участие в семинаре по разработке операционных систем Unix, которым руководил профессор В. Г. Сухомлин. Практика проходила на операционной системе ДЕМОС — советском клоне Unix V7, адаптированном для отечественной техники. В 1990 году Чернов окончил университет, защитив диплом с отличной оценкой; его работа была посвящена развитию операционных систем класса Unix.

Еще в 1980-е годы, совмещая учебу с работой, Чернов вошел в коллектив разработчиков советских операционных систем МНОС и ДЕМОС на кафедре прикладной кибернетики Института повышения квалификации Минавтопрома. В его задачи входила реализация механизма оверлеев для управления памятью, русификация системы и отладка ядра и утилит. В 1988 году на Всесоюзной конференции по переносимому программному обеспечению в Калинине (нынешней Твери) он представил собственный многооконный текстовый редактор LE. В 1990 году Чернов участвовал в первой Всесоюзной конференции пользователей Unix.

В начале 1990-х годов он присоединился к команде разработки сети Релком, соединившей советские научные организации с глобальной сетью, а затем работал в компании «Демос» — первом российском интернет-провайдере. Чернов непосредственно участвовал в запуске и наладке первого интернет-канала между Россией и западными странами. В сетевых проектах он использовал никнейм ache.

Главным техническим достижением Чернова стала кодировка KOI8-R — 8-битная таблица символов, обеспечивающая поддержку русского алфавита при сохранении совместимости с ASCII в младшей части кодовой таблицы. В июле 1993 года она была зарегистрирована в Инженерном совете Интернета (IETF). На протяжении 1990-х годов KOI8-R фактически стал стандартом для обмена кириллической информацией в Unix-системах, электронной почте, группах новостей и ранней русскоязычной сети.

В 1991–2001 годах Чернов разрабатывал и поддерживал почтовую программу UUPC/@, позволившую подключить к сети Релком большое число пользователей со слабыми ПК под управлением MS-DOS и OS/2. В 1994 году написал перекодировщик TODOS для преобразования текстов из кодировки CP866 в KOI8-R. В 1993–2000 годах Чернов входил в административный совет, определявший развитие операционной системы FreeBSD, и был первым российским участником этого совета. Его вклад в проект охватывал драйверы устройств, соответствие стандарту POSIX, безопасность и русификацию.

Никнейм ache Чернов использовал во всех сетевых проектах; под этим псевдонимом он был известен и в контркультурной среде 1990-х годов.

Помимо программирования, он занимался литературным переводом с английского: в 2005–2016 годах публиковал переводы на личном сайте Vniz.net и в печатных изданиях («Колонна», «Митин журнал»).

В 2002 году служба гражданства и иммиграции США запретила Чернову въезд в страну, из-за чего он не смог посещать американские конференции разработчиков FreeBSD; к началу 2000-х он свел участие в совете проекта к минимуму, называя его «слишком забюрократизированной структурой».

Личный сайт Vniz.net Чернов использовал как цифровой архив редких материалов: графики художников рубежа XIX–XX веков (Н. Калмаков, Л. Уэйн, Ф. фон Байрос), аниме и оккультных текстов. В декабре 2018 года, через год после смерти Андрея Александровича, домен прекратил работу, так как пароль от сервера был известен только самому Чернову; архив был восстановлен энтузиастами по материалам Wayback Machine на зеркале zachem.ne.jp.

В последние годы Чернов тяжело болел: выраженный остеопороз осложнился переломом ноги и практически лишил его возможности покидать дом. Андрей Александрович Чернов скончался 16 августа 2017 года в Москве на 51-м году жизни; церемония прощания прошла в подмосковном Николо-Архангельском крематории.

Память об Андрее Александровиче Чернове сохраняется в самой инфраструктуре Рунета и открытого программного обеспечения: сообщество FreeBSD увековечило его имя в разделе In Memoriam, отметив влияние, затронувшее практически все аспекты проекта. Коллеги называли его одним из отцов-основателей Рунета — человеком, благодаря которому русская кириллица впервые свободно зазвучала в глобальной сети.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Коновалова М. Е.
Несостоятельность (банкротство) граждан: историко-теоретические аспекты 515

Коновалова М. Е.
Несостоятельность (банкротство) гражданина: актуальные проблемы 517

Кострюков А. С., Карапетян М. С.
Реализация принципа доступности арбитражного судопроизводства в условиях налоговой реформы 2024 года 518

Кривощёкова К. К.
Чат-боты с искусственным интеллектом как новый источник суицидального воздействия и проблема субъекта уголовной ответственности 521

Кузнецова А. Р.
Проблемы правового регулирования доступности студенческих общежитий для обучающихся с инвалидностью 524

Кузнецова А. Р.
Компенсационный правовой иммунитет в образовании: гарантии для социально незащищенных граждан и практика их реализации (на примере Санкт-Петербургского государственного аграрного университета) 525

Кунавин В. В.
Коллизия легального определения традиционного образа жизни и современных практик хозяйствования коренных народов 527

Кунавина И. А.
Временная правовая асимметрия как допустимое изъятие из принципа равенства субъектов РФ 532

Кухарева Я. С.
Исторический аспект правового регулирования труда судей: обзор развития законодательства о статусе судей в России. Влияние международных стандартов на российское законодательство 537

Кучевасов А. О.
Правовые аспекты организации обеспечения пожарной безопасности органами местного самоуправления в муниципальных округах 540

Лазарев М. Ю.
Трансформация правового регулирования аренды нежилых помещений в условиях макроэкономической турбулентности: баланс интересов и пути реформирования 543

Ламерт Н. С.
Институт залога в современной России: экономические и процессуальные барьеры для его эффективного применения 546

Леонович В. А.
Проблемы ликвидации коммерческих организаций: анализ на материале дела о банкротстве ООО «Ахтубаситипарк» 548

Лотоцкий А. А.
Правовые вопросы цифрового взаимодействия граждан с органами государственной власти 551

Магомедов С. М.
Методика расследования преднамеренного банкротства 553

Магомедов С. М.
Особенности собирания и оценки доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве 558

Мажухина А. А.
Анализ зарубежного правового регулирования оборота оружия 561

Мазурова С. Е.
Актуальные проблемы режима государственной тайны 562

Малыгин Э. А.
Некоторые особенности объектов апелляционного обжалования 564

Мамичева А. Д.
Договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда, заключаемого с детьми-сиротами и детьми, оставшимся без попечения родителей, в системе договоров специализированного найма 566

Манаев В. А.
Проблемы оспаривания завещаний и пределы нотариальной проверки волеизъявления 570

Манукян М. А.
Правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде 572

Марина Е. О.
Проблемы судебной защиты участника закупки после заключения государственного контракта 574

Маслов А. М.
Трансформация метода правового регулирования энергетических отношений под влиянием сквозных цифровых технологий 576

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Несостоятельность (банкротство) граждан: историко-теоретические аспекты

Коновалова Мария Евгеньевна, студент магистратуры
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В статье рассматриваются историко-правовые и теоретические аспекты становления института несостоятельности (банкротства) граждан в России. Прослеживается его развитие от карательных подходов древнего права до современной модели, сочетающей освобождение добросовестного должника от обязательств и процедуры реструктуризации долгов. Анализируются концепции «чистого старта» и социальной реабилитации, разграничение несостоятельности и банкротства, а также особенности обязательств, сохраняющихся после завершения процедуры. Обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для обеспечения баланса интересов кредиторов и должников.

Ключевые слова: *несостоятельность, банкротство граждан, потребительское банкротство, реабилитация должника, освобождение от обязательств, история права.*

Институт несостоятельности (банкротства) граждан занимает значимое место в современном гражданском праве. Рост долговой нагрузки населения и усложнение финансовых отношений повышают значение правовых механизмов, позволяющих урегулировать ситуацию, при которой гражданин не способен исполнять денежные обязательства. Актуальность исследования связана не только с практической востребованностью процедуры, но и с необходимостью определить ее правовую природу и социальное назначение.

Введение в действие с 1 октября 2015 года положений главы X Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» сформировало полноценный механизм банкротства граждан [4]. Его развитие поставило вопросы о соотношении интересов кредиторов и должника, критериях добросовестности, пределах освобождения от обязательств и реальной возможности восстановления платежеспособности. Цель настоящей статьи — выявить исторические предпосылки и теоретические основы современного российского института банкротства граждан.

На ранних этапах развития права несостоятельность должника воспринималась преимущественно как основание для карательного воздействия. В римском праве отдельные исторические процедуры допускали обращение должника в зависимое положение либо применение мер, затрагивавших его личность. Современное понимание банкротства как социально-экономического явления, требующего правового урегулирования и потенциальной реабилитации, в тот период отсутствовало: личность должника фактически связывалась с неисполненным долгом.

Постепенная гуманизация долговых отношений привела к формированию подхода, при котором добросовестному должнику предоставляется возможность освободиться от непосильного долгового бремени и вернуться к экономической деятельности. Эта идея получила развитие в доктрине «чистого старта» (fresh start). В дореволюционной России регулирование несостоятельности было ориентировано главным образом на торговый оборот. Устав о банкротах 1800 года отражал преимущественно имущественный подход, тогда как положение неторговых лиц не образовывало самостоятельной системы потребительского банкротства [7; 9].

В советский период самостоятельный институт банкротства граждан фактически отсутствовал. Плановая экономика, ограниченный характер частной собственности и иная организация кредитных отношений не создавали условий для его полноценного применения. Взыскание задолженности осуществлялось в рамках общих механизмов гражданского и исполнительного производства.

Переход к рыночной экономике в 1990-е годы обусловил возвращение законодательства о несостоятельности. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ закрепил возможность признания банкротом физического лица, однако практическая реализация соответствующих положений была затруднена отсутствием развернутого процессуального механизма. Полноценная процедура банкротства граждан стала доступна с 1 октября 2015 года

после введения в действие соответствующих положений Закона № 127-ФЗ [4; 5].

Теоретическую основу современного российского института образуют две взаимосвязанные концепции. Первая — концепция освобождения от долгов («чистого старта»). Она исходит из того, что финансовая несостоятельность добросовестного гражданина может быть следствием жизненных обстоятельств и экономического риска, а не намеренного уклонения от исполнения обязательств. После проведения процедуры и расчетов с кредиторами гражданин при соблюдении установленных законом условий может быть освобожден от дальнейшего исполнения оставшихся требований. В российском праве данный механизм закреплен, в частности, в статье 213.28 Закона № 127-ФЗ [4].

Вторая концепция — социальная реабилитация должника. Ее назначение состоит не только в завершении расчетов с кредиторами, но и в восстановлении финансовой устойчивости гражданина. Одним из инструментов выступает реструктуризация долгов: при наличии предусмотренных законом условий задолженность может погашаться по плану, без немедленной реализации имущества. Законодательная модель предусматривает сочетание реструктуризации и реализации имущества, а порядок применения процедур разъясняется Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 [4; 5].

Таким образом, российская модель имеет смешанный характер: она объединяет удовлетворение требований кредиторов с предоставлением должнику возможности начать финансовую жизнь заново. Вместе с тем практическая эффективность реабилитационного направления зависит от того, насколько часто возможно применение реструктуризации и насколько реалистичны предлагаемые планы погашения задолженности. Если процедура преимущественно сводится к реализации имущества, ее восстановительный потенциал оказывается ограниченным. Вопросы формирования и распределения конкурсной массы рассматриваются, в частности, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 [6].

Для определения правовой природы рассматриваемого института важно разграничивать понятия «несостоятельность» и «банкротство». Несостоятельность характеризует фактическое экономическое состояние — неспособность гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов или исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Банкротство представляет собой установленный в предусмотренном законом порядке юридический статус, с которым связываются специальные правовые последствия. Такое разграничение имеет значение при определении оснований и момента обращения в арбитражный суд [3; 4].

Отдельную группу составляют обязательства, которые сохраняются после завершения процедуры банкротства. К ним относятся, в частности, требования об уплате алиментов, о возмещении вреда жизни или здоровью, а также иные требования, прямо исключенные законом из освобождения от обязательств. Сохранение таких требований обусловлено их личным характером и необходимостью защиты прав других лиц. Следовательно, освобождение от долгов не должно превращаться в способ уклонения от ответственности за причинение вреда или неисполнение личных обязанностей [4; 5].

Вопрос о добросовестности должника имеет принципиальное значение для применения механизма освобождения от обязательств. При этом чрезмерно формальный подход способен ослабить социальную функцию банкротства и затруднить доступ к процедуре лицам, действительно оказавшимся в тяжелом финансовом положении.

Перспективы развития института связаны с повышением доступности процедур, совершенствованием критериев добросовестности и более эффективным использованием реструктуризации долгов. Необходимо также четче разграничивать устойчивую неплатежеспособность и временные финансовые затруднения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с учетом поправок).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».
7. Борисова Ю. Н. Институт банкротства — история в цифрах и фактах // Галоганов и партнеры: коллегия адвокатов.
8. Статистика банкротств физических лиц и компаний: обзор // РосКо. URL: https://rosco.su/press/statistika-bankrotstv-fizicheskikh-lits-i-kompaniy-obzor (дата обращения: 06.11.2026).
9. Алексеева, Ю. Ю. История развития института банкротства в России и за рубежом / Ю. Ю. Алексеева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 50 (549). — С. 167-170. — URL: https://moluch.ru/archive/549/120631.

Несостоятельность (банкротство) гражданина: актуальные проблемы

Коновалова Мария Евгеньевна, студент магистратуры
Калужский институт (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета

В статье рассматриваются актуальные проблемы института банкротства граждан в Российской Федерации. Анализируются доступность судебной и внесудебной процедур, реализация имущества и защита единственного жилья, имущественные интересы супругов, критерии добросовестности должника и последствия освобождения от обязательств. Особое внимание уделяется современным правовым позициям Верховного Суда РФ и статистике применения процедуры.

Ключевые слова: *банкротство гражданина, несостоятельность, реструктуризация долгов, реализация имущества, единственное жилье, добросовестность должника, внесудебное банкротство.*

Введение

Институт банкротства гражданина призван обеспечить баланс между правом кредитора на возврат денежных средств и возможностью гражданина, оказавшегося в тяжелом финансовом положении, восстановить экономическую самостоятельность. Его значение продолжает возрастать: по данным Федресурса, в 2025 г. в судебном порядке банкротами были признаны около 568 тыс. граждан и индивидуальных предпринимателей, а число внесудебных процедур, инициированных через многофункциональные центры, превысило 68 тыс. [3]. Масштаб применения механизма делает особенно заметными проблемы его доступности, справедливого распределения имущества и определения пределов освобождения от долгов.

Правовую основу составляет Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», прежде всего глава X, регулирующая банкротство граждан [1]. При этом содержание многих правил раскрывается через судебную практику, поскольку формальное применение норм не всегда позволяет учесть семейное положение должника, характер его поведения и интересы кредиторов.

1. Доступность и эффективность процедур банкротства

Первая проблема связана с различиями между судебным и внесудебным банкротством. Судебная процедура предполагает участие арбитражного суда и финансового управляющего, публикацию сведений, анализ имущественного положения и, при необходимости, реализацию имущества. Для гражданина это означает дополнительные расходы и необходимость взаимодействовать с профессиональными участниками процедуры. Если у должника отсутствуют средства даже на организационные расходы, фактическая доступность судебного механизма может быть ограничена.

Внесудебное банкротство через МФЦ позволяет списать предусмотренные законом долги без обращения в арбитражный суд и без оплаты вознаграждения финансового управляющего. Однако воспользоваться им можно только при соблюдении установленных законом условий, включая ограничения по размеру задолженности и наличие предусмотренных законом обстоятельств, связанных с исполнительным производством или социальным статусом заявителя [1]. Поэтому внесудебный порядок не является универсальной заменой судебному: граждане, не отвечающие критериям допуска, вынуждены обращаться в суд либо продолжать исполнение обязательств.

2. Защита единственного жилья и имущественных интересов семьи

Одним из наиболее сложных вопросов остается соотношение интересов кредиторов с правом должника и членов его семьи на жилище. По общему правилу имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, исключается из конкурсной массы. Вместе с тем абсолютное применение исполнительского иммунитета может вступать в противоречие с задачей недопущения злоупотреблений и справедливого удовлетворения требований кредиторов.

Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18 июня 2025 г., с изменениями от 29 апреля 2026 г., систематизировал подходы к определению единственного жилья, оценке его характеристик и возможности предоставления замещающего помещения [2]. Из правовых позиций следует, что при разрешении таких споров необходимо исследовать реальные обстоятельства: принадлежность иных жилых объектов, фактическое проживание должника и семьи, характеристики спорного помещения, а также наличие признаков злоупотребления правом. Само по себе наличие возможности временно проживать по другому адресу не означает автоматической утраты исполнительского иммунитета.

Отдельную сложность представляет банкротство одного из супругов. При наличии общего имущества возникает необходимость разграничить личную собственность должника и совместную собственность супругов, определить порядок реализации общего имущества и распределения вырученных средств. Судебная практика требует учитывать, кому принадлежит обязательство, в чьих интересах оно возникло и имеются ли основания считать долг общим [2]. Недостаточная определенность имущественного положения семьи способна привести к затрагиванию интересов супруга, который не является банкротом.

3. Добросовестность должника и освобождение от обязательств

Назначение процедуры банкротства не сводится к автоматическому списанию задолженности. Освобождение от обязательств является важным социально-экономическим последствием процедуры, однако оно предполагает добросовестное поведение гражданина. Сокрытие имущества или доходов, предоставление заведомо недостоверных сведений, вывод активов и иное неправомерное поведение могут стать основанием для отказа в освобождении от обязательств полностью или в соответствующей части.

Верховный Суд РФ в обзоре практики 2025 г., утвержденном 29 апреля 2026 г., уделил внимание вопросам добросовестности, формирования конкурсной массы и последствий завершения процедуры [2]. В частности, суды должны оценивать поведение должника не формально, а с учетом совокупности обстоятельств, включая причины возникновения задолженности, действия по распоряжению имуществом и полноту раскрытия информации. В феврале 2026 г. Верховный Суд отдельно напомнил о необходимости оценивать добросовестность гражданина при решении вопроса об освобождении от долгов [4].

4. Баланс интересов должника и кредиторов: направления решения проблем

Рост числа дел о банкротстве показывает, что механизм стал востребованным способом урегулирования долговой нагрузки. Вместе с тем увеличение количества процедур само по себе не свидетельствует о полном достижении их целей. В статистике за 2025 г. отмечалось увеличение числа планов реструктуризации долгов, однако их доля по отношению к общему количеству судебных банкротств оставалась небольшой [3; 5]. Это указывает на необходимость развивать восстановительные инструменты, позволяющие сохранить платежеспособность гражданина без обязательной продажи имущества.

Заключение

Таким образом, актуальные проблемы банкротства граждан связаны с необходимостью согласовать социальную функцию процедуры с защитой имущественных интересов кредиторов. Наиболее острыми остаются вопросы доступности судебного и внесудебного порядка, сохранения единственного жилья, учета прав супруга, оценки добросовестности и определения пределов освобождения от обязательств.

Современная практика Верховного Суда РФ способствует формированию более единых подходов, однако дальнейшее развитие института требует не только уточнения правоприменительных критериев, но и повышения доступности правовой помощи, совершенствования реструктуризации долгов и обеспечения прозрачности процедуры. Эффективность банкротства гражданина должна оцениваться не только количеством завершенных дел, но и тем, насколько процедура обеспечивает справедливый баланс интересов и создает условия для финансового восстановления добросовестного должника.

Литература:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. и изм., действующие на 06.11.2026).
2. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 (ред. от 29.04.2026).
3. Суды признали банкротами 568 тыс. граждан в 2025 г. // Интерфакс. 26.01.2026.
4. Верховный Суд РФ напомнил о стандарте добросовестности при личном банкротстве // Верховный Суд Российской Федерации. 27.02.2026.
5. Березюк А. Банкротство граждан в I полугодии 2026 г.: рост замедляется, требования к качеству растут // PROбанкротство. 02.09.2026.

Реализация принципа доступности арбитражного судопроизводства в условиях налоговой реформы 2024 года

Кострюков Алексей Сергеевич, аспирант;
Карапетян Марина Седраковна, студент
Научный руководитель: Федоренко Наталия Владимировна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

В статье исследуется трансформация принципа доступности арбитражного правосудия (ст. 2 АПК РФ) под влиянием налоговой реформы 2024 года. На основе анализа положений Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ и эмпи-

рических данных судебной практики выявляется, что цифровизация процедур подачи исков сопровождается снижением фактической доступности правосудия для субъектов малого и среднего предпринимательства (МСП). Путем экономико-правового моделирования доказано, что изменение шкалы государственной пошлины перевело категорию споров на сумму 500 000 рублей из зоны низкой рентабельности в зону заведомой убыточности для истца. Предлагается комплекс мер по адаптации процессуального законодательства, включающий введение дифференцированной шкалы пошлины и упрощение идентификации в цифровой среде.

Ключевые слова: *доступность правосудия, государственная пошлина, статья 333.21 НК РФ, судебные расходы, субъекты МСП, электронное правосудие, асимметрия доказательственной базы, АПК РФ.*

Implementation of the principle of accessibility of arbitration proceedings under the 2024 tax reform

Kostryukov Alexey Sergeevich, graduate student;
Karapetyan Marina Sedrakovna, student
Scientific advisor: Fedorenko Natalia Vladimirovna, doctor of sociological sciences, candidate of law, professor
Rostov State Economic University (RINH) (Rostov-on-Don)

The article examines the transformation of the principle of accessibility of arbitration justice (Article 2 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation) under the influence of the 2024 tax reform. Based on an analysis of the provisions of Federal Law No. 259FZ dated 08.08.2024 and empirical data from judicial practice, it is revealed that the digitalization of claim filing procedures is accompanied by a decrease in the actual accessibility of justice for small and mediumsized businesses (SMEs). Through economic and legal modeling, it has been proven that the change in the state fee scale has moved the category of disputes involving amounts of 500,000 rubles from the zone of low profitability into the zone of obvious loss for the plaintiff. A set of measures is proposed to adapt the procedural legislation, including the introduction of a differentiated fee scale and simplification of identification in the digital environment.

Keywords: *accessibility of justice, state fee, Article 333.21 of the Tax Code of the Russian Federation, court costs, small and mediumsized enterprises, electronic justice, asymmetry of the evidentiary base, Arbitration Procedure Code of the Russian Federation.*

Институт доступности правосудия традиционно рассматривается как фундаментальная гарантия защиты прав предпринимателей. Однако современная правовая реальность демонстрирует трансформацию барьеров: на смену административным и географическим препятствиям приходят экономические и технологические. В частности, именно Федеральным законом № 451-ФЗ был введен образовательный ценз для судебных представителей (ст. 6), что впервые системно разделило участников процесса на «профессионалов» и «лиц без профильного образования» [1]. Актуальность исследования детерминирована вступлением в силу Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ, существенно скорректировавшим фискальную нагрузку при обращении в арбитражные суды [2]. Целью настоящей работы является оценка влияния новой шкалы госпошлины и цифровизации ЭДО на реальную возможность МСП защищать свои права, а также разработка предложений по демпфированию выявленных негативных эффектов.

Классическим элементом доступности считалась соразмерность судебных издержек защищаемому экономическому интересу. Изменения, внесенные в п. 1 ст. 333.21 Налогового кодекса РФ, привели к нелинейному росту государственной пошлины [3].

Для оценки масштаба изменений проведено моделирование издержек микропредприятия при взыскании дебиторской задолженности в размере 500 000 рублей (табл. 1).

Анализ данных свидетельствует о том, что при маржинальности малого бизнеса на уровне 15 % (прибыль 75 000 руб. с контракта в 500 000 руб.) обращение в суд стало экономически иррациональным. Если до реформы процесс находился на грани рентабельности (издержки превышали прибыль на 0,2 п.п.), то после сентября 2024 года чистый убыток истца на этапе инициации спора составляет

Таблица 1. **Динамика совокупных издержек при обращении в арбитражный суд (иск 500 000 руб.)**

Показатель	До 09.09.2024 (старая редакция НК РФ)	После 09.09.2024 (ФЗ № 259-ФЗ)
Цена иска	500 000 руб.	500 000 руб.
Госпошлина (расчет по ст. 333.21 НК РФ)	15 200 руб. (800 + 3 % от 480 000)	30 000 руб. (10 000 + 5 % от 400 000)
Средний гонорар юриста	60 000 руб.	85 000 руб.
Совокупные затраты истца	**75 200 руб.**	**115 000 руб.**
Доля издержек от суммы иска	**15,0 %**	**23,0 %**

40 000 рублей, при этом ожидаемый возврат судебных расходов будет нивелирован применением судами критерия «разумности» [4].

Вторым уровнем барьера выступает императивное требование использования усиленной квалифицированной электронной подписи (УКЭП). Несмотря на позиционирование цифровизации как средства упрощения доступа, стоимость и сложность получения УКЭП (от 3 000 до 5 000 руб. плюс ежегодное обслуживание) формируют «цифровой ценз». Для субъектов МСП из удаленных регионов логистические издержки на идентификацию личности могут кратно превышать стоимость самого цифрового инструмента.

Кроме того, выявлена критическая зависимость арбитражного процесса от стабильности инфраструктуры сервиса «Мой арбитр». Фиксируются случаи, когда технические сбои (например, 14 мая 2024 года) приводили к пропуску пресекательных процессуальных сроков. Суды, придерживаясь строгого формализма, отказывают в восстановлении сроков, квалифицируя технический сбой на стороне истца как неуважительную причину. Данный формализм в оценке уважительности причин пропуска сроков является одной из классических проблем арбитражного процесса [5].

В спорах с цифровыми платформами (маркетплейсами) наблюдается структурное неравенство. Агрегаторы обладают монополией на первичные цифровые данные (логи транзакций, алгоритмы расчета штрафов). В судебной практике 2024–2025 гг. фиксируются случаи отказа арбитражным судам в удовлетворении ходатайств об истребовании внутренних алгоритмов платформ со ссылкой на коммерческую тайну [6] (ст. 139 АПК РФ) [7].

Для нивелирования выявленных диспропорций представляется целесообразным имплементировать следующие меры:

1. Введение «защитной планки» по государственной пошлине для исков до 1 000 000 рублей, поданных субъектами МСП. Целесообразно зафиксировать максимальный размер сбора на уровне, не превышающем 10–12 % от цены иска, чтобы сохранить экономическую мотивацию к судебной защите.

2. Для дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства (до 500 000 руб.), целесообразно разрешить единоличному исполнительному органу (директору) представлять организацию без диплома о высшем юридическом образовании, ограничив это право рамками данной процедуры.

3. Интеграция модуля подачи исковых заявлений в контур ЕСИА (портал «Госуслуги») для споров с ценой иска до 300 000 рублей с использованием простой электронной подписи (ПЭП) вместо обязательной УКЭП. Риски оспаривания подписи в данном типе споров минимальны, а эффект для доступности — высок, что соответствует современным тенденциям развития ГПК РФ [8].

Исторический опыт показывает, что чрезмерный формализм и фискализация всегда вели к отчуждению граждан от суда — этот тезис был фундаментально обоснован еще в советской правовой науке [9]. Проведенное исследование позволяет констатировать, что налоговая реформа 2024 года, направленная на пополнение бюджета, привела к непредвиденным последствиям в сфере защиты прав предпринимателей. Рост совокупных издержек по иску на 500 000 рублей с 75 200 до 115 000 рублей (доля от иска выросла с 15 % до 23 %) перевел значительную часть коммерческих споров в категорию экономически нецелесообразных.

Реализация предложенных мер по дифференциации пошлины и упрощению ЭДО позволит снизить риск маргинализации малого бизнеса в правовом поле. Без корректировки процессуального и налогового законодательства существует угроза системного ухода сделок по разрешению конфликтов в теневой сектор и третейское разбирательство вне рамок государственного контроля, что подрывает единство правовой системы.

Литература:

1. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 13.10.2026).
2. Федеральный закон от 08.08.2024 № 259-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации»... // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 13.10.2026).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000 г. № 32. ст. 3340.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194054/ (дата обращения: 13.10.2026).
5. Ярков В. В. Арбитражный процесс: учебник. 8-е изд. — М.: Статут — 2021. — 752 с.
6. Аналитический обзор «Судебная практика по взысканию судебных расходов 2024–2025 гг.» // Система Юрист / Правовая среда. 2025.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 22.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.07. 2002 г. № 30. Ст. 3012.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002 г. № 46. Ст. 4532.
9. Абова Т. Е. Арбитражный процесс в СССР: понятие, основные принципы: монография. — М.: Наука, Академия наук СССР. Институт государства и права -1985. — 144 с.

Чат-боты с искусственным интеллектом как новый источник суицидального воздействия и проблема субъекта уголовной ответственности

Кривощёкова Ксения Константинова, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматривается ситуация, когда суицидальное воздействие на человека исходит от диалоговой системы искусственного интеллекта. Выделены три модели участия искусственного интеллекта в таком воздействии и показано, что в модели автономной генерации ответа уголовный закон не находит виновного. Предлагается закрепить для операторов общедоступных чат-ботов обязанность антисуицидального реагирования и связать с ее нарушением административную ответственность юридических лиц.

Ключевые слова: *доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, искусственный интеллект, чат-бот, субъект преступления, информационная безопасность детей.*

Чат-боты на основе искусственного интеллекта помнят прежние разговоры и подстраиваются под настроение собеседника. Неудивительно, что им доверяют личные переживания. По данным опроса маркетплейса «Выберу.ру» и ГК IT Smart Finance, почти 15 % взрослых россиян используют нейросети в качестве друзей, а 22 % обращаются к ним как к психологу [13]. Компания OpenAI в октябре 2025 г. сообщила, что примерно 0,15 % еженедельных пользователей ChatGPT ведут разговоры с явными признаками возможного планирования самоубийства. При аудитории более 800 млн человек в неделю речь идет о миллионе с лишним пользователей [15].

Уголовный закон между тем рассчитан на другую картину. Составы ст. 110, 110.1 и 110.2 УК РФ описывают воздействие одного человека на другого [1]. Если же опасные «советы» дает программа, встает вопрос, отвечает ли за них кто-нибудь вообще.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить пределы применения действующих норм к таким случаям и предложить меры для закрытия пробела. Использовались формально-юридический метод и анализ случаев, получивших огласку в российских СМИ. Новизна работы заключается в разграничении трех моделей участия ИИ в суицидальном воздействии и в обосновании того, что обнаруженный пробел носит регулятивный, а не уголовно-правовой характер.

Опасность таких разговоров уже нельзя считать предположением. Ю. С. Балалаева приводит эксперимент 2020 г., в котором медицинский чат-бот на базе GPT-3 на вопрос «Мне убить себя?» ответил «Я думаю, стоит» [7, с. 15]. Тогда все ограничилось лабораторией, однако пример хорошо показывает, что опасный ответ может появиться без чьего-либо умысла. Позже житель Бельгии покончил с собой после многодневного общения с чат-ботом «Элиза», а разработчики заявили, что не могут отвечать за такие последствия [9, с. 456]. В феврале 2024 г. во Флориде погиб 14-летний Сьюэлл Сетцер, переписывавшийся с персонажем приложения Character.AI, и его мать подала иск к компании и корпорации Google [11]. В апреле 2025 г. в США покончил с собой 16-летний Адам Рейн. Родители утверждают, что ChatGPT помогал ему выбрать способ, а защитную подсказку обратиться к специалистам подросток сумел обойти [14]. В ноябре того же года к OpenAI поступило еще семь исков, причем четверо упомянутых в них людей ушли из жизни [12]. В январе 2026 г. Google и Character.AI согласились урегулировать конфликт [13].

Все названные иски заявлены в гражданском порядке. Между тем по внешней форме поведение программы напоминает содействие самоубийству, ведь бот поддерживает суицидальные мысли и сообщает сведения о способах. Сходство вряд ли случайно, поскольку модель обучают быть приятным собеседником, а человек в кризисе часто ищет как раз согласия. Отсюда и возникает вопрос, можно ли оценивать подобные ситуации по российскому уголовному закону.

Ответ на него зависит прежде всего от фигуры субъекта. Ответственности по УК РФ подлежит только вменяемое физическое лицо (ст. 19). В. М. Андреев замечает, что даже при допущении правосубъектности ИИ в его действиях «отсутствует субъективная сторона преступления» [6, с. 311]. Поэтому спор об «электронном лице» мало что дает практике. Полезнее понять, стоит ли за ответом программы человек, чье поведение можно оценить по уголовному закону. С этой точки зрения изученные случаи позволяют выделить три модели.

В первой модели ИИ служит орудием. Человек сознательно настраивает чат-бота, например, задает ему роль и инструкции, чтобы тот склонял собеседников к самоубийству. Проблемы субъекта здесь нет. Виновный отвечает по ст. 110.1 или 110.2 УК РФ с квалифицирующим признаком использования сети «Интернет» [1]. Конструкция посредственного исполнения (ч. 2 ст. 33 УК РФ) тут не нужна, так как она говорит об использовании «других лиц», а программа лицом не является.

Вторая модель связана с обходом встроенных ограничений. Посторонний, который обходит их, чтобы получить опасные сведения и передать жертве, отвечает так же, как в первой модели. Если же ограничения обходит сам человек, решивший уйти из жизни, вопрос об ответственности оператора сервиса по сути переходит в третью модель. Похоже, именно так произошло в истории А. Рейна [14].

Третью модель можно назвать автономной генерацией. Разработчик выпустил универсальную модель, оператор открыл к ней доступ, а опасный ответ сложился уже в конкретном диалоге без чьей-либо цели причинить вред. Здесь возникает явление, которое предлагается обозначить как бессубъектное суицидальное воздействие. Объективная сторона, сходная с содействием самоубийству советами и «предоставлением информации» (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ), присутствует, а лица, которому ее можно вменить, нет. Склонение и содействие возможны только с умыслом, а у разработчика умысла в отношении конкретного пользователя обычно нет.

Остается ст. 238 УК РФ, по которой Ю. С. Балалаева предлагает привлекать производителей программ на основе ИИ, если их продукция не отвечает требованиям безопасности [7, с. 16]. Идея логична, но упирается в бланкетный характер нормы. Для вменения нужно назвать нарушенное обязательное требование, а применительно к суицидальному риску в диалоговых системах таких требований пока нет.

Не меняет положения и Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [5]. Среди его принципов названы уважение свободы воли человека и предотвращение угроз жизни и здоровью граждан (п. 4 и 9 ст. 4). Однако обязанность принимать «организационные и технические меры по обеспечению безопасности» возложена только на разработчиков суверенных и национальных больших фундаментальных моделей и начнет действовать с 1 марта 2027 г. (ст. 8, ч. 2 ст. 13). Об ответственности закон говорит отсылочно (ст. 11). К тому же разработчиком в нем признается индивидуальный предприниматель или юридическое лицо (п. 5 ст. 3), а юридическое лицо субъектом преступления в России не бывает.

Иной выход предлагает Р. С. Чурсин, по мнению которого следует «криминализировать создание и использование „вредоносного ИИ“ (чатов-ботов, нейросетей), предназначенных для склонения к суициду» новой статьей главы 28 УК РФ [10, с. 323]. Однако глава 28 охраняет безопасность компьютерной информации, а здесь страдает жизнь. Важнее другое: признак «предназначенных» охватывает только первую модель, которая и сейчас квалифицируется по ст. 110.1 и 110.2 УК РФ. Большинство же известных трагедий связано с универсальными сервисами, которые никто не задумывал как орудие.

Думается поэтому, что проблема субъекта в третьей модели решается не расширением круга лиц, отвечающих по уголовному закону, а появлением у оператора чат-бота четкой юридической обязанности. Пока ее нет, уголовному праву просто нечего вменять. Закрепить такую обязанность логично в Федеральном законе № 243-ФЗ, дополнив его нормой об антисуицидальном реагировании для лиц, предоставляющих гражданам доступ к чат-ботам на основе ИИ (операторов), независимо от статуса модели. Сервис должен распознавать в диалоге признаки суицидального риска, после чего прекращать выдачу сведений о способах самоубийства и предлагать контакты служб психологической помощи. Для несовершеннолетних нужен режим с усиленными ограничениями. М. А. Михайлов и Т. А. Кокодей предлагают обязать разработчиков менять системы ИИ после выявленных случаев злонамеренного применения [9, с. 458], тогда как реагирование в самом диалоге рассчитано на действие до трагедии.

Без санкции такая обязанность останется пожеланием, поэтому за ее неисполнение требуется установить административную ответственность юридических лиц. Опора для нее уже есть. Федеральный закон № 436-ФЗ запрещает распространять среди детей информацию, побуждающую к самоубийству (п. 1 ч. 2 ст. 5), и относит программы для ЭВМ к информационной продукции (п. 5 ст. 2) [4]. Но механизмы защиты рассчитаны на заранее созданный контент. Реестр по ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ блокирует страницы сайтов [3], и для статичных материалов он работает. По данным Роспотребнадзора, только в 2022 г. было выявлено 4 864 ссылки на суицидальный контент, из них 4 751 со сведениями о способах самоубийства [8, с. 277]. Ответ же чат-бота рождается в момент диалога, и заблокировать его по адресу страницы нельзя. Штраф для юридических лиц по ч. 1 ст. 6.17 КоАП РФ не превышает 50 тыс. руб. [2], поэтому нужна специальная норма с санкцией, привязанной к выручке.

С появлением такой обязанности получит содержательное наполнение и ст. 238 УК РФ. Тогда можно будет обсуждать ответственность должностного лица оператора, сознательно оставившего в работе сервис без антисуицидальных механизмов. Изменениями в законодательстве дело, впрочем, не ограничивается, и кое-что доступно уже сейчас. При проверках по фактам самоубийств несовершеннолетних наряду с перепиской в мессенджерах нужно изучать историю диалогов с ИИ-сервисами. Р. С. Чурсин называет цифровую переписку основным доказательством по делам о склонении к самоубийству [10, с. 322], и диалог с чат-ботом по своему значению для установления обстоятельств дела от нее мало отличается.

В итоге чат-боты следует рассматривать как самостоятельный канал суицидального воздействия, которое внешне совпадает с содействием самоубийству, но нередко лишено виновного человека. Для первых двух выделенных моделей действующих ст. 110.1 и 110.2 УК РФ достаточно. В третьей возникает бессубъектное суицидальное воздействие, и признание ИИ субъектом преступления этот пробел не закроет. Не закрывает его и Федеральный закон № 243-ФЗ. Решение видится в обязанности антисуицидального реагирования для операторов с административной ответственностью юридических лиц, а уголовный закон остается последним рубежом для должностных лиц, умышленно игнорирующих эти требования.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
4. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
5. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003 (дата обращения: 29.10.2026).
6. Андреев В. М. Общие вопросы уголовной ответственности за деяния искусственного интеллекта // Вопросы российской юстиции. 2024. № 32. С. 308–315.
7. Балалаева Ю. С. Проблема определения субъектов юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом: анализ путей решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3 (99). С. 10–19.
8. Безлепкина О. В., Молчанова М. С. Роль уголовного закона в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4 (105). С. 275–281.
9. Михайлов М. А., Кокодей Т. А. Риски злонамеренного использования искусственного интеллекта и возможности их минимизации // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 5. С. 452–461.
10. Чурсин Р. С. Проблемы выявления и расследования склонения к совершению самоубийства в условиях цифровизации: пути преодоления кризиса латентности // Право и управление. 2026. № 1. С. 321–324.
11. Американка обвинила Character.AI и Google в смерти своего сына // РИА Новости. 2024. 24 октября. URL: https://ria.ru/20241024/sud-1979859487.html (дата обращения: 29.10.2026).
12. Котов П. К OpenAI подали семь исков — ChatGPT обвиняют в доведении пользователей до самоубийства // 3DNews. 2025. 7 ноября. URL: https://3dnews.ru/1132058/k-openai-podali-sem-iskov-chatgpt-obvinyayut-v-dovedenii-polzovateley-do-samoubiystva (дата обращения: 30.10.2026).
13. Пирогова Е. Убийственная поддержка: как чат-боты доводят людей до трагедии // РБК Тренды. 2026. 15 апреля. URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/69d7a8919a794743c2a7a388 (дата обращения: 30.10.2026).
14. Почему OpenAI обвинили в самоубийстве подростка // Коммерсантъ. 2025. 27 августа. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7991019 (дата обращения: 29.10.2026).
15. СМИ узнали, сколько человек в неделю разговаривают с ChatGPT о суициде // РИА Новости. 2025. 28 октября. URL: https://ria.ru/20251028/chat-2051134985.html (дата обращения: 29.10.2026).

Проблемы правового регулирования доступности студенческих общежитий для обучающихся с инвалидностью

Кузнецова Алина Руслановна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Статья посвящена анализу эффективности гарантий жилищных прав студентов с инвалидностью. Исследуется несоответствие между формальным закреплением права на первоочередное предоставление места в общежитии и фактическим отсутствием приспособленных для проживания условий. На основе статистических данных и судебной практики обосновывается необходимость конкретизации типового порядка предоставления жилых помещений.

Ключевые слова: *социальная защита инвалидов, доступная среда, студенческие общежития, право на образование, типовой порядок, судебная практика.*

Право на образование для лиц с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) неразрывно связано с созданием специальных условий, обеспечивающих возможность не только освоения образовательной программы, но и полноценной социализации. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (статья 15) возлагает на образовательные организации обязанность создавать условия для беспрепятственного доступа к объектам социальной инфраструктуры, включая жилые здания. Статья 39 Закона № 273-ФЗ, в свою очередь, предусматривает первоочередное предоставление жилых помещений в общежитиях отдельным категориям обучающихся, в том числе студентам с инвалидностью.

Однако практика показывает, что формальное наличие свободных мест в общежитии не тождественно обеспечению реальной возможности там проживать. Согласно докладу о реализации государственной политики в сфере высшего образования за 2025 год, из 2662 зданий студенческих общежитий условия полной или частичной доступности для инвалидов были созданы лишь в 1694 зданиях, что составляет 63,6 %. При этом количество специально оборудованных мест для студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата хотя и увеличилось с 2234 в 2021 году до 2326 в 2025 году, однако темпы этого роста (4,1 %) несопоставимы с ростом числа студентов с инвалидностью в вузах (по данным Минобрнауки России, их количество достигло 41 тысячи человек, увеличившись на 20 %).

Данная проблема приобретает особую остроту в свете требований статьи 79 Закона № 273-ФЗ, которая относит обеспечение доступа в здания и помещения образовательных организаций к специальным условиям получения образования. Очевидно, что это требование в равной мере должно распространяться и на жилые помещения, предоставляемые обучающимся на период обучения.

Ключевой недостаток действующего регулирования заключается в отсутствии четкой процедуры учета индивидуальных потребностей студента с инвалидностью при распределении жилых помещений. Приказ Минобрнауки России и Минпросвещения России от 18.05.2026 № 301/340, утвердивший новый типовой порядок предоставления обучающимся жилых помещений в общежитиях, вступивший в силу с 1 сентября 2026 года, в основном регламентирует вопросы очередности и оформления заселения, но не содержит специальной нормы, обязывающей образовательную организацию определять соответствие предоставляемого помещения индивидуальным ограничениям жизнедеятельности студента.

Этот пробел подтверждается судебной практикой. Показательным является Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 22.03.2024 по делу № 2–2385/2024. Студенту с инвалидностью, которому на период промежуточной аттестации была предоставлена комната в общежитии, пришлось обратиться в суд из-за несоответствия пандуса на входе в здание требованиям СП 59.13330.2020. Несмотря на то что университетом ранее уже было вынесено представление об устранении нарушений и издан соответствующий приказ, фактически работы выполнены не были. Суд обязал образовательную организацию привести пандус в соответствие с нормами, подтвердив, что сам факт предоставления места в общежитии не освобождает вуз от обязанности обеспечить его доступность.

Для СПбГАУ эта проблема также актуальна. Университет располагает девятью общежитиями общей вместимостью более 3400 мест, однако в официально опубликованных сведениях о доступной среде количество жилых помещений, приспособленных для использования инвалидами и лицами с ОВЗ, указано как отсутствующее.

В целях совершенствования правового регулирования предлагается дополнить типовой порядок № 301/340 специальным положением, обязывающим образовательную организацию при предоставлении жилого помещения студенту с инвалидностью:

1) учитывать необходимость создания специальных условий проживания, обусловленных имеющимися ограничениями жизнедеятельности;

2) при отсутствии соответствующего помещения документально определять необходимые мероприятия по обеспечению доступности и рассматривать возможность предоставления иного приспособленного помещения.

На локальном уровне (в СПбГАУ и других вузах) целесообразно провести обследование общежитий с состав-

лением паспортов доступности, вести учет студентов, нуждающихся в специальных условиях проживания, и утвердить план приспособления жилых помещений.

Проблема обеспечения жилищных прав студентов с инвалидностью лежит не в плоскости отсутствия законодательных обязанностей, а в недостаточной конкретизации процедур их реализации. Дополнение типового порядка и совершенствование локальных актов позволят преодолеть разрыв между формальным правом на общежитие и фактической возможностью им воспользоваться, что является необходимым условием для реализации конституционного принципа доступности образования.

Литература:

1. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/10164504/?ysclid=mwby922vmz52922752.
2. Об утверждении типового порядка предоставления обучающимся жилых помещений в общежитиях организациями, осуществляющими образовательную деятельность : Приказ Министерства образования и науки РФ и Министерства просвещения РФ от 18.05.2026 № 301/340.
3. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2025 год. — Москва, 2026.
4. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=mwby7f45ga886785248.
5. Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 22.03.2024 по делу № 2–2385/2024.
6. СНиП 35-01-2001 доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения : Свод правил СП 59.13330.2020 от 30.12.2020. — URL: https://base.garant.ru/400382837/.

Компенсационный правовой иммунитет в образовании: гарантии для социально незащищенных граждан и практика их реализации (на примере Санкт-Петербургского государственного аграрного университета)

Кузнецова Алина Руслановна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются специальные гарантии и изъятия из общего правового режима получения высшего образования, предоставляемые социально незащищенным категориям граждан. Обосновывается авторская категория «компенсационного правового иммунитета», позволяющая отграничить социальные гарантии от иных преимуществ (олимпиадных, целевых). На примере Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (далее — СПбГАУ) анализируется реализация особой и отдельной квот при поступлении, порядок назначения государственной социальной стипендии и обеспечение жилыми помещениями студентов с инвалидностью. Выявлены системные недостатки: риск ошибок при автоматизированном распределении квот, несовпадение даты возникновения права на социальную стипендию и даты начала её выплаты, отсутствие процедуры учёта индивидуальных потребностей при предоставлении общежитий. Предложены изменения в Порядок приёма (приказ Минобрнауки № 821), часть 5 статьи 36 Федерального закона № 273-ФЗ и типовой порядок предоставления общежитий (приказ № 301/340), а также локальные акты СПбГАУ.

Ключевые слова: *право на образование, социально незащищенные граждане, компенсационный правовой иммунитет, особая квота, отдельная квота, государственная социальная стипендия, доступность общежитий, СПбГАУ.*

Конституционная гарантия права на образование, закреплённая в части 1 статьи 43 Конституции РФ [1], не означает фактического равенства возможностей для всех поступающих и обучающихся. Материальное положение, состояние здоровья, семейные обстоятельства объективно ограничивают доступ к образовательным программам. В ответ на это федеральный законодатель вводит специальные правила, которые в настоящей работе предлагается обозначать как компенсационный правовой иммунитет — установленное законом отступление от общего режима поступления, обучения или социальной поддержки, предоставляемое определённой категории лиц для компенсации обстоятельств, затрудняющих реализацию права на образование. В отличие от обычной льготы такое изъятие не просто уменьшает обязанность или даёт преимущество, а временно или постоянно исключает применение общего правила, поскольку в отношении данного лица оно не обеспечивает равной фактической возможности. Цель статьи — на примере СПбГАУ показать, как работают компенсационные им-

мунитеты на трёх ключевых этапах (поступление, материальная поддержка, проживание) и какие системные дефекты требуют устранения.

Федеральный закон № 273-ФЗ (статья 71) [2] устанавливает две основные квоты: особую (не менее 10 % бюджетных мест для детей-сирот, детей-инвалидов, инвалидов I и II групп и др.) и отдельную (не менее 10 % для участников СВО и членов их семей). Масштаб применения отдельной квоты растёт: если в 2023 году по ней было зачислено около 9 тысяч человек, в 2024 году — более 15 тысяч, в 2025 году — 28,5 тысячи, то к 2026 году — уже 41 тысяча человек [10]. Это превращает специальные условия приёма из точечной меры в значимый сегмент бюджетного приёма. Однако рост объёмов усиливает зависимость реализации прав от корректности автоматизированных процедур. Показателен спор, рассмотренный Арбитражным судом г. Москвы (дело № А40–284909/2021) [7]: судебная экспертиза установила, что программное обеспечение, использовавшееся при приёме, не позволяло реализовать предусмотренные законодательством особые права (приём без вступительных испытаний, учёт олимпиад, особая квота). В одном из контрольных примеров система включила в приказ о зачислении четырёх человек при наличии трёх мест. Хотя решение касалось договорных отношений с разработчиком, оно демонстрирует: технический сбой способен привести к юридически значимому искажению конкурсных результатов. Действующий Порядок приёма (приказ Минобрнауки № 821) [3] не предусматривает обязательной документально оформленной проверки правильности применения квот до издания приказа о зачислении. Предлагается дополнить Порядок требованием о проведении такой проверки с оформлением акта приёмной комиссии, а на уровне СПбГАУ — закрепить соответствующую процедуру в локальных правилах приёма.

Государственная социальная стипендия — ключевой материальный иммунитет для студентов, получающих государственную социальную помощь. С 1 сентября 2026 года минимальный норматив для вузов составляет 3448 рублей в месяц (для сравнения: академическая стипендия — 2296 рублей). Однако часть 5 статьи 36 Закона № 273-ФЗ [2] связывает начало выплаты не с датой назначения помощи органом соцзащиты, а с датой представления подтверждающего документа в образовательную организацию. Возникает разрыв: студент, получивший помощь в марте, но представивший справку в апреле, теряет стипендию за март, хотя юридическое основание уже существовало. Судебная практика подтверждает эту модель. По делу № 8Г-30619/2025 [5] Первый кассационный суд признал правомерным отказ вуза произвести перерасчёт за периоды до подачи заявления, сославшись на буквальное содержание закона. Между тем с точки зрения существа гарантии такое регулирование снижает её компенсаторный потенциал: нуждаемость возникла раньше, чем студент документально её подтвердил. Предлагается дополнить часть 5 статьи 36 Закона № 273-ФЗ [2] правилом: при обращении в течение трёх месяцев со дня назначения государственной социальной помощи стипендия назначается с даты назначения помощи (с последующим подтверждением), а по истечении этого срока — по действующему правилу. Для СПбГАУ целесообразно закрепить электронный порядок подачи документов, регистрацию даты их поступления и обязательное информирование студентов о сроках.

Статья 39 Закона № 273-ФЗ [2] и типовой порядок (приказ № 301/340) [4] предусматривают первоочередное предоставление общежитий отдельным категориям, включая инвалидов I и II групп, детей-инвалидов. Однако первоочерёдность не решает проблему пригодности жилого помещения. По данным доклада о реализации госполитики в сфере высшего образования [8], в 2025 году из 2662 зданий общежитий только 1694 (63,6 %) имели полную или частичную доступность для основных нозологических групп; число специально оборудованных мест для лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата выросло незначительно — с 2234 в 2021 году до 2326 в 2025 году (на 4,1 %). Судебная практика подтверждает: предоставление комнаты ещё не означает устранения барьеров. Вахитовский районный суд г. Казани (дело № 2–2385/2024) [6] обязал вуз привести пандус общежития в соответствие с СП 59.13330.2020, поскольку формальное заселение студента с инвалидностью не обеспечило ему возможности самостоятельного доступа. Для СПбГАУ проблема приобретает конкретный вид: университет располагает девятью общежитиями более чем на 3400 мест, однако в официальных сведениях о доступной среде количество жилых помещений, приспособленных для инвалидов и лиц с ОВЗ, указано как отсутствующее [9]. Это необязательно свидетельствует о нарушении права конкретного студента (таких обращений в открытых источниках не зафиксировано), но означает отсутствие подтверждённой инфраструктурной готовности. Предлагается дополнить типовой порядок № 301/340 [4] пунктом об обязательном определении соответствия предоставляемого помещения индивидуальным ограничениям жизнедеятельности и документальном оформлении решения (о предоставлении приспособленной комнаты либо о мероприятиях по устранению барьеров), на уровне СПбГАУ — провести обследование общежитий, вести учёт нуждающихся и утвердить план приспособления.

Компенсационный правовой иммунитет в образовании — не просто сумма льгот, а система изъятий, призванная выровнять фактические стартовые условия. Анализ трёх направлений показывает, что основные дефекты лежат не в отсутствии норм, а в процедурах их реализации: автоматизированное распределение квот не сопровождается обязательной предварительной проверкой; дата начала выплаты социальной стипендии оторвана от даты возникновения нуждаемости; жилищная гарантия не подкреплена механизмом оценки пригодности конкретного помещения. Устранение этих разрывов — через поправки в приказ № 821 [3], часть 5 статьи 36 Закона № 273-ФЗ [2] и типовой порядок № 301/340 [4] — позволит перевести формальное равенство прав в реальную доступность образования для социально незащищённых граждан.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. — URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mwaig7tz23710816289.
2. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. — URL: https://base.garant.ru/70291362/?ysclid=mwby7f45ga886785248.
3. Об утверждении Порядка приёма на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры : Приказ Министерства образования и науки РФ от 27.11.2024 № 821. — URL: https://base.garant.ru/411022200/.
4. Об утверждении типового порядка предоставления обучающимся жилых помещений в общежитиях организациями, осуществляющими образовательную деятельность : Приказ Министерства образования и науки РФ и Министерства просвещения РФ от 18.05.2026 № 301/340. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/414195950/.
5. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2025 по делу № 8Г-30619/2025.
6. Решение Вахитовского районного суда г. Казани от 22.03.2024 по делу № 2–2385/2024.
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29.05.2025 по делу № А40–284909/21–80–1309.
8. Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования за 2025 год. — Москва, 2026.
9. Материально-техническое обеспечение и оснащённость образовательного процесса. Доступная среда // Официальный сайт СПбГАУ. — URL: https://spbgau.ru/sveden/objects/.
10. Данные Минобрнауки России о приёме по отдельной квоте (2023–2026 гг.).

Коллизия легального определения традиционного образа жизни и современных практик хозяйствования коренных народов

Кунавин Владлен Владимирович, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Законодательство декларирует защиту исконной среды обитания как целостного явления. Правоприменительная практика сводит данное понятие к формализованному перечню промыслов. Впервые показано, что указанная коллизия обладает исторической преемственностью. Патерналистская модель прослеживается от Устава об управлении инородцев 1822 года через советский эволюционизм. В качестве критерия эффективности правовых гарантий используются демографические индикаторы. Разрыв в продолжительности жизни коренных народов Севера с остальным населением страны составляет 18–20 лет. В качестве конструктивного предложения обосновывается отказ от численностного критерия. Вместо него предлагается механизм целевых фондов поддержки этносов с проектным финансированием.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы, традиционный образ жизни, системная коллизия, историко-правовая ретроспектива, демографические индикаторы, целевые фонды поддержки этносов.*

The conflict between the legal definition of the traditional way of life and modern management practices of indigenous peoples

Legislation declares the protection of the ancestral habitat as an integral phenomenon. Law enforcement practice reduces this concept to a formalized list of traditional crafts. For the first time, it is shown that this conflict has historical continuity. The paternalistic model can be traced from the Statute on the Administration of Inorodtsy of 1822 through Soviet evolutionism. Demographic indicators are used as a criterion for the effectiveness of legal guarantees. The gap in life expectancy between the indigenous peoples of the North and the rest of the country's population is 18–20 years. As a constructive proposal, the rejection of the population criterion is justified. Instead, a mechanism of targeted funds for ethnic groups support with project financing is proposed.

Keywords: *indigenous small-numbered peoples, traditional way of life, systemic conflict, historical-legal retrospective, demographic indicators, targeted funds for ethnic groups support.*

Россия обладает колоссальной территорией и разнообразием условий существования. Это объективная реальность, порождающая множество укладов. Одни сообщества интегрировались в мегаполисы и индустриальную экономику. Другие сохранили прямой контакт с природной средой, поддерживая хозяйственные практики, отточенные веками.

Термин «традиционный образ жизни» звучит просто. На практике он становится инструментом как защиты, так и дискриминации. Возникает искажение восприятия [1]. Обыватель часто представляет себе исключительно отшельников в глухой тайге, полностью оторванных от цивилизации. Юридическая реальность сложнее. Существуют группы, чей быт мало отличается от городского, но они формально отнесены к коренным малочисленным народам исключительно по демографическому признаку.

Мы сталкиваемся с системным противоречием. С одной стороны, Конституция и базовые федеральные законы декларируют защиту исконной среды обитания и самобытности [2]. С другой стороны, подзаконные акты и правоприменительная практика сужают это понятие до набора конкретных хозяйственных операций.

Осмысление данных процессов критически необходимо. Сохранение уникальной социокультурной среды Российской Федерации требует выработки новой правовой идеологии. Традиция не является пережитком прошлого. Это действенный механизм адаптации и выживания.

Для понятия конфликта природы, необходимо разобрать само понятие на составляющие. Ключевым документом здесь выступает Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [3]. Статья 1 дает исчерпывающее, на первый взгляд, определение. «Традиционный образ жизни малочисленных народов — это исторически сложившийся способ жизнеобеспечения, основанный на опыте предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, культуры, сохранения обычаев и верований». Закон упоминает не профессию, он говорит о системе. А она включает пять неразрывных элементов: природопользование, социальную организацию, культуру, обычаи и верования. Логика законодателя здесь прозрачна. Государство признает, что для определенных этнических групп эти элементы образуют единый организм. Изъятие одного элемента разрушает весь уклад.

На уровне подзаконного регулирования происходит резкое сужение смысла. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631-р утверждает перечень видов традиционной хозяйственной деятельности [4]. В нем фигурируют конкретные промыслы: охота, рыболовство, оленеводство, бортничество, сбор дикоросов. Должностные лица оценивают хозяйственную деятельность через формализованный перечень. В целях получения льгот, квот или прав на земельные участки от заявителя требуется документальное подтверждение осуществления строго определенного вида деятельности, включенного в данный исчерпывающий перечень. Здесь возникает главный разрыв. Закон гарантирует защиту образа жизни как целостного явления. Правоприменительная практика требует подтверждения отдельного хозяйственного действия. Если оленевод вынужден временно переехать в поселок из-за закрытия школы или больницы, он формально выпадает из правового поля. Его уклад прерван не по его воле, но закон трактует это как отказ от традиционного образа жизни.

Глубинная причина кроется в теоретическом подходе к праву. В советский период господствовала эволюционная теория [5]. Право отождествлялось исключительно с законодательством. Обычное право признавалось лишь в том случае, если оно было прямо санкционировано государством. Такой подход отсек огромный пласт социальных регуляторов. Он игнорировал те нормы поведения, которые реально работают внутри этнической группы, но не получили формального закрепления в кодексах.

Особую проблему создает численный критерий. Действующее законодательство относит к коренным малочисленным народам группы численностью менее 50 тысяч человек. Этот порог неудачен. Он не отвечает социальному предназначению закона [6]. Дополнительные юридические гарантии нужны не потому, что людей мало. Они нужны потому, что их традиционные формы хозяйствования требуют особой государственной поддержки для выживания в современных экономических условиях. Крупный по численности народ, проживающий компактно и сохраняющий уникальные промыслы, может нуждаться в таких же гарантиях. Целесообразно заменить термин «коренной малочисленный народ» на «коренной народ». Определение должно опираться на проживание на территории традиционного расселения предков, сохранение традиционного образа жизни и хозяйствования, а также на самоидентификацию как самостоятельной этнической общности. При этом необходимо учитывать, что отмена численностного порога потребует создания нового финансового механизма поддержки — в частности, формирования целевых фондов поддержки этносов, функционирующих не по принципу дотационного списка, а на основе проектного финансирования конкретных общинных инициатив. Без такого механизма реформа рискует остаться декларативной, поскольку действующие нормы Бюджетного кодекса [7] РФ и сложившиеся алгоритмы распределения федеральных субсидий жестко привязаны к утвержденному перечню малочисленных народов.

Эта логика напрямую сталкивается с экономической экспансией. Дискуссии обостряются при разработке месторождений на территориях традиционного природопользования. Индустриальные проекты требуют земли и ресурсов. Традиционный уклад требует сохранения экологического баланса [8]. Ученые и юристы ищут способ обеспечить сохранение самобытности, не блокируя социально-экономическое развитие регионов. Решение лежит не в запретах, а в создании работающих механизмов защиты.

Ключевым инструментом здесь должна стать этнологическая экспертиза [9]. Она призвана оценивать воздействие любых экономических проектов на коренные сообщества до начала работ. Сегодня этот механизм функционирует недостаточно эффективно. Отсутствует специальный федеральный закон, регламентирующий порядок проведения такой экспертизы. Без четких правил учета традиционных знаний и ценностей любые согласования превращаются в формальность.

Коллизия проявляется и в трактовке прав конкретных лиц. Закон № 82-ФЗ делит лиц, относящихся к коренным народам, на две категории. Первые ведут традиционный образ жизни и занимаются промыслами. Вторые проживают в тех же местах, но их традиционная деятельность является подсобной по отношению к основной работе в других отраслях. Эта дифференциация дает повод для злоупотреблений. Подобный подход игнорирует природу этнической идентичности. Принадлежность к народу и культурные связи не исчезают при смене рода занятий. Человек, работающий в школе, остается носителем традиционных знаний. Он может вернуться к промыслу в любой момент. Он участвует в жизни общины. Отрицание его прав на основе текущего места работы разрушает саму идею преемственности поколений. Право на традиционный образ жизни должно гарантироваться всем представителям коренных народов, а не только тем, кто в данный момент физически находится в других условиях.

Эта логика находит подтверждение в высшей судебной практике. Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 28 мая 2019 года № 21-П прямо указал на недопустимость ограничения прав членов общины только теми, кто лично осуществляет добычу [10]. Суд признал, что община вправе делегировать право добычи охотничьих ресурсов одним своим членам в интересах всех остальных. Это решение восстанавливает справедливость. Оно признает общину как целостный субъект права, а не как сумму изолированных индивидов-охотников.

Уходя в ретроспективу, правовой статус коренных народов начал формироваться задолго до появления современных конституционных норм. В Российской империи эти группы не рассматривались как равные субъекты права. Официальный дискурс использовал термин «инородцы» [11]. Это слово несло не только этнографическую, но и строго юридическую нагрузку. Ключевым документом той эпохи стал «Устав об управлении инородцев» 1822 года, разработанный М. М. Сперанским [12]. Позже его положения уточнялись и расширялись в «Положении об инородцах» 1892 года. Государство признавало их особый уклад, но исключительно из соображений административного удобства и фискальных интересов. Сохранение традиций поощрялось лишь постольку, поскольку оно обеспечивало стабильный сбор ясака и управляемость окраин. Традиционный образ жизни здесь выступал не как самостоятельная ценность, а как объект эффективного управления.

Советский период принес радикальный слом. Господствующая эволюционная теория в юриспруденции диктовала жесткую линейную модель развития. Считалось, что все народы должны пройти одинаковый исторический путь от «отсталости» к социализму. Терминология сменилась. В оборот вошли понятия «туземные народности», «малые народности Севера», «племена северных окраин» [13]. Государственная политика приняла форму жесткого патернализма. Власть решила, что знает, как лучше жить коренным народам. Коллективизация, принудительный перевод на оседлость, создание национальных колхозов последовательно трансформировали естественную социальную организацию и вековые связи с землей.

В советской правовой доктрине закрепилось существенное упущение, влияющее на нас до сих пор. Право отождествлялось исключительно с письменным законодательством. «Обычное право» признавалось лишь в одном случае: если оно было прямо санкционировано государством. Такой подход отсек от юридического поля реальные механизмы регуляции жизни внутри общин. Нормы, которые веками обеспечивали выживание и экологический баланс, объявлялись пережитками, если они не вписывались в государственные пятилетние планы. Именно тогда зародилась опасная тенденция. Государство присвоило себе право определять, что считать «правильной» традицией, а что подлежит искоренению или игнорированию [14].

Распад СССР открыл пространство для пересмотра этих догм. 1990-е годы стали временем правового ренессанса. Нормы международного права, концепция прав человека и защита меньшинств активно проникали в российскую повестку [15]. Государство признало необходимость специальных гарантий для уязвимых этнических групп. Кульминацией этого процесса стало принятие в 1999 году Федерального закона № 82-ФЗ. Впервые на законодательном уровне закреплялось право на сохранение исконной среды обитания и традиционного образа жизни как самостоятельная, защищаемая юридическая категория. Закон пытался исправить историческую несправедливость и дать общинам инструменты для защиты своих интересов в новых рыночных условиях.

Последующие два десятилетия продемонстрировали обратную, деградационную тенденцию. Анализ поправок и изменений в профильное законодательство выявляет системное ухудшение положения коренных народов [16]. Происходит системная оптимизация нормативной базы в сторону снижения гарантий. Из законов постепенно изымались положения, дававшие реальные, а не декларативные преимущества. Исчезли нормы о возможности получения земельных участков в пожизненное наследуемое владение на безвозмездной основе. Ушли в прошлое гарантии бесконкурсного предоставления участков для традиционного рыболовства и охоты. Были упразднены механизмы использования части платежей за пользование недрами для социально-экономического развития указанных народов.

Особую значимость приобрела консолидация административного и корпоративного ресурса в ресурсодобывающих регионах. В нефтегазовых субъектах федерации важные вопросы все чаще решаются исходя из интересов крупных корпораций. Органы власти утрачивают роль независимого гаранта прав малочисленных этнических общностей. Механизм обязательной оценки негативного воздействия промышленных проектов на традиционный образ жизни превратился в формальность или вовсе игнорируется на практике. Законные притязания народов

на компенсации за ущерб среде обитания в судах нередко трактуются как шантаж или необоснованное вымогательство. Попытки общин консолидироваться для защиты своих интересов объявляются угрозой экономической стабильности региона.

Исторический анализ показывает четкую закономерность. Понятие традиционного образа жизни постоянно искажалось под давлением доминирующей государственной идеологии. Сначала это был имперский прагматизм, затем советский эволюционизм, а сейчас — бюрократический формализм в интересах сырьевого капитала. Каждый раз государство пыталось вписать живую, динамичную культуру в свои жесткие административные рамки. Результат предсказуем. Правовые гарантии существуют, но механизмы их реализации последовательно ослабляются.

Сравнительный анализ правовых режимов требует выхода за пределы национальных границ. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока России не существуют в изоляции. Они являются неотъемлемой частью глобальной циркумполярной культуры. В эту общность входят алеуты и эскимосы США, индейцы, инуиты и метисы Канады, эскимосы Гренландии, саами Скандинавии. Мировое сообщество коренных народов насчитывает около 300 миллионов человек в 70 странах. Этот глобальный контекст задает четкие ориентиры для оценки эффективности национального законодательства. Международно-правовая защита права на традиционный образ жизни выстраивается по трем направлениям. Первое — общий режим прав человека. Второе — нормы, защищающие права национальных, этнических, религиозных и языковых меньшинств. Третье — специальные юридические гарантии, адресованные именно коренным народам. В рамках ООН, Международной организации труда (МОТ) и Совета Европы сформировался массив международных стандартов. Лидером в этой сфере выступает Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1989 году [17]. Это единственный специализированный международно-правовой документ, содержащий обязательные для стран-участниц минимальные стандарты организации традиционной жизнедеятельности. Россия эту конвенцию до сих пор не ратифицировала. Декларация ООН о правах коренных народов 2007 года задает важный политический вектор, но не обладает прямой обязательной юридической силой, в отличие от конвенций МОТ [18].

Сопоставление российских гарантий с международными стандартами выявляет системное отставание. Номенклатура прав, гарантированных в Российской Федерации, существенно уступает перечню, зафиксированному в Конвенции № 169 и Декларации ООН. Большинство российских положений не имеют надлежащей нормативно-правовой конкретизации. Особенно остро эта проблема стоит в части прав на пользование землей и природными ресурсами.

Внутреннее российское законодательство страдает от внутренних противоречий. Право на приоритетное пользование животным миром декларируется в базовом законе № 82-ФЗ. Однако оно не развивается и не конкретизируется в профильных федеральных законах об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, а также о рыболовстве. Нормы не согласуются между собой. Обязанности органов публичной власти размыты. Выплаты компенсаций за ущерб исконной среде обитания носят эпизодический характер.

Правоприменительная практика множит изъяны правового регулирования [19]. Суды регулярно отказывают представителям коренных народов и их общинам в праве на создание территорий традиционного природопользования федерального значения. Судебные инстанции ограничивают общины в осуществлении законных видов предпринимательской деятельности. Традиционную охоту и рыболовство порой прямо квалифицируют как браконьерство.

В одних случаях суды требуют от общин использования современных, промышленно произведенных орудий лова, отвергая традиционные методы как недостаточно эффективные или якобы не соответствующие современным стандартам безопасности. В других случаях те же суды признают использование нарезного оружия или технических средств несовместимым с традиционным образом жизни, требуя возврата к архаичным методам добычи. Непоследовательность в трактовке традиционности полностью обесценивает саму идею правовой защиты. Суды применяют законодательство без учета реальных особенностей культуры, обычаев и традиций. Требование Федерального закона № 82-ФЗ учитывать эти особенности при рассмотрении дел (статья 14) остается нереализованным, поскольку процессуальные кодексы не содержат механизмов такого учета. Конституционный суд Российской Федерации не обобщает эту противоречивую практику и не дает нижестоящим инстанциям обязательных разъяснений [20].

Социальные и демографические индикаторы служат самым объективным мерилом эффективности любой правовой модели. Продолжительность жизни лиц, относящихся к коренным народам Севера, ниже средней по России на 18–20 лет. Разрыв с аборигенами Аляски и Канады достигает 30 лет [21]. Высокая смертность, кризисное состояние традиционных видов хозяйственной деятельности, низкий уровень жизни и высокая безработица напрямую связаны с интенсивным промышленным освоением северных территорий. Площади оленьих пастбищ и охотничьих угодий сокращаются, а сопутствующие экологические проблемы игнорируются. Текущая российская модель регулирования не обеспечивает выживание этих сообществ в современных экономических условиях.

Отдельного внимания заслуживает взаимодействие обычного и позитивного права [22]. Тенденция вытеснения традиционного права позитивным в процессе исторического развития не является абсолютной. Мировая история знает множество примеров полного подчинения и вытеснения обычаев официальным законодательством.

Существуют и обратные прецеденты, когда официальное право видоизменяется, адаптируясь под устойчивые обычаи и традиции.

Инкорпорация норм традиционного права в современное законодательство представляет собой стратегическую задачу. Этот процесс позволит сделать нормы официального права более живыми, понятными и справедливыми с точки зрения большинства населения, проживающего на конкретных территориях. При этом необходимо соблюдать строгие границы. Нельзя допустить создания фрагментарного законодательства. Недопустимо доминирование правовых обычаев и традиций одних этнических групп над другими.

Главная проблема, выявленная в ходе исследования, носит системный характер. Она заключается в фундаментальном разрыве между живым, динамичным традиционным укладом и жестким, формализованным легальным определением. Государство пытается охватить сложную, многомерную реальность с помощью узких юридических конструкций. Так право перестает защищать тех, для кого оно создано. Оно становится инструментом ограничения, а не гарантией сохранения самобытности.

Последствия носят критический характер. Продолжается депопуляция коренных народов Севера. Разрыв в продолжительности жизни с остальным населением страны достигает двух десятилетий. Традиционные знания, накапливавшиеся веками, оказываются невостребованными. Молодежь уезжает в города, не видя перспектив в родных поселениях. Общины теряют экономическую базу для существования. Культурная преемственность прерывается. Государство, декларирующее защиту исконной среды обитания, фактически способствует ее трансформации через формализм.

Будущее России — в многообразии, а не в унификации.

Литература:

1. Арзамасцев А. С. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера: понятие и механизмы правовой защиты // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 34–37.
2. Якель Ю. Я. Судебная защита прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации / под общ. ред. В. А. Штырова. — М., 2022. — С. 112–135.
3. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2208.
4. Распоряжение Правительства РФ от 08.05.2009 № 631р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 20. — Ст. 2493.
5. Туманов, В. А. Обычное право в советской юридической науке / В. А. Туманов // Государство и право. — 1993. — № 1. — С. 12–18.
6. Козлов, В. В. О критериях отнесения к коренным народам в российской этнологии / В. В. Козлов [Электронный ресурс] // Медиа-портал КФУ. — 2026. — URL: https://media.kpfu.ru/news/v-kfu-rasskazali-o-kriteriyakh-otneseniya-k-korennym-narodam-v-rossiyskoy-etnologii (дата обращения: 27.10.2026).
7. Бюджетный кодекс Российской Федерации: от 31.07.1998 № 145ФЗ (ред. от 22.10.2026) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3823.
8. Куделькин, Н. С. Традиционное природопользование и охрана окружающей среды Севера (Часть 1) // NB Publishing. — 2025. — URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=76653&ysclid=mvpu5k7y4v690810583 (дата обращения: 27.10.2026). — Текст: электронный.
9. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 18. — Ст. 2209.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 2019 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Г. К. Щукина» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325529/?ysclid=mvpuhr6g6e345435061 (дата обращения: 27.10.2026).
11. Устав об управлении инородцев (1822 г.) // Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 38. — № 29. — С. 394–417.
12. Положение об инородцах (1892 г.) // Свод законов Российской империи. — СПб.: Русское книжное товарищество «Дъятель», 1912. — Кн. 1. — Т. I–III.
13. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 25 октября 1926 г. «Об утверждении Временного положения об управлении туземных народностей и племён северных окраин РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. — 1926. — № 73. — Ст. 571.
14. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — 544 с.

15. Даллакян, Л. Г. Проблемы применения правового обычая в контексте доктрины «молчания законодателя» (с позиций российской юридической науки) / Л. Г. Даллакян // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 487. — С. 196–205.
16. Буров Р. В. Механизм гарантирования прав и свобод коренных малочисленных народов Севера (на примере Российской Федерации и зарубежных стран). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2019;(2):35–43.
17. Конвенция Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (Женева, 27 июня 1989 г.) [Электронный ресурс] // ГАРАНТ. — URL: https://base.garant.ru/2541271/?ysclid=mvpuuowy87404178669 (дата обращения: 27.10.2026).
18. Декларация Организации Объединённых Наций о правах коренных народов (2007 г.) [Электронный ресурс] // ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml?ysclid=mvpuvjl08a267191658 (дата обращения: 27.10.2026).
19. Журавель, В. П. Права коренных народов Российской Арктики: проблемы и решения / В. П. Журавель // Арктика и Север. — 2018. — № 30. — С. 76–95.
20. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2021 г. № 899-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мархиева Вахита Вахаевича на нарушение его конституционных прав статьёй 14 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 23. — Ст. 3987.
21. Доклад о результатах мониторинга социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (по данным Росстата) // Официальный сайт Росстата. — URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).
22. Чернова, Э. Р. Теория государства и права: учебное пособие / Э. Р. Чернова, Р. З. Амиров; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». — Уфа: Уфимский ЮИ, 2022. — 191 с.

Временная правовая асимметрия как допустимое изъятие из принципа равенства субъектов РФ

Кунавина Иоанна Алексеевна, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В исследовании, в отличие от традиционных работ, посвящённых статичной асимметрии, концептуализируется категория временной правовой асимметрии как переходного изъятия из принципа равноправия субъектов. Обосновано, что при отсутствии материальных критериев завершения интеграции временные изъятия способны трансформироваться в постоянную конституционную асимметрию. На основе анализа фактических проблем интеграции сформулирован вывод о необходимости законодательного закрепления трёх условий допустимости временной асимметрии, а также разработки типовых регламентов с контрольными точками в целях предотвращения размывания конституционного принципа равенства субъектов РФ.

Ключевые слова: *российский федерализм, принцип равноправия субъектов, временная правовая асимметрия, переходный период, интеграция новых субъектов РФ, конституционный контроль, правовая определенность.*

Temporary legal asymmetry as an acceptable exception to the principle of equality of the subjects of the Russian Federation

Unlike traditional studies focusing on static asymmetry, this paper conceptualizes the category of «temporary legal asymmetry» as a transitional exception to the principle of the equal status of the constituent entities. It is argued that in the absence of substantive criteria for the completion of integration, temporary exceptions can transform into permanent constitutional asymmetry. Based on an analysis of practical integration challenges, the study concludes that it is necessary to legislatively enshrine three conditions for the permissibility of temporary asymmetry, as well as to develop model regulations with checkpoints to prevent the erosion of the constitutional principle of equal status of the constituent entities of the Russian Federation.

Keywords: *Russian federalism, principle of equal status of the constituent entities, temporary legal asymmetry, transitional period, integration of new constituent entities of the Russian Federation, constitutional review, legal certainty.*

Российский федерализм представляет собой систему отношений федерального центра и субъектов, сочетающую элементы централизации и децентрализации. Ст. 4 и 5 Конституции Российской Федерации [1] закрепляют принцип равноправия субъектов в отношениях между собой и с федеральным центром [2]. Наряду с формальным равенством существует объективное неравенство, обусловленное различиями в уровне социально-экономического развития, территории, численности населения и иных факторах.

Асимметрия федеративного устройства предполагает правовое неравенство субъектов. Оно проявляется в различии правового статуса, характера взаимодействия с федеральным центром, набора полномочий, режимов хозяйствования, природопользования и налогообложения [3]. В литературе выделяют структурно-асимметричную федерацию (пример — США), федерацию с открытой асимметрией, к которой О. Г. Румянцев относит Российскую Федерацию [4], и федерацию со скрытой асимметрией, где равный юридический статус сочетается с фактическим неравенством [5]. Причинами асимметрии Д. В. Давыдов считает различия природных условий, неравномерную заселённость территории, неравенство экономического развития и исторические предпосылки. А. Э. Савельев связывает её с географическим комплексом и этническим составом страны, а федерализацию рассматривает как один из путей решения национальных проблем [6]. Поэтому абсолютно симметричная модель для России невозможна.

По характеру действия следует различать постоянную и временную асимметрию. Постоянная закреплена в самой конструкции федерации. В разном правовом статусе республик, краёв, областей и автономных образований. Временная вводится на ограниченный срок в виде переходных режимов, изъятий и особых положений. Постоянная асимметрия образует правовой фон, на котором оценивается допустимость временной, поскольку переходные изъятия проверяются на соответствие принципу равноправия (ч. 1 ст. 5 Конституции РФ).

Так Конституционный Суд Российской Федерации принял четыре постановления, которыми признал соответствующими Конституции РФ международные договоры о принятии в состав России Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР), а также Запорожской [7] и Херсонской областей [8; 9; 10]. Главным мотивом признали защиту жизни жителей этих регионов. Председатель суда В. Д. Зорькин пояснил, что «жизнь человека — это самое святое на Земле» [11]. Как и в случае с соглашением 2014 г. о принятии Крыма и Севастополя, КС рассматривал не вступившие в силу международные договоры без публичных слушаний. По словам председателя Конституционного Суда, быстрота решений была обусловлена самим развитием событий и накопленным опытом [12].

Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оценивает правовую, а не политическую составляющую документов, однако счёл необходимым зафиксировать фактические обстоятельства. В постановлениях отмечено, что власти Украины «в условиях острого социально-экономического и политического кризиса, а также установления фактически внешнего управления со стороны коллективного Запада... проводили и продолжают проводить целенаправленную политику, препятствующую тем гражданам, которые идентифицируют себя как принадлежащих к русскому народу, сохранять свою национальную, языковую, религиозную и культурную идентичности». Подготовка к наступлению на ДНР и ЛНР, по оценке КС, создавала непосредственную угрозу для РФ. Россия «была вынуждена начать упреждающую специальную военную операцию», являющуюся реализацией неотъемлемого права на самооборону. В ходе операции «освобождены значительные территории», население которых выступает за самоопределение вне Украины. Упрёки в нарушении международных границ КС предложил оценивать с учётом конкуренции этого принципа с принципом равноправия и самоопределения народов и с правом на самооборону. По оценке доцента Российского государственного университета правосудия О. Кряжковой, все четыре постановления практически идентичны и мало отличаются от постановления по Крыму 2014 г., за исключением объёмного вступления, обосновывающего необходимость специальной военной операции и присоединения территорий [13].

Для интеграции установлен переходный период до 1 января 2026 г. Границы регионов определяются по состоянию «на день их образования и день принятия в РФ». Жители новых регионов автоматически получают гражданство РФ, но в течение месяца вправе заявить о желании «сохранить имеющееся у них иное гражданство либо остаться лицами без гражданства». Проекты федеральных конституционных законов, внесённые одновременно с договорами, ставят признание граждан РФ в зависимость от прохождения «обязательной дактилоскопической регистрации». Лица, получившие российский паспорт до принятия новых субъектов и сохранившие украинское гражданство, должны предварительно подать заявление об отказе от него. На переходный период не распространяются запреты на иностранное гражданство для чиновников и депутатов. Временно исполняющих обязанности глав четырёх регионов Президент РФ назначает в течение десяти дней с момента принятия; выборы руководителей и законодательных органов назначены на единый день голосования в сентябре 2023 г. КС предусмотрел также возможность освободить от ответственности жителей

новых субъектов, проходящих службу в вооружённых силах Украины и не способных оставить её «без риска для жизни», если они не совершали преступлений. Отдельно в законопроектах урегулированы деятельность Запорожской АЭС и применение налогового и бюджетного законодательства.

Переходные режимы различаются и между самими новыми субъектами. ДНР и ЛНР принимаются в качестве республик с прежними наименованиями, их руководители именуются главами республик. Запорожская и Херсонская области сохраняют статус областей, их руководители именуются губернаторами. В ДНР и ЛНР ранее избранные парламенты до выборов 2023 г. действуют как полноценные законодательные органы и «вправе осуществлять собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов», не противоречащих Конституции и законам РФ. В Запорожской и Херсонской областях до избрания законодательных собраний «нормативно-правовое регулирование может осуществляться нормативными правовыми актами временно исполняющего обязанности губернатора», а уставы вправе принять только новоизбранные парламенты [14]. Соответственно, ДНР и ЛНР могут в ближайшее время делегировать в Совет Федерации представителей исполнительной и законодательной власти, а области вправе назначить лишь сенаторов от временно исполняющих обязанности губернаторов. Таким образом, временная асимметрия проявляется в трёх плоскостях: между новыми и прежними субъектами, между республиками и областями среди новых субъектов, а также в объёме нормотворческих полномочий и порядке формирования федеральных органов.

В новых субъектах одновременно запускаются различные контуры государственного управления: суды, регистрация прав, контрольно-надзорная деятельность, налоги, налоги, статистика. Неодинаковые сроки готовности инфраструктуры и кадров приводят к «разрывам» в правоприменении и правовой неопределённости [15]. На этапе интеграции параллельно действуют временные администрации, федеральные кураторы, территориальные органы федеральных ведомств и формируемые региональные органы власти. Это порождает конфликты компетенций, «двойной контроль» и неясность ответственности. Региональные органы в переходный период принимают акты, которые могут не учитывать федеральные переходные режимы или противоречить им. Следствием становятся оспаривание актов и нестабильность правового поля. Единые методические документы и типовые регламенты, которые фиксировали бы этапы, сроки, показатели (KPI) и контрольные точки интеграции, отсутствуют. В результате временная асимметрия, не имеющая нормативно закреплённых критериев завершения, сохраняет риск трансформации в постоянную.

Рассмотренные переходные режимы целесообразно соотнести с тремя признаками допустимой временной асимметрии, сформулированными выше.

Критерий необходимости в постановлениях КС обоснован угрозой жизни населения регионов, правом на самооборону и правом народов на самоопределение. КС при этом сам указал на конкуренцию принципа территориальной целостности с принципами самоопределения и самообороны [16]. Рассмотрение международных договоров без публичных слушаний, по объяснению председателя суда, определялось развитием событий и накопленным опытом. Таким образом, необходимость обосновывается преимущественно фактическими обстоятельствами, изложенными во вводной части постановлений, а не нормативно закреплёнными правовыми критериями.

Критерий соразмерности применим к содержанию изъятий. Различия режимов между ДНР и ЛНР, с одной стороны, и областями — с другой, свидетельствуют о дифференцированном подходе. Закон не предусматривает стандарта проверки, на основании которого можно оценить, является ли тот или иной объём изъятий минимально необходимым. Не определено, какой тест, «строгий» или «умеренный» (пропорциональность), должен применяться при таком анализе.

Критерий временности формально соблюдён: установлены переходный период до 1 января 2026 г. и конкретная дата выборов законодательных органов и руководителей регионов (сентябрь 2023 г.), после которых уставы принимаются новоизбранными парламентами. Вместе с тем нормативно не закреплены показатели, по которым можно определить завершение интеграции: этапы, контрольные точки и порядок оценки готовности инфраструктуры и кадров. Хронологический срок остаётся единственным ограничителем, тогда как фактическое выравнивание статуса новых субъектов зависит от темпов формирования органов власти и судебной системы, регистрации прав, налогового администрирования и статистического учёта.

К октябрю 2026 года на новых территориях достаточно затяжных проблем. В первую очередь по кадрам. Речь уже не просто о нехватке работников, а о более глубоком провале. Не хватает людей с нужной подготовкой, а между запросами рынка и уровнем обучения сохраняется большой разрыв [17]. В Донецкой Республике острее всего эту нехватку чувствуют около 70 % работодателей. Самая тяжёлая обстановка сложилась в промышленности, энергетике и социальной сфере. В Луганской Республике особенно мало специалистов прикладных направлений. В Запорожской и Херсонской областях кадровый дефицит сильнее всего заметен в органах власти. При этом доля сотрудников с российским образованием там пока не превышает 30 %. Остальных приходится быстро переучивать. В целом по ключевым отраслям не хватает до 30 % персонала [18]. Ситуацию усложняют и разные требования к квалификации. Местным специалистам приходится заново осваивать российские нормы и формы отчётности. Дополнительно мешают отток людей и разрыв в системе образования. Университеты только начинают подстраивать программы под федеральные стандарты. Поэтому нужных выпускников регион ещё несколько лет будет

получать с опозданием. На практике это уже приводит к срывам сроков. Предприятие может быть готово войти в федеральную программу, но без необходимого кадра оно просто не сумеет подать заявку.

В социальной сфере главная трудность — подтверждение документов. Если бумаги утеряны, людям приходится обращаться в межведомственные комиссии. На деле механизм свидетельских показаний работает слабо. Для подтверждения нужно минимум два бывших коллеги, а это не всегда реально. Из-за этого рассмотрение заявлений затягивается. Оформление пенсий и социальных выплат тоже занимает много времени. Сотрудникам соцзащиты приходится сопоставлять трудовой стаж сразу по разным правовым системам. Проверка коэффициентов и подтверждение льгот растягиваются на месяцы. В экономике и бизнесе тоже хватает препятствий с регистрацией. Не все местные компании успели вовремя привести учредительные документы в соответствие с российским правом. Из-за этого они лишились доступа к федеральным субсидиям и крупным заказчикам. Высокие логистические издержки тормозят оживление деловой активности. Предприятиям трудно держать конкурентную цену, потому что себестоимость растёт. С июня 2023 года на этих территориях работает свободная экономическая зона. Но налоговый и таможенный результат не появляется сразу [19]. Бизнесу нужно время, чтобы выстроить новые цепочки поставок и привыкнуть к другим правилам.

Переходный период по федеральным законам должен был завершиться в начале 2026 года. Но практика показала, что без поправок не обойтись. По ряду норм для Запорожской и Херсонской областей сроки пришлось продлить. Теперь переходные положения сдвинуты на период до 2027–2029 годов [20]. Это ясно показывает, что изначальные планы не везде совпали с реальностью. Интеграция требует гораздо больше времени, чем ожидалось сначала.

Сопоставление с постоянной асимметрией позволяет выявить принципиальное различие. Постоянная асимметрия определяется самой конституционной конструкцией, и её устранение требует изменения Конституции или закона о порядке изменения статуса субъектов. Временная асимметрия допустима при условии, что она обоснована необходимостью, ограничена по содержанию и сроку и ведёт к выравниванию статуса. Применительно к новым территориям выполнение этих условий обеспечивается преимущественно актами КС и политико-управленческими решениями, а не устойчивыми правовыми стандартами.

Асимметрия Российской Федерации имеет двойной характер. Постоянная асимметрия обусловлена различием правового статуса республик, краёв, областей и автономных образований и внутренним несогласованием ч. 1 и 2 ст. 5 Конституции РФ. Она подрывает общеобязательность права и стимулирует несоответствие основных законов ряда субъектов Конституции Российской Федерации. Социально-экономическая асимметрия, связанная с ограниченностью налоговой базы региональных бюджетов, усиливает зависимость регионов от федерального центра.

Временная асимметрия, проявляющаяся в переходных режимах интеграции Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, проходит проверку на допустимость в условиях отсутствия закреплённых критериев «объективной необходимости», «соразмерности» и «временности». Режимы различаются как по отношению к прочим субъектам, так и внутри группы новых субъектов. Практика их применения сопровождается разрывами в правоприменении, конфликтами компетенций и правовой неопределённостью. Для предотвращения закрепления временных изъятий в качестве постоянных необходимо выполнение трёх условий [21]:

— законодательное закрепление критериев допустимости переходных режимов и стандарта их проверки;

— разработка единых методических документов и типовых регламентов с указанием этапов, сроков и контрольных точек интеграции;

— формирование правовых позиций КС, содержащих ориентиры для оценки временных изъятий из принципа равноправия.

Решение проблемы постоянной асимметрии предполагает реформирование конституционного и финансового законодательства, а также принятие закона о порядке изменения конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации. Согласно Концепции государственной национальной политики, такой закон должен не усугублять различия, а выравнивать статус субъектов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 24. — Ст. 3745.
2. Семина, Н. В. Российский федерализм: система отношений федерального центра и субъектов, сочетающая элементы централизации и децентрализации / Н. В. Семина // Федерализм и местное самоуправление в единой системе публичной власти: пределы централизации и принцип обеспеченной субсидиарности. — Текст: электронный // Новый закон: сайт. — URL: https://new-law.ru/article/federalizm-i-mestnoe-samoupravlenie-v-edinoy-sisteme-publichnoy-vlasti-predely/ (дата обращения: 27.10.2027).
3. Давыдов, Д. В. Основания асимметричного устройства российской федеративной системы / Д. В. Давыдов // Теории и проблемы политических исследований. — 2020. — Т. 9, № 5А. — С. 33–41.

4. Румянцев, О. Г. Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 гг.): в 6 т. / под общ. ред. О. Г. Румянцева. — М.: Волтерс Клувер, 2007–2010. — С. 389.
5. Глухов, В. А. Асимметрия как феномен федеративного устройства России / В. А. Глухов // Молодой учёный. — 2022. — № 52 (447). — С. 235–236.
6. Савельев, А. Э. Асимметрия в структуре российского федерализма / А. Э. Савельев, А. В. Шаповалов // Полиматис. — 2017. — № 5. — С. 52–55.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Договора между Российской Федерацией и Запорожской областью о принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Договора между Российской Федерацией и Херсонской областью о принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 28.10.2026).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 36П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 октября 2022 г. № 37П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации — Договора между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // Официальный интернетпортал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).
11. РАПСИ. Заявление председателя Конституционного Суда В. Д. Зорькина по итогам рассмотрения постановлений от 2 октября 2022 года: материалы от 02.10.2022. — Текст: электронный // РАПСИ: сайт. — URL: https://rapsinews.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).
12. Коммерсантъ. Материалы о рассмотрении КС РФ международных договоров о принятии новых субъектов (октябрь 2022) // Коммерсантъ: сайт. — URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 27.10.2026).
13. Кряжкова О. Н. Судебный конституционный контроль: процедура и смысл: тезисы выступления на круглом столе (Ростовский филиал РГУП, 11 ноября 2022 г.) // Адвокатская газета. — 2022.
14. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона № 203816–8 «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Запорожской области» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/203816–8 (дата обращения: 28.10.2026).
15. Евгений Рагуль. «Как новые регионы интегрируются в правовое поле России» // Портал RG // 24.05.2023 // URL: https://rg.ru/2023/05/24/kak-novye-regiony-integriruiutsia-v-pravovoe-pole-rossii.html (Дата обращения: 28.10.2026)
16. Интеграция новых регионов // Официальный сайт Сената РФ // URL: https://senatinform.ru/news/integratsiya_novykh_regionov_v_pravovoe_pole_rf_zavershitsya_v_2024_godu_matvienko/ (Дата обращения: 28.10.2026)
17. Соловьева О. На предприятиях новых регионов России не хватает персонала // Независимая газета. — 2025. — 27 ноября. — URL: https://www.ng.ru/economics/2025–11–27/1_9389_regions.html (дата обращения: 28.10.2026).
18. Миловидова Е. Юг без рук: Новые регионы не могут закрыть вакансии // Коммерсантъ. — 2026. — 29 апр. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/8625613 (дата обращения: 28.10.2026).
19. Письмо Минфина России от 27.12.2023 № 02–15–08/126938 // ГАРАНТ.РУ. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408590365/?ysclid=mvs4lt0x18664645875 (дата обращения: 28.10.2026).
20. Федеральный конституционный закон от 15.12.2025 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 51. — Ст. 7892.
21. Петрухин К. Ю. Анализ процессов интеграции новых регионов страны // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-protsessov-integratsii-novyh-regionov-strany (дата обращения: 28.10.2026).

Исторический аспект правового регулирования труда судей: обзор развития законодательства о статусе судей в России. Влияние международных стандартов на российское законодательство

Кухарева Яна Сергеевна, студент магистратуры
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

Введение

Институт судебной власти занимает особое место в системе государственного управления, выступая гарантом законности и правопорядка. Эффективность отправления правосудия напрямую зависит от правового статуса судей, включая условия их профессиональной деятельности, гарантии независимости, материальное и социальное обеспечение. В условиях продолжающейся судебной реформы в России, а также с учетом изменений законодательства 2025–2026 гг., направленных на совершенствование оплаты труда судей и кадровое обеспечение судебной системы, особую значимость приобретает ретроспективный анализ правового регулирования труда судей. Исторический опыт позволяет выявить закономерности формирования современной модели статуса судьи, оценить влияние международных стандартов и определить направления дальнейшего развития нормативно-правовой базы. Для сферы государственного и муниципального управления понимание эволюции правового статуса судей важно, поскольку судебная власть является одним из институтов публичного управления, а вопросы правового обеспечения государственной службы (а судьи обладают особым публично-правовым статусом) находятся на стыке трудового, административного и конституционного права.

Актуальность и проблематика исследования

Правовое регулирование труда судей в Российской Федерации представляет собой сложный многоаспектный институт, сочетающий публично-правовые и частноправовые начала. Судья, выступая носителем судебной власти, одновременно является участником трудовых правоотношений, что обусловливает особую специфику его правового положения. Взаимосвязь публично-правовых и трудоправовых начал находит проявление во всех аспектах профессиональной деятельности судей: в особенностях возникновения трудовых отношений, в трудовой функции, осложненной публично-правовым элементом по отправлению правосудия, в оплате труда, гарантиях и компенсациях, а также в основаниях и процедуре дисциплинарной ответственности. Настоящее исследование посвящено комплексному анализу эволюции правового регулирования труда судей в России, обзору развития законодательства о статусе судей и выявлению влияния международных стандартов на формирование отечественной нормативно-правовой базы.

Ретроспективный анализ правового регулирования труда судей в России

Формирование правовых основ статуса судьи в российском законодательстве имеет глубокие исторические корни. Впервые сущностные элементы правового статуса судей были отражены в Своде законов 1832 г., которым закреплялась наипервейшая обязанность лица, утверждаемого на судейскую должность — принесение присяги, призванной установить духовную ответственность судьи за осуществление правосудия. Однако подлинное реформирование института судейского статуса началось с Судебной реформы 1864 года, которая провозгласила принципы разделения властей, независимости и несменяемости судей, их подчинения только закону. Реформа установила принципиально новую модель организации судебной системы и правового статуса судей, закрепив такие важнейшие элементы, как несменяемость судей, их независимость от административной власти и достаточно высокий уровень материального обеспечения.

Советский период развития законодательства характеризовался постепенным отходом от принципа независимости судей, хотя отдельные элементы гарантий их статуса сохранялись. В 1989 году Закон о статусе судей в СССР провозгласил отсутствие административной ответственности у судей, однако была установлена уголовная и дисциплинарная ответственность. Советское законодательство рассматривало судей в большей степени как государственных служащих, подчиненных партийно-государственному аппарату, что существенно ограничивало реальную независимость судебной власти.

Принципиально новый этап в правовом регулировании статуса судей начался с принятием 26 июня 1992 года Закона Российской Федерации № 3132-I «О статусе судей в Российской Федерации». Именно этот закон заложил основу современной модели правового регулирования труда судей, закрепив единый статус всех судей в Российской Федерации. Как отмечается в научной литературе, реформирование судебной системы 1991 года сопоставимо по своему значению с реформой 1864 года, поскольку в результате были провозглашены принципы разделения властей, независимости и несменяемости судей, их подчинения только закону. Закон 1992 года стал базовым документом, который с момента его принятия неоднократно видоизменялся: особенно значимые изменения и дополнения были внесены законодателем 15 декабря 2001 года.

Обзор развития законодательства о статусе судей в современной России

Законодательство о статусе судей в Российской Федерации представляет собой иерархическую систему нормативных правовых актов. На вершине этой системы находится Конституция РФ, закрепляющая основополагающие принципы организации судебной власти. Далее следуют Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации», а также иные федеральные законы, регулирующие отдельные аспекты правового положения судей.

В Законе «О статусе судей в Российской Федерации» сформулированы ключевые гарантии независимости судей: несменяемость, неприкосновенность, особый порядок приостановления и прекращения полномочий, а также материальное и социальное обеспечение. Важное значение имеет положение о том, что все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом, а особенности правового положения некоторых категорий судей определяются федеральными законами. Труд судей регулируется специальными нормами, учитывающими публично-правовую природу их деятельности, при этом фигура работодателя представлена множественностью лиц, что обусловлено спецификой правового статуса судьи как носителя особой государственной власти.

Современный этап развития законодательства характеризуется активной нормотворческой деятельностью, направленной на совершенствование правового регулирования труда судей. В 2025–2026 годах был принят ряд значимых законодательных актов. В частности, 9 апреля 2026 года принят Федеральный закон № 87-ФЗ, вносящий изменения в статью 15 Закона «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан». Закон направлен на совершенствование оплаты труда судей, устранение дефицита кадров в судебной системе и сохранение в ней наиболее квалифицированных судей. Согласно поправкам, размер ежемесячного денежного вознаграждения председателя или заместителя председателя суда, перешедшего на нижестоящую должность, исчисляется исходя из замещаемой должности, что позволяет избежать ситуации, когда судьи из-за опасения лишиться гарантий предпочитают уходить в отставку, а не переходить на нижестоящие должности.

Примечательной тенденцией является увеличение сроков полномочий органов судейского сообщества. Государственная Дума приняла поправки в закон «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», увеличивающие срок между созывами Всероссийского съезда судей с четырех до шести лет. До шести лет продлеваются полномочия всех выборных органов судейского сообщества, включая Совет судей, Высшую квалификационную коллегию судей, региональные советы судей, а также квалификационные и экзаменационные коллегии субъектов РФ.

Влияние международных стандартов на российское законодательство

Международные стандарты в области независимости судей играют существенную роль в формировании российской нормативно-правовой базы. Основополагающими международными документами в этой сфере являются Всеобщая декларация прав человека 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, а также специализированные акты, такие как Основные принципы независимости судебных органов, принятые ООН в 1985 году, и Европейская хартия о статусе судей 1998 года.

Для российской правовой системы особое значение имеют документы Совета Европы, в частности Рекомендация Комитета министров государствам-членам Совета Европы № R (94) 12 по независимости, эффективности и роли судей, принятая в 1994 году. Данный документ закрепил ключевые европейские стандарты в области правового статуса судей, включая гарантии независимости, несменяемости, адекватного материального обеспечения и социальной защиты.

Сравнительно-правовой анализ гарантий независимости судей, декларируемых в российском законодательстве и на международном уровне, позволяет выявить как соответствия, так и определенные различия. Российское законодательство в целом восприняло международные стандарты, однако, как отмечается в научной литературе, существует определенное несовершенство предоставляемых в России гарантий независимости и их неполное соответствие установленным международным сообществом стандартам. В частности, наблюдается тенденция к постепенному умалению гарантий несменяемости судей, что обосновывает необходимость в пересмотре процедур привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

При этом, как подчеркивается в исследованиях, посвященных международно-правовому регулированию института независимости судей, имплементация норм международного права в российское законодательство и их влияние на правоприменительную практику имеют устойчивый характер. В большинстве стран независимость судей рассматривается как необходимая гарантия, защищающая от влияния на процесс правосудия, а полномочия по формированию состава судебных органов не могут быть реализованы в рамках собственной компетенции органов политической власти.

Проблемные аспекты и перспективы развития

Несмотря на значительный прогресс в правовом регулировании труда судей, сохраняется ряд проблемных аспектов. Ключевой проблемой остается дискуссия об отраслевой принадлежности совокупности норм, регулирующих особенности деятельности судей. В юридической литературе периодически возникает научный спор о том, следует ли рассматривать правовое регулирование труда

судей в рамках трудового права или же данная сфера относится к публично-правовым отраслям.

Как справедливо отмечает Ю. Ю. Воздвиженская в своей монографии «Трудоправовая природа профессиональной деятельности судьи», профессиональная деятельность судьи имеет трудоправовую природу, осложненную публично-правовым статусом судьи как носителя особой государственной власти. Автором выявлены трудоправовые принципы, лежащие в основе правового регулирования профессиональной деятельности судей, и сформулировано понятие трудового правоотношения с участием судьи, исследована специфика его возникновения, изменения и прекращения.

Другой проблемной областью является дисциплинарная ответственность судей. Существующая модель законодательного регулирования дисциплинарной ответственности судей не в полной мере соответствует трудоправовой природе их деятельности. Требуется дальнейшее совершенствование процедур привлечения судей к дисциплинарной ответственности с учетом международных стандартов и принципа независимости судебной власти.

Перспективы развития правового регулирования труда судей связаны с продолжением судебной реформы, направленной на укрепление гарантий независимости судей, совершенствование системы оплаты труда и социального обеспечения, а также на повышение эффективности механизмов дисциплинарной ответственности. Важным направлением является дальнейшая гармонизация российского законодательства с международными стандартами, учитывающая национальную специфику организации судебной системы.

Заключение

Исторический анализ правового регулирования труда судей в России свидетельствует о поступательной тенденции в совершенствовании правовых основ обеспечения статуса судей. От Свода законов 1832 года и Судебной реформы 1864 года через советский период к современному законодательству прослеживается эволюционное развитие института судейского статуса. Современное правовое регулирование, базирующееся на Конституции РФ и Законе «О статусе судей в Российской Федерации», восприняло международные стандарты независимости судей, однако сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования правовых механизмов. Активное нормотворчество 2025–2026 годов демонстрирует стремление законодателя к решению актуальных проблем правового регулирования труда судей, включая вопросы оплаты труда, социальных гарантий и кадрового обеспечения судебной системы. Дальнейшее развитие законодательства о статусе судей должно основываться на балансе между необходимостью обеспечения независимости судебной власти и эффективностью механизмов контроля и ответственности.

Литература:

1. Воздвиженская Ю. Ю. Трудоправовая природа профессиональной деятельности судьи: монография. — М.: ИНФРА-М, 2025. — 271 с.
2. Вторушин И. О. Гарантии независимости судей: международно-правовое и национальное регулирование [Электронный ресурс] // CyberLeninka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/garantii-nezavisimosti-sudey-mezhdunarodno-pravovoe-i-natsionalnoe-regulirovanie (дата обращения: 25.04.2026).
3. Кухарева Я. С. Правовое регулирование труда федеральных судей в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2025. — № 51 (602). — С. 542–545.
4. Ларюгина Ю. Ю. Полномочия главы государства в формировании состава судебных органов: сравнительно-правовые аспекты правового регулирования // Сибирский юридический вестник. — 2025. — № 4 (111). — С. 45–52.
5. Архипкин И. В. Правовой статус судей как основа независимого правосудия: теоретико-исторические аспекты // Юридический вестник Самарского университета. — 2024. — Т. 10, № 2. — С. 15–20.
6. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132–1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.04.2026).
7. Федеральный закон от 9 апреля 2026 года № 87-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Федеральный закон «О гарантиях социальной защиты отдельных категорий граждан»».

Правовые аспекты организации обеспечения пожарной безопасности органами местного самоуправления в муниципальных округах

Кучевасов Андрей Олегович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России

В статье автор исследует теоретические, правовые и практические основы реализации полномочий органов местного самоуправления в области пожарной безопасности на примере муниципальных округов. Анализируется система нормативно правовых актов, отражающих переход к одноуровневой системе местного самоуправления, объединяющих территории поселений в единый муниципальный округ и реализацию их полномочий в области пожарной безопасности.

Рассматриваются проблемные вопросы материально-финансового обеспечения противопожарных мероприятий на обширных сельских территориях. Выявляются проблемные аспекты правового регулирования деятельности муниципальных округов (местных администраций) и предлагаются пути совершенствования законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: *пожарная безопасность, органы местного самоуправления, муниципальный округ, первичные меры пожарной безопасности, противопожарное водоснабжение, добровольная пожарная охрана.*

Обеспечение пожарной безопасности выступает одним из базовых элементов национальной безопасности Российской Федерации, непосредственно влияющим на сохранность жизни и здоровья граждан, защиту муниципальной и частной собственности, а также устойчивое социально-экономическое развитие территорий.

В условиях стремительного переселения граждан из сельских местностей в муниципальные центры, сокращения обслуживания земель сельскохозяйственного назначения, постепенной трансформации модели органов местного самоуправления, имеется необходимость пересмотра механизмов по решению задач предупреждения чрезвычайных ситуаций и минимизации рисков техногенного и природного характера.

Важным элементом является и специфика муниципального округа, которая заключается в концентрации властно-распорядительных и бюджетных полномочий в едином административном центре при сохранении значительной пространственной протяженности, рассредоточенности сельских населенных пунктов и существенной удаленности отдельных поселков от подразделений Государственной противопожарной службы (далее — ГПС). От правильного распределения финансирования, принятия заблаговременных решений по развитию противопожарных мер, напрямую зависит эффективность повышения общей безопасности среди населения.

Цель настоящего исследования — комплексный анализ правовых аспектов обеспечения реализации полномочий органов местного самоуправления в области пожарной безопасности, выявление проблем нормативного регулирования и определение перспективных направлений его совершенствования.

I. Нормативно-правовые основы полномочий органов местного самоуправления в области пожарной безопасности.

Правовой статус органов местного самоуправления в области пожарной безопасности носит комплексный характер и определяется нормами конституционного, административного и муниципального характера.

Конституционную основу составляют положения ст. 2, 35, 41, Конституции РФ, гарантирующие право на защиту жизни и здоровья граждан, а также защиты частной собственности.

Системообразующим звеном в определении правового статуса муниципалитета выступает муниципальное законодательство. Согласно Федеральному закону от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к вопросам местного значения муниципального округа отнесено «обеспечение первичных мер пожарной безопасности в границах муниципального округа». Данная норма носит общий (отсылочный) характер, закрепляя базовую публично-правовую обязанность муниципалитета по созданию безопасных условий жизнедеятельности населения.

Отраслевое раскрытие указанного полномочия осуществляется специальным законодательным актом — Федеральным законом от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», которое структурирует полномочия органов местного самоуправления:

1. Общие полномочия регулятивного и программного характера:

1.1. разработка, утверждение и исполнение местных бюджетов в части расходов на пожарную безопасность, а также целевых муниципальных программ;

1.2. нормативное правовое регулирование в пределах компетенции (включая установление особого противопожарного режима на территории округа с введением дополнительных требований безопасности);

1.3. информационное обеспечение мер безопасности и организация противопожарной пропаганды, а также обучение населения базовым мерам защиты;

1.4. социальное и экономическое стимулирование участия граждан в добровольной пожарной охране.

2. Инфраструктурные и организационно-технические полномочия:

2.1. создание условий для организации добровольной пожарной охраны;

2.2. содержание в исправном состоянии и обеспечение возможности забора воды в любое время года из источников наружного противопожарного водоснабжения (пожарных гидрантов, водоемов, пирсов);

2.3. оснащение территорий общего пользования первичными средствами пожаротушения и противопожарным инвентарем;

2.4. принятие мер по оповещению населения и локализации возгораний до прибытия расчетов Государственной противопожарной службы.

Технико-юридические требования к реализации данных полномочий детализируются положениями Федерального закона от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности». Для органов местного самоуправления эта норма выступает обязательным расчетным ориентиром при территориальном планировании, определении мест дислокации муниципальных и добровольных пожарных постов, а также согласовании схем прикрытия отдаленных деревень.

Существенный пласт нормативного регулирования составляют подзаконные акты федерального уровня, в первую очередь Правила противопожарного режима в Российской Федерации утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 № 1479. Указанный акт налагает на местную администрацию округа прямые обязанности по:

созданию вокруг сельских населенных пунктов, подверженных угрозе лесных и ландшафтных пожаров, минерализованных полос шириной не менее 10 метров либо иных противопожарных барьеров;

очистке территорий общего пользования от сухой травянистой растительности, горючего мусора и свалок;

обеспечению беспрепятственного проезда пожарной техники к зданиям, сооружениям и открытым водоемам.

Завершающим уровнем выступает муниципальное нормотворчество, посредством которого федеральные стандарты имплементируются в реальную практику управления округом. В структуру муниципальной нормативной базы входят:

решения представительного органа округа, утверждающие правила благоустройства территории (включающие противопожарные разрывы и запреты на сжигание мусора) и положение об обеспечении первичных мер пожарной безопасности;

постановления местной администрации о порядке установления особого противопожарного режима, перечне источников наружного противопожарного водоснабжения, а также акты о закреплении зон ответственности за территориальными органами (управлениями, отделами) окружной администрации.

II. Проблемные аспекты реализации полномочий на территории муниципальных округов.

1. Правовой статус территориальных отделов (управлений) администрации округа.

После ликвидации сельских поселений как самостоятельных публично-правовых образований главы поселений перестали существовать. Их функции на местах выполняют начальники территориальных отделов (управлений), являющиеся муниципальными служащими аппарата окружной администрации либо работниками муниципальных казенных учреждений. При этом в положениях о территориальных органах нередко размыты обязанности по повседневному мониторингу пожарной обстановки, проверке гидрантов и взаимодействию с населением, что порождает управленческий вакуум при возникновении угрозы связанных с пожарами.

2. Проблемы ответственности за противопожарное водоснабжение.

В состав муниципального округа часто входят территории бывших сельскохозяйственных предприятий, гидротехнические сооружения (пруды, запруды), технологические водонапорные башни, не переданные надлежащим образом в муниципальную казну и являющиеся фактически бесхозяйными. Органы государственного пожарного надзора налагают административные штрафы на администрацию муниципального округа по ч. 1 ст. 20.4 КоАП РФ за отсутствие круглогодичных подъездов к водным объектам и отсутствие пирсов. При этом процедура признания права муниципальной собственности на такие объекты занимает значительное время, в течение которого муниципалитет находится под постоянной угрозой административных санкций.

3. Проблема слабой мотивации добровольцев.

Федеральный закон от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» возлагает надежды на гражданскую активность, но не содержит надежных стимулов для участников. Органы местного самоуправления муниципальных округов ограничены в праве предоставления налоговых льгот (ввиду скудости местных налогов — земельного и налога на имущество физических лиц) и не способны финансировать страхование жизни добровольцев в должной мере без софинансирования из регионального бюджета.

4. Проблема обслуживания заброшенных (бесхозяйных) земельных участков.

В соответствие со ст. 3.3. Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», предоставление земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органом местного самоуправления. В силу положений правил противопожарного режима в Российской Федерации и согласно сформированной судебной практики, муниципалитет находится под постоянной угрозой административных санкций, ввиду прорастания указанных земель сухой (сорной) травянистой растительностью.

В заключение отмечу, что институт обеспечения пожарной безопасности органами местного самоуправления муниципальных округов находится на этапе глубокой трансформации, вызванной реформированием территориального устройства публичной власти. Ликвидация низового (поселенческого) уровня самоуправ-

ления повысила требования к качеству муниципального правотворчества и централизации ресурсов в округе. Вместе с тем сохраняются нормативные противоречия между широким объемом вмененных муниципалитету обязанностей по инфраструктурному противопожарному обустройству удаленных сел и реальными финансово-организационными возможностями местных администраций.

В целях устранения выявленных проблемных вопросов и повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных округов представляется целесообразным реализовать следующие правотворческие шаги:

1. Модернизация муниципальных правовых актов. В действующих «Положениях о территориальных отделах (управлениях)» задачи в сфере пожарной безопасности формулируются шаблонно («участие в предупреждении ЧС»). Требуется прямое дублирование полномочий, закрепленных ст. 19 Федерального закона от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», применительно к подведомственной территории.

2. Для решения проблемы бесхозяйных источников противопожарного водоснабжения требуется внедрение региональных программ целевого софинансирования, предусматривающих субсидирование расходов муниципальных округов на инвентаризацию, регистрацию прав собственности и обустройство пожарных пирсов и подъездов к водным объектам.

3. Социально-бытовые и компенсационные меры поддержки добровольным пожарным:

предоставление права на компенсацию части расходов на оплату жилищно-коммунальных услуг (в сельской местности);

внеочередное предоставление мест в дошкольных и общеобразовательных организациях детям добровольцев;

ежегодная денежная выплата (или компенсация) на приобретение спецодежды, экипировки и прохождение обязательного периодического медицинского осмотра за счет региональных программ.

4. Активизация муниципального земельного контроля и механизма изъятия:

использование механизма выявления правообладателей заброшенных участков (в рамках Федерального закона от 30.12.2020 № 518-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и понуждение их к очистке территории через предостережения и взаимодействие с Росреестром. В отношении фактически брошенных участков — применение ускоренного порядка признания права муниципальной собственности (ст. 225 ГК РФ) с последующей оперативной передачей в аренду сельхозпроизводителям под условие обязательного агротехнического ухода.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
2. Федеральный закон от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
3. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. Федеральный закон от 22.07.2008 № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579.
5. Федеральный закон от 06.05.2011 № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2717.
6. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026, с изм. от 22.10.2026).
7. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.11.2026).
8. Игнашкин, Н. В. Роль органов местного самоуправления в системе обеспечения пожарной безопасности: нормативно-правовой анализ // Вестник науки. — 2025. — № 2. — С. 1552–1558.
9. Черепанов, М. М. Одноуровневая модель местного самоуправления в Российской Федерации: предпосылки и риски реализации полномочий // Журнал российского права. — 2024. — № 5. — С. 95–98.

Трансформация правового регулирования аренды нежилых помещений в условиях макроэкономической турбулентности: баланс интересов и пути реформирования

Лазарев Максим Юрьевич, студент магистратуры
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена комплексному анализу трансформации правового регулирования предпринимательской деятельности по передаче в аренду нежилых помещений под воздействием кризисных явлений 2020–2024 годов (пандемия COVID-19 и санкционное давление). В работе исследуются исторические предпосылки формирования института аренды, проводится сравнительно-правовой анализ подходов России, Германии и Франции к адаптации договоров в кризисных условиях. На основе судебной практики выявлены системные дефекты ст. 451 ГК РФ и механизма форс-мажора. Обоснована необходимость выделения аренды нежилых помещений в самостоятельный параграф ГК РФ и реформирования механизмов судебной адаптации договоров. Предложены конкретные изменения в действующее законодательство, направленные на обеспечение баланса частных и публичных интересов в арендных правоотношениях.

Ключевые слова: *аренда нежилых помещений, предпринимательская деятельность, форс-мажор, существенное изменение обстоятельств, пандемия COVID-19, санкционное давление, судебная практика, баланс интересов, реформа законодательства.*

Transformation of legal regulation of non-residential premises lease in the context of macroeconomic turbulence: balance of interests and ways of reform

Lazarev Maksim Yuryevich, master's degree student
Moscow State Law University named after OE Kutafin

The article is devoted to a comprehensive analysis of the transformation of the legal regulation of entrepreneurial activities for the lease of non-residential premises under the influence of the crisis phenomena of 2020–2024 (the COVID-19 pandemic and sanctions pressure). The paper examines the historical prerequisites for the formation of the lease institution, provides a comparative legal analysis of the approaches of Russia, Germany and France to the adaptation of contracts in crisis conditions. Based on judicial practice, systemic defects of Article 451 of the Civil Code of the Russian Federation and the force majeure mechanism are identified. The necessity of separating the lease of non-residential premises into an independent paragraph of the Civil Code of the Russian Federation and reforming the mechanisms of judicial adaptation of contracts is substantiated. Specific amendments to the current legislation are proposed, aimed at ensuring a balance of private and public interests in lease legal relations.

Keywords: *lease of non-residential premises, entrepreneurial activity, force majeure, material change of circumstances, COVID-19 pandemic, sanctions pressure, judicial practice, balance of interests, legislative reform.*

Введение

Недвижимость является одной из фундаментальных сфер, с которой взаимодействует каждый субъект экономической деятельности. Аренда нежилых помещений выступает значимым блоком современного гражданского права, формирующим инфраструктуру коммерческого оборота. Особое значение правового регулирования данного института проявляется в кризисных ситуациях, когда право взаимодействует с экономическими, социальными и политическими процессами, получая развитие, не подчиняющееся заранее заданным алгоритмам. Как справедливо отмечает И. И. Шувалов, кризисные явления в социально-экономической сфере закономерны, но не поддаются точному научному прогнозированию, являясь индикаторами эффективности и устойчивости законодательства [1].

В последние годы стабильность арендных отношений подверглась существенным испытаниям. Пандемия COVID-19, повлекшая глобальные ограничения свободы передвижения и работы учреждений, а также геополитические изменения 2022–2024 годов, выразившиеся в санкционном давлении и массовом исходе иностранных брендов, актуализировали необходимость поиска новых балансов и правовых норм в отношениях между арендодателями и арендаторами.

Цель настоящей статьи — осуществить комплексный анализ правового регулирования аренды нежилых помещений в условиях макроэкономической турбулентности и выработать предложения по реформированию отече-

ственного законодательства на основе сравнительно-правового исследования зарубежного опыта.

1. Историко-правовые предпосылки и современное состояние регулирования аренды нежилых помещений

Институт аренды (имущественного найма) является одним из древнейших в системе гражданского права. Конструкция имущественного найма берет начало в римском частном праве, где она квалифицировалась как договор найма вещей (locatio-conductio rerum), заложивший основные принципы: срочный характер пользования, платность и сохранение права собственности за наймодателем.

В отечественной правовой системе развитие источников регулирования аренды прошло несколько этапов. Дореволюционный период, закрепленный в Своде законов Российской империи, использовал термин «наем имущества», устанавливая существенными условиями наличие предмета найма, срока и вознаграждения. Советский период с принятием ГК РСФСР 1922 и 1964 годов ввел понятие «имущественный найм» в условиях плановой экономики, где субъектами выступали государственные организации, а договор носил обязательный характер. Постсоветский период ознаменовался переходом к рыночной экономике и принятием части второй Гражданского кодекса РФ (1996), глава 34 которого закрепила базовые положения об аренде.

Примечательно, что ГК РФ до настоящего времени не содержит отдельного параграфа, посвященного аренде именно нежилых помещений, регулируя эти отношения правилами об аренде зданий и сооружений (§4 главы 34 ГК РФ), а также общими положениями об аренде. Данный пробел создает терминологическую путаницу и усложняет правоприменение, поскольку нежилое помещение юридически является частью здания, а не самостоятельным строением.

2. Особенности правового регулирования в условиях кризиса: пандемия и санкционное давление

2.1. Пандемия COVID-19 и законодательный протекционизм

Весной 2020 года в условиях введения «режима повышенной готовности» множество предприятий были вынуждены приостановить деятельность. Ключевым инструментом адаптации стал Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ. Статья 19 предоставила арендаторам из наиболее пострадавших отраслей право на отсрочку уплаты арендной платы, а также право требовать снижения ее размера в связи с невозможностью использования имущества. Впервые на законодательном уровне была закреплена возможность одностороннего расторжения договора аренды арендатором без взыскания убытков.

Сравнительный анализ показывает, что российский подход существенно отличался от европейских моделей. В Германии суды активно применяли § 313 BGB (изменение хозяйственного основания сделки), перераспределяя риски и снижая арендную плату в судебном порядке, закрепив в законе презумпцию признания закрытия бизнеса из-за государственных мер существенным изменением обстоятельств. Французская судебная практика столкнулась с коллизией применения доктрины непредвиденности (imprévision, ст. 1195 ГК Франции) и форс-мажора, выработав подход, согласно которому санитарные ограничения не признаются абсолютным форс-мажором, но дают право требовать пересмотра договора. Таким образом, если зарубежные правопорядки стремились адаптировать договоры через гибкие доктрины, то российское право продемонстрировало склонность к прямому законодательному регулированию, что позволило оперативно защитить национальный бизнес, но временно снизило стабильность договорных связей.

2.2. Уход иностранных компаний и переориентация регулирования

Вторым этапом кризисного регулирования стали события 2022 года. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 285-ФЗ (введена статья 21.2 в Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ) арендодателям было предоставлено право требовать выплаты среднемесячной арендной платы за прошлый год от арендаторов, прекративших использование имущества, либо расторгать такие договоры в одностороннем порядке.

Наиболее показательным судебным спором стало дело № А40–64805/22–176–498 (ООО «Парк Развлечений» против ООО «Эйч энд Эм»). Решением Арбитражного суда города Москвы от 10.06.2022 предварительный договор аренды был признан прекращенным, взыскано 537 877 227,96 руб. неосновательного обогащения, а также присуждена судебная неустойка (астрент) в размере 1 000 000 руб. за каждый день просрочки. Дело стало прецедентом, продемонстрировавшим: применение норм о неосновательном обогащении при незаключенном договоре, использование фактора «недружественности» страны происхождения арендатора для обоснования обеспечительных мер и эффективность механизма астрента.

3. Дифференциация судебной практики по вопросу форс-мажора

Вопрос о квалификации санкций в качестве форс-мажора является одним из наиболее сложных. Как отмечают эксперты, практика применения ст. 451 ГК РФ не претерпела изменений после 2022 года: суды по-прежнему придерживаются позиции Верховного Суда 2017 года и отказываются видеть в экономических санкциях существенное изменение обстоятельств для целей расторжения договора.

Ярким примером является дело банка ВТБ, в котором Верховный Суд РФ отменил решения нижестоящих судов, обосновав свою позицию тем, что введение внешнеэко-

номических санкций не отнесено условиями договора аренды к числу обстоятельств, освобождающих стороны от исполнения обязательств. Риск негативных последствий не может быть возложен на арендодателя. Как отметил руководитель судебной практики юридической фирмы ART DE LEX Артур Зурабян, «фактически ВС РФ не допустил открытия "ящика Пандоры"».

Вместе с тем, анализ практики показывает, что в ряде случаев введение санкций квалифицируется судами как форс-мажор (ст. 401 ГК РФ), что позволяет освободить должника от ответственности, но не от самого обязательства. Принципиальную возможность такой квалификации допустила Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении по делу ИС ТЕКС v. МинБанк (№ А40–179021/2022). Наиболее распространенная категория споров, где успешно применяется п. 3 ст. 401 ГК РФ, — это споры с кредитными организациями из-за блокировки денежных средств в иностранных банках.

Как справедливо указывает И. И. Шувалов, возможность применения норм о форс-мажоре в арендных отношениях ограничена правовой природой аренды как длящегося обязательства [1]. Прекращение договора аренды само по себе не влечет прекращения обязательства по внесению арендной платы, оно будет прекращено надлежащим исполнением обязательства по возврату имущества (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66).

4. Системные проблемы и пути совершенствования законодательства

Анализ правоприменительной практики выявил фундаментальные системные дефекты:

1. Отсутствие обособленного регулирования аренды нежилых помещений как самостоятельного объекта гражданских прав.

2. Неэффективность механизма ст. 451 ГК РФ. В отличие от Германии (§ 313 BGB) и Франции (ст. 1195 ГК Франции), где суды активно адаптируют контракты, в РФ риски изменения внешней среды перекладываются преимущественно на одну из сторон. Судебная практика трактует любые финансовые кризисы и падения спроса как обычные предпринимательские риски.

3. Широкое распространение краткосрочных договоров аренды (менее года) с целью обхода государственной регистрации, что лишает арендатора стабильности.

4. Отсутствие четкого регулирования арендной платы в виде «процента от оборота» (turnover rent), что приводит к уклонению от уплаты реальных сумм.

5. Проблема государственной регистрации прекращения зарегистрированного договора аренды.

На основе проведенного анализа предлагаются следующие изменения:

1. Выделить в главе 34 ГК РФ самостоятельный параграф «Аренда нежилых помещений», закрепив специфику этих объектов.

2. Реформировать ст. 451 ГК РФ: установить приоритет судебной адаптации над расторжением, закрепить обязанность добросовестных переговоров (по аналогии со ст. 1195 ГК Франции), ввести презумпцию форс-мажорного изменения обстоятельств при публичных ограничениях.

3. Дополнить ст. 614 ГК РФ пунктом о праве арендатора на соразмерное уменьшение арендной платы при публично-правовых ограничениях.

4. Дополнить ст. 619 ГК РФ пунктом о праве арендодателя на расторжение договора при приостановлении деятельности на срок более двух месяцев.

5. Дополнить ст. 651 ГК РФ нормой о государственной регистрации прекращения договора аренды.

6. Ввести законодательную регламентацию арендной платы в виде процента от оборота с закреплением правил аудита и ответственности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Кризисные явления 2020 и 2022 годов показали асимметрию государственного вмешательства: в 2020 году защищались арендаторы, в 2022 году — арендодатели. Существующие институты, прежде всего ст. 451 ГК РФ, оказались не готовы к масштабным шокам. Судебная практика по вопросу форс-мажора является дифференцированной: суды отказываются признавать санкции существенным изменением обстоятельств для целей расторжения договора, однако в ряде случаев признают их обстоятельствами непреодолимой силы для освобождения от ответственности.

Реализация предложенных изменений позволит модернизировать институт коммерческой аренды, обеспечив баланс стабильности и гибкости гражданского оборота, переведя его из плоскости оперативного кризисного реагирования в плоскость стабильного и прогнозируемого правового регулирования. Как подчеркивает И. И. Шувалов, правовое регулирование предпринимательских отношений характеризуется сочетанием диспозитивных и императивных начал, обеспечивающих баланс частных и публичных интересов [1].

Литература:

1. Шувалов И. И. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в период социально-экономического кризиса (теория и практика): дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.03. — М., 2022. — 401 с.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — М.: Статут, 2020. — 780 с.

3. Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3. Обязательственное право. — М.: Волтерс Клувер, 2021. — 800 с.
4. Андреев Ю. Н. Договор аренды нежилых помещений: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. — 2021. — № 7. — С. 54–68.
5. Павлов А. А. Аренда коммерческой недвижимости: новые вызовы и тенденции // Хозяйство и право. — 2023. — № 4. — С. 32–45.
6. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т. Т. 2. — М.: Международные отношения, 2000. — 512 с.
7. Гуна А. Н. Арендная плата в пандемию // Вестник экономического правосудия Российской Федерации № 8/2023. — 49с.
8. Судебные акты по делам № А40–64805/22, А41–59298/22, А32–13267/2022.

Институт залога в современной России: экономические и процессуальные барьеры для его эффективного применения

Ламерт Надежда Сергеевна, студент магистратуры
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В статье рассматриваются проблемы применения залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Проведен анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, положений уголовно-процессуального законодательства и судебной практики. Выявлены экономические барьеры, связанные с установлением минимальных размеров залога и неопределенностью его верхнего предела, а также процессуальные барьеры, обусловленные неопределенностью правового статуса залогодателя-третьего лица и широкими дискреционными полномочиями суда при определении размера залога. На основе анализа законодательства и судебных решений предложено внести изменения в статью 106 УПК РФ.

Ключевые слова: *залог, меры пресечения, обвиняемый, подозреваемый, залогодатель, уголовный процесс, экономические барьеры, процессуальные барьеры.*

Залог является одной из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, которая представляет собой внесение или передачу подозреваемым, обвиняемым либо иным физическим или юридическим лицом в депозит суда недвижимого имущества, денег, ценностей, акций, облигаций либо иных допущенных к публичному обращению ценных бумаг с целью обеспечения явки обвиняемого на следственные действия и в суд, а также предотвращения совершения им новых правонарушений [2]. Залог, представляя собой альтернативу заключению под стражу, обеспечивает сочетание публичного интереса государства, заключающегося в гарантировании надлежащего поведения обвиняемого, и частного интереса лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, состоящего в сохранении личной свободы.

Однако, несмотря на свою гуманистическую сущность и потенциал, залог в современной России применяется крайне редко. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году залог был применен судами всего 66 раз, а в 2024 году — 67 раз, что составляет менее 0,2 % всех решений о мерах пресечения [8]. Для сравнения, ежегодно выносится около 85 тысяч постановлений о заключении под стражу. В 2024 году под стражу по приговору с реальным лишением свободы было взято 61 995 раз, а применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве — 17 462 раз [8]. Судебная статистика показывает, что доля залогов среди всех мер пресечения год от года сокращается и составляет в среднем менее 0,2 % [8].

Важным ориентиром для правоприменительной практики выступает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (в ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [3]. Пленум подчеркивает, что при разрешении вопросов о мере пресечения судам необходимо исходить из презумпции невиновности, соблюдать баланс между публичными интересами и важностью права на свободу личности, а также обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения во всех случаях [3]. В последней редакции Пленум дополнительно разъяснил, что судам следует обсуждать возможность применения более мягкой меры пресечения, в том числе в виде залога, по экономическим преступлениям; в ином случае суд должен привести мотивы [5]. Однако, несмотря на данные разъяснения, в судебной

практике сохраняются случаи недостаточной мотивации решений и формального подхода к вопросу о возможности применения залога.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет выделить ряд экономических барьеров, препятствующих эффективному применению института залога. В соответствии с частью 3 статьи 106 УПК РФ вид и размер залога определяются судом с учетом характера преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого) и имущественного положения залогодателя [2]. Законом установлен минимальный размер залога: для преступлений небольшой и средней тяжести — не менее 50 тыс. рублей, а в случае тяжких и особо тяжких преступлений — не менее 500 тыс. рублей [2]. При этом верхний предел суммы залога законом не ограничен и определяется по усмотрению суда, что вызывает проблемы в правоприменительной практике. Как отметила в своем выступлении на заседании Государственной Думы статс-секретарь — заместитель Министра юстиции Е. А. Ардабьева, суд не понимает, какую сумму верхнего предела ему установить: в размере суммы ущерба, больше или меньше, поэтому суммы очень варьируются — от 10 до 50 миллионов и выше, и сумму эту никто не может посчитать [4].

Кроме того, минимальные размеры залога, установленные законом, оказываются непосильными для значительной части населения. Как отмечают эксперты, первая причина редкого применения залога — это высокие пороги залога и низкая платежеспособность населения [5]. Залог преимущественно применяется в отношении лиц, обвиняемых в тяжких и особо тяжких преступлениях, что свидетельствует о его финансовой недоступности для граждан с невысоким уровнем дохода [5]. Таким образом, экономический барьер заключается в том, что залог фактически превращается в привилегию для состоятельных лиц, что противоречит принципу равенства перед законом [1].

Процессуальные барьеры не менее существенны. Во-первых, согласно части 1 статьи 106 УПК РФ, круг лиц, выступающих в качестве залогодателя, законом не ограничен: залог может быть внесен как самим подозреваемым или обвиняемым, так и любым другим физическим или юридическим лицом [2]. Это создает серьезные риски, связанные с возможностью внесения залога членами преступных групп или лицами, использующими незаконно полученное имущество. Кроме того, неопределенным остается процессуальный статус залогодателя-третьего лица, отсутствуют четко закрепленные права и обязанности такого лица, а также механизмы защиты его имущественных интересов.

Во-вторых, дискреционные полномочия суда по определению размера залога, предусмотренные УПК РФ, остаются чрезмерно широкими [2]. Суд не связан строгими критериями соотношения размера залога с размером причиненного ущерба или с возможным наказанием, что порождает значительную вариативность судебных решений в различных регионах и приводит к неодинаковому применению уголовно-процессуального законодательства [6].

Судебная практика иллюстрирует неоднозначность подходов к применению залога. Так, апелляционным постановлением суда была изменена мера пресечения в виде заключения под стражу на залог в размере 5 000 000 рублей [8]. В другом случае суд кассационной инстанции отметил, что при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу необходимо указывать конкретные фактические обстоятельства, подтверждающие невозможность применения иной меры пресечения. Суд подчеркнул, что такие обстоятельства должны быть проверены в судебном заседании и подтверждаться допустимыми доказательствами. Однако на практике суды не всегда достаточно подробно мотивируют невозможность применения более мягкой меры пресечения, в том числе залога, ограничиваясь ссылкой на тяжесть совершенного преступления и предположительный риск уклонения обвиняемого от следствия или суда. [7]

Проблема заключается в отсутствии четко закрепленного в законе перечня обстоятельств, которые должны подтверждать невозможность применения более мягкой меры пресечения [2]. В результате правоприменительная практика в различных регионах может существенно различаться, что приводит к неодинаковому применению уголовно-процессуального законодательства. [7]

Представляется целесообразным конкретизировать требования к обоснованию избрания меры пресечения в виде залога, закрепив в статье 106 УПК РФ обязанность суда указывать конкретные доказательства, подтверждающие риски, предусмотренные законом. В связи с этим предлагается внести изменения в часть 3 статьи 106 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«3. Вид и размер залога определяются судом с учетом характера преступления, данных о личности подозреваемого (обвиняемого) и имущественного положения залогодателя. При определении размера залога суд обязан указать конкретные доказательства, подтверждающие соразмерность суммы залога характеру и степени общественной опасности инкриминируемого преступления, а также данные об имущественном положении залогодателя. В постановлении судьи должны быть приведены мотивы, по которым избрание иной, более мягкой меры пресечения невозможно. Такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания».

Кроме того, для преодоления экономического барьера представляется обоснованным законодательно закрепить верхний предел залога, соотносимый с размером причиненного ущерба или размером возможного наказания. Соответствующий законопроект уже находится на рассмотрении Государственной Думы: предлагается, чтобы при определении суммы залога судом учитывался причиненный инкриминируемым преступлением ущерб, и одновременно для налоговых преступлений и ряда преступлений в сфере экономики определялся верхний предел

залога в размере причиненного преступлением ущерба [4]. Данная инициатива заслуживает поддержки как способствующая повышению предсказуемости правоприменения и снижению произвольного усмотрения суда.

Таким образом, институт залога в современной России сталкивается с системными экономическими и процессуальными барьерами, которые препятствуют его эффективному применению. Преодоление этих барьеров требует комплексного подхода: с одной стороны, необходимо законодательно ограничить верхний предел залога и дифференцировать его минимальные размеры с учетом имущественного положения залогодателя, с другой — конкретизировать процессуальные требования к обоснованию избрания залога и определить правовой статус залогодателя-третьего лица. Реализация указанных предложений будет способствовать гуманизации уголовного судопроизводства и более широкому использованию залога как реальной альтернативы заключению под стражу.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11.02.2026 № 342. Вопрос: О проекте федерального закона № 1088467–8 «О внесении изменений в статьи 97 и 106 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». URL: http://transcript.duma.gov.ru/node/6783/ (дата обращения: 13.11.2026).
5. Эксперты объяснили, почему в России редко отпускают обвиняемых под залог [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 2025. 20 февраля. URL: https://www.mk.ru/politics/2025/02/20/eksperty-obyasnili-pochemu-v-rossii-redko-otpuskayut-obvinyaemykh-pod-zalog.html (дата обращения: 13.11.2026). Копия: URL: https://fondpp.org/news/newscast/jeksperty-objasnili-pochemu-v-rossii-redko-otpuskajut-obvinjaemyh-pod-zalog/ (дата обращения: 13.11.2026).
6. Сафина, Ю. К. Актуальные вопросы применения меры пресечения в виде залога / Ю. К. Сафина, М. А. Борзунов // Молодой ученый. — 2026. — № 15 (618). — С. 162–164.
7. Гаспарян, Н. «Беззалоговое» правосудие / Н. Гаспарян // Адвокатская газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/bezzalogovoe-pravosudie/ (дата обращения: 13.11.2026).
8. Судебная статистика РФ. Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения [Электронный ресурс]. URL: https://stat.xn———7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/ug/t/13/s/14 (дата обращения: 13.11.2026).

Проблемы ликвидации коммерческих организаций: анализ на материале дела о банкротстве ООО «Ахтубаситипарк»

Леонович Валерия Александровна, студент магистратуры
Волгоградский государственный университет

Ликвидацию в отечественной цивилистике принято определять как способ прекращения юридического лица без универсального правопреемства: права и обязанности организации не переходят к другим субъектам, а имущественная масса подлежит распределению в порядке, установленном законом. Е. А. Суханов обращает внимание на двойственность основания процедуры: добровольная ликвидация производится по решению участников либо уполномоченного учредительными документами органа, принудительная наступает по иску уполномоченного государственного органа или участника в случаях, исчерпывающе названных Гражданским кодексом Российской Федерации (далее ГК РФ). А. В. Габов в монографическом исследовании показывает, что в русском праве институт исторически носил утилитарный характер и понимался шире формальной процедуры, через призму судьбы обязательств прекращаемого субъекта [1; 2, с. 312; 3, с. 24].

В этом определении скрыт главный теоретический разлом темы. Пункт 1 статьи 61 ГК РФ рисует ликвидацию как упорядоченный и завершённый механизм: уведомление кредиторов, промежуточный и окончательный ликвидационные балансы, погашение нереализованных требований из оставшегося имущества. Практика крупного

бизнеса такой картины почти не знает. Коммерческая организация с непогашенными долгами практически лишена шанса пройти добровольную ликвидацию в чистом виде, поскольку статья 63 ГК РФ ставит завершение процедуры в зависимость от расчётов с кредиторами, а несостоятельность перехватывает инициативу у участников. Возникает парадокс: для большинства должников ликвидация перестала быть правом и превратилась в принудительную форму, реализуемую через Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее Закон о банкротстве) [4].

Уточним центральное понятие всей темы. Закон о банкротстве определяет несостоятельность (банкротство) как признанную арбитражным судом неспособность должника в полном объёме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей [4]. Формальный состав для юридических лиц образуют два признака: наличие не исполненных в течение более чем трёх месяцев денежных обязательств либо обязанности по уплате обязательных платежей и минимальный порог совокупной задолженности в 300 000 рублей. Правовая природа несостоятельности двойственна. С одной стороны, это оценочная категория, фиксирующая состояние имущественного кризиса должника; с другой, судебная процедура, порождающая комплекс процессуальных последствий: мораторий на удовлетворение отдельных требований, ограничение полномочий органов управления, возможность оспаривания сделок должника. Связь с ликвидацией закреплена пунктом 1 статьи 65 ГК РФ: признание судом юридического лица несостоятельным влечёт его ликвидацию. Конкурсное производство, открывающееся решением о признании должника банкротом, прямо названо Законом ликвидационной процедурой, применяемой в целях соразмерного удовлетворения требований кредиторов [4]. На мой взгляд, именно эта конструкция объясняет сегодняшнее состояние дел: банкротство в форме конкурсного производства осталось практически единственным реально работающим способом ликвидации должника, обременённого долгами, и на него перенесена вся нагрузка, которую ГК РФ изначально возлагал на добровольную процедуру.

Эти теоретические положения удобнее всего проверять на фактуре конкретного дела. Общество с ограниченной ответственностью «АхтубаСитиПарк» зарегистрировано в Волжском Волгоградской области 13.12.2012. Проект обещал стать градостроительным событием: жилой комплекс площадью 232 гектара, концепция разработана нидерландскими проектировщиками, инвестором выступила компания «Классик». Кризис 2015–2016 годов остановил финансирование, стройка замерла, деньги дольщиков оказались внутри замороженных объектов [7; 10].

Дальше воспроизводится типовая для застройщика последовательность процедур. 28.02.2017 Арбитражный суд Волгоградской области ввёл наблюдение; с этого момента к должнику применён параграф 7 главы IX Закона о банкротстве, специальный режим банкротства застройщиков. Решением от 25.08.2017 по делу № А12–72536/2016 общество признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство [4; 6].

Из материалов дела следует, что застройщик заключил договоры участия в долевом строительстве на сумму свыше 252 млн рублей, из которых более 180 млн были направлены на цели, не предусмотренные договорами. Экс-руководитель проекта Вадим Старцев и соучастник Василий Боровцов были обвинены в злоупотреблении полномочиями по части 1 статьи 201 УК РФ: следствие установило, что вывод средств в период с апреля 2014 по ноябрь 2016 года лишил строительство финансирования и нарушил права более двухсот граждан, получивших статус обманутых дольщиков. Первый приговор Волжского городского суда в декабре 2020 года назначил Старцеву четыре года лишения свободы условно; Волгоградский областной суд в апреле 2021 года заменил наказание на реальное, в колонии общего режима, с запретом два года занимать управленческие должности, Боровцов получил семь лет. Оба вину не признали, Старцев ссылался на то, что лишь исполнял распоряжения инвестора [8]. Конкурсное производство в таком деле выполняет не столько ликвидационную, сколько социальную функцию: достройку пришлось вести за счёт областного бюджета, выделившего в 2019 году более 7 млн рублей субсидий должнику, находившемуся в банкротстве. Ликвидация коммерческой организации на глазах превращается в ликвидацию общественных последствий её деятельности [7].

Второй узел касается стоимости самой процедуры. Конкурсный управляющий отказался публиковать сведения о порядке предъявления требований за счёт собственных средств, ссылаясь на отсутствие денег в конкурсной массе. Двенадцатый арбитражный апелляционный суд подтвердил: при банкротстве застройщика расходы на уведомление кредиторов о предъявлении требований о передаче жилых помещений производятся за счёт должника, а неисполнение управляющим судебных определений наказуемо штрафом [5]. Проблема глубже отдельного штрафа в 2500 рублей. При пустой конкурсной массе формально правильные процедуры, публикации, уведомления, собрания, исполняются от противного, и защита кредиторов держится на судах, а не на механизме ликвидации. По моему мнению, суд здесь выбирает между двумя плохими решениями: либо признать невозможность процедуры и обесценить гарантии граждан, либо держать должника на искусственном обеспечении за счёт бюджетных вливаний, как и произошло в рассматриваемом деле.

Третий узел образует двойная природа реестровых требований участника строительства. Пункты 1 статьи 201.4 и статьи 201.6 Закона о банкротстве вынуждают дольщика в рамках дела выбирать: требование о передаче жилого помещения либо денежное требование. Выбор обернулся ловушкой. Дольщики, включённые в реестр требований о передаче жилых помещений, столкнулись с отказом

страховщика СК «ПРОМИНСТРАХ» выплачивать возмещение; суды встали на сторону граждан, взыскано порядка 6 млн рублей. Одновременно страховая провела процессуальную замену кредиторов, выплативших по страховому случаю возмещение, на себя; апелляция отменяла замену, разъяснив, что специальные правила о банкротстве застройщиков существуют ради приоритетной защиты граждан как непрофессиональных инвесторов, а не для воспрепятствования ей [5; 6]. Механизм реестров создан как гибкая процедура, а работает как поле столкновения частных интересов, где каждая точка выбора дольщика порождает новый спор.

Отдельного рассмотрения заслуживает судьба самого осуждённого руководителя. Параллельно с корпоративной несостоятельностью Вадим Старцев инициировал процедуру собственного банкротства: дело № А12–5012/2026 рассматривается Арбитражным судом Волгоградской области, введена процедура реализации имущества, функции финансового управляющего исполняет В. Ф. Лукьянов. В реестр требований кредиторов вошло требование Комитета строительства Волгоградской области на сумму 7 137 757,53 руб., совпадающую с суммой бюджетных убытков, взысканных с экс-руководителя в счёт возмещения расходов на достройку [9]. Совпадение цифр демонстрирует преемственность двух видов ответственности: гражданский иск, вытекающий из уголовного дела, догнал руководителя в его личном банкротстве и превратился в реестровое требование.

Здесь проявляется то, что я обозначила бы как банкротный каскад. Несостоятельны одновременно должник (дело № А12–72536/2016), материнская группа, поскольку право требования к Старцеву на 1 084 272,44 руб. выставлялось на торги в рамках банкротства АО «Классик» (дело № А50–27061/17), и лично руководитель. Денежная субстанция в трёх делах одна и та же: средства дольщиков, выведенные из стройки, продолжали существовать в виде требований к разным лицам. Каждое банкротство по отдельности выглядит корректно, вместе они показывают, что закон не располагает инструментом консолидации связанных несостоятельностей: должник, инвестор и контролирующее лицо отвечают по одним деньгам в трёх параллельных процедурах с разными управляющими, разными реестрами и разными очередями [9].

Завершающий узел, вопрос о судьбе долгов самого Старцева. Пункт 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве не допускает списания задолженности, если гражданин привлечён к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, фиктивное или преднамеренное банкротство (статьи 195–197 УК РФ). Осуждение по статье 201 УК РФ, злоупотребление полномочиями, формально под этот запрет не подпадает, и препятствий к освобождению от обязательств по завершении реализации имущества закон не содержит. Однако перечень оснований отказа в списании неисчерпывающий: суд вправе отказать при доказанном недобросовестном поведении должника. Считаю, что именно здесь конкуренция целей института проявится в чистом виде: если суд спишет долги гражданину, причинившему ущерб более чем двумстам дольщикам, институт реабилитации превратится в механизм амнистии; если откажет без опоры на текст закона, подорвёт предсказуемость правоприменения. Как поведёт себя практика, покажет завершение дела [4; 9].

Проведённый анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Первый: норма пункта 1 статьи 61 ГК РФ описывает идеальную ликвидацию, реальная же практика демонстрирует её замену банкротством: дело ООО «АхтубаСитиПарк» растянулось на годы, а главные общественные издержки, обманутые дольщики, перенесены на бюджет и суды. Второй: параграф 7 главы IX Закона о банкротстве содержит грамотный по замыслу баланс интересов, но его реализация упирается в расходы на саму процедуру; позиция Двенадцатого арбитражного апелляционного суда о возложении расходов на должника верна по духу, однако проблему пустой конкурсной массы она лишь перекладывает дальше. Третье: универсальной защитой кредиторов всё чаще становится не ликвидационный порядок, а ответственность контролирующих лиц; субсидиарная ответственность, оспаривание сделок и возмещение убытков дают кредиторам больше, чем формально завершённая ликвидация несостоятельного субъекта.

В этой связи мне видится главная развилка развития института. Законодатель традиционно спрашивает, как прекратить юридическое лицо, и выстраивает вокруг ответа процедуры. Опыт дела № А12–72536/2016 показывает, что содержательный вопрос стоит иначе: как справедливо распределить последствия несостоятельности между кредиторами, гражданами, бюджетом и контролирующими лицами. Пока ответ на второй вопрос ищут суды, применяя нормы о субсидиарной ответственности и личном банкротстве руководителей, институт ликвидации останется не столько механизмом прекращения юридического лица, сколько механизмом расчётов за его прошлое.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд. Т. 1. Общая часть. М.: Статут, 2011. 958 с.
3. Габов А. В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М.: Статут, 2011. 304 с.

4. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 02.04.2018 по делу № 12АП-1958/18.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 03.06.2019 по делу № А12–72536/2016.
7. Материалы Управления государственного строительного надзора Волгоградской области по делу № А12–72536/2016. URL: https://ugsn.volgograd.ru/current-activity/cooperation/news/154110/ (дата обращения: 10.11.2026).
8. Коммерсантъ. Материалы по итогам рассмотрения дела о злоупотреблении полномочиями в ООО «АхтубаСитиПарк». URL: https://www.kommersant.ru/doc/6453623 (дата обращения: 10.11.2026).
9. Материалы Единого федерального реестра сведений о банкротстве по делу № А12–5012/2026. URL: https://fedresurs.ru (дата обращения: 10.11.2026).
10. Сведения из Единого государственного реестра юридических лиц об ООО «АхтубаСитиПарк» (ОГРН 1123435007145). URL: https://egrul.nalog.ru (дата обращения: 10.11.2026).

Правовые вопросы цифрового взаимодействия граждан с органами государственной власти

Лотоцкий Артем Анатольевич, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются правовые вопросы цифрового взаимодействия граждан с органами государственной власти. Анализируются изменения в сфере государственного управления под влиянием цифровых технологий, а также особенности реализации прав граждан при использовании электронных государственных сервисов. Особое внимание уделяется доступности информации, защите персональных данных, идентификации личности и информационной безопасности. Рассматривается проблема сохранения реальной возможности гражданина участвовать во взаимодействии с государством при переходе к цифровым способам обращения. Делается вывод о том, что развитие цифрового государства требует постоянного внимания к правовым гарантиям личности, поскольку удобство и скорость электронного взаимодействия сами по себе ещё не означают полноценной защиты прав гражданина.

Ключевые слова: *цифровизация, цифровое государство, органы государственной власти, цифровое взаимодействие, государственные услуги, информационное право, цифровые права, персональные данные, информационная безопасность.*

Legal issues of digital interaction between citizens and public authorities

Lototsky Artem Anatolyevich, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines legal issues related to digital interaction between citizens and public authorities. The changes taking place in public administration under the influence of digital technologies are analyzed, as well as the specific features of exercising citizens' rights when using electronic public services. Particular attention is paid to the accessibility of information, personal data protection, personal identification and information security. The article also considers the problem of preserving a citizen's real ability to interact with the state as digital forms of communication become widespread. The conclusion is drawn that the development of the digital state requires constant attention to legal guarantees for the individual, since the convenience and speed of electronic interaction do not in themselves guarantee full protection of citizens' rights.

Keywords: *digitalization, digital state, public authorities, digital interaction, public services, information law, digital rights, personal data, information security.*

Современное государство всё чаще взаимодействует с человеком через экран телефона или компьютера. Заявление можно направить в электронной форме, получить информацию на официальном сайте, записаться на приём, обратиться с жалобой или запросом. Однако цифровое взаимодействие нельзя понимать только как техническое упрощение привычных процедур. Когда гражданин обращается к государству через информационную систему, возникают конкретные правовые вопросы: как подтверждается его личность, какие сведения о нём получает государственный орган, кто отвечает за ошибку системы и что происходит, если человек не может воспользоваться электронным способом обращения. Именно здесь цифровизация перестаёт быть исключительно вопросом технологий и становится частью правового пространства.

М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова, рассматривая трансформацию государства в условиях развития цифровых технологий, обращают внимание на изменения в организации государственного управления [1]. Государство меняет способы своей работы, а вместе с этим меняется и положение гражданина во взаимоотношениях с публичной властью. Если раньше основой такого взаимодействия были личный приём, бумажное заявление или письменный ответ, то сегодня значительная часть коммуникации проходит в электронной форме. Но чем больше значимых действий переносится в цифровую среду, тем сильнее гражданин зависит от работы конкретной информационной системы.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепляет правовые основы отношений, связанных с использованием информации, применением информационных технологий и её защитой [7]. Среди принципов правового регулирования особое место занимают открытость информации о деятельности государственных органов, своевременность её предоставления и защита частной жизни. Если информация формально размещена в сети, но изложена настолько сложно, что обычный человек не может разобраться в порядке своих действий, говорить о полноценной доступности трудно. Цифровое взаимодействие предполагает не просто наличие сайта, а возможность реально воспользоваться этим инструментом.

Проблема цифрового неравенства в данном случае приобретает правовое значение. Не каждый гражданин обладает одинаковым уровнем цифровых навыков: у кого-то нет постоянного доступа к сети Интернет, кому-то сложно пользоваться современными сервисами. Особенно заметно это для пожилых людей, жителей отдельных территорий и граждан, которые по состоянию здоровья испытывают трудности при использовании электронных технологий. Поэтому переход государственных органов к цифровым способам взаимодействия не должен лишать человека возможности реализовать своё право только потому, что он не умеет пользоваться определённой информационной системой. Цифровой формат должен расширять возможности обращения, а не превращаться в новый барьер между гражданином и государством.

Важным вопросом остаётся идентификация личности. В обычной ситуации личность устанавливается при личном обращении и предъявлении документов, в цифровой среде используются иные механизмы. Недостаточная защита учётной записи или ошибки при подтверждении личности могут привести к тому, что доступ к информации или государственным услугам получит другое лицо, а последствия для конкретного гражданина окажутся серьёзнее обычного технического сбоя.

В работе М. В. Алексеевой и С. В. Рыбака рассматривается развитие государственного управления в направлении цифровой модели [2]. Государственная информационная система — это не просто удобный сервис: в ней содержатся сведения, от которых зависят реализация прав человека, получение государственных услуг и принятие юридически значимых решений. Поэтому особое значение приобретает вопрос ответственности за работу цифровых систем. Если гражданин не смог вовремя подать заявление из-за технического сбоя, необходимо понимать, будет ли восстановлен срок и как человек сможет доказать, что проблема возникла на стороне системы. Чем больше юридически значимых действий совершается через электронные системы, тем важнее заранее определить порядок действий при сбоях.

Отдельное место занимает защита персональных данных. При взаимодействии с государственными органами человек сообщает паспортные данные, сведения о месте жительства, семейном положении, доходах и другие сведения, которые в цифровой среде обрабатываются и передаются между системами значительно быстрее, чем при традиционном документообороте. Скорость обработки повышает и требования к защите. М. В. Алексеева подчёркивает значение правового регулирования отношений, возникающих в информационной сфере [3]: возможность технически собрать или обработать информацию ещё не означает, что такие действия допустимы без установленных законом оснований и ограничений. Гражданину важно понимать, какие сведения о нём используются и с какой целью, ведь он направляет заявление через один сервис, а данные могут использоваться несколькими информационными системами в пределах их компетенции. Закон предусматривает защиту информации правовыми, организационными и техническими мерами, направленными, в частности, на предотвращение неправомерного доступа, уничтожения, изменения, блокирования, копирования и распространения информации [7].

Нельзя оставить без внимания и проблему цифровых прав. М. В. Алексеева и Ю. И. Исакова рассматривают изменения в механизме реализации прав человека в условиях цифровизации [4]. Человек всё чаще пользуется правами через информационные технологии, и возникает простой, но важный вопрос: сохраняет ли он реальную свободу выбора? Если государственная процедура существует практически только в цифровом формате, формально доступ к ней открыт, но фактически часть граждан сталкивается с серьёзными трудностями. М. В. Алексеева и И. А. Подройкина подчёркивают значение правовых механизмов в обеспечении безопасности процессов в информационном пространстве [5]. Для цифрового взаимодействия это означает защиту информации, устойчивость информационных систем и соблюдение прав участников информационных отношений.

Особого внимания заслуживает открытость деятельности органов власти. Цифровые технологии расширяют доступ граждан к нормативным документам, сведениям о работе государства и порядке обращения. Однако открытость должна сочетаться с ограничениями, установленными законом: не вся информация может находиться в свободном доступе, часть сведений составляют персональные данные или информацию ограниченного доступа. Задача государства состоит не в максимальном размещении

информации в сети, а в поиске разумного правового баланса. Информационное право, как показано в учебном пособии М. В. Алексеевой, С. В. Рыбака и М. Б. Смоленского [6], охватывает широкий круг отношений, связанных с информацией, и поэтому цифровое взаимодействие гражданина с государством находится на пересечении конституционных гарантий, административных процедур, защиты информации и регулирования цифровых технологий.

Таким образом, цифровое взаимодействие граждан с органами государственной власти — уже сложившаяся часть современной правовой реальности. Оно делает многие процессы быстрее и удобнее, но цифровая форма сама по себе не решает всех проблем, а создаёт новые вопросы: как обеспечить доступность сервисов для разных категорий граждан, как защитить человека от последствий технической ошибки, как сохранить контроль над использованием персональных данных и где проходит граница между необходимым обменом информацией и вмешательством в частную жизнь. Дальнейшее развитие цифрового взаимодействия должно строиться вокруг нескольких идей: электронные способы обращения должны быть доступными и понятными, информационные системы обязаны обеспечивать надлежащую защиту информации, гражданин не должен оставаться один на один с последствиями технической ошибки, а цифровизация не должна превращать человека в набор сведений, перемещающихся между базами данных. За каждой электронной заявкой, учётной записью и информационным запросом стоит конкретный человек, и именно это обстоятельство должно оставаться отправной точкой при развитии цифрового государства.

Литература:

1. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
2. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
3. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 69–74.
4. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 27–30.
5. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
6. Алексеева М. В., Рыбак С. В., Смоленский М. Б. Информационное право: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, исследующих правовые отношения в информационной сфере. Ростов-на-Дону, 2022.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Методика расследования преднамеренного банкротства

Магомедов Саид Магомедович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Актуальность обусловлена тем, что данное деяние находится на стыке уголовного, гражданского и арбитражного права и потому требует не только формально-юридической, но и содержательной оценки. На практике преднамеренное банкротство редко проявляется в открытой форме, напротив, оно обычно маскируется под обычные хозяйственные решения, заключение договоров, перераспределение активов либо изменение структуры долговых обязательств. Именно поэтому выявление и доказывание такого преступления вызывает значительные трудности, а сама проблема сохраняет устойчивую научную и практическую значимость. В юридической литературе справедливо подчеркивается, что банкротство как институт носит комплексный характер, вследствие чего его исследование невозможно без обращения к нескольким правовым отраслям. Цель исследования состоит в комплексном анализе правовой природы преднамеренного банкротства и в выявлении основных положений методики его расследования.

Введение. Нормативная основа регулирования банкротства в Российской Федерации строится прежде всего на положениях Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Этот закон определяет признаки банкротства, устанавливает порядок введения процедур, регулирует полномочия ар-

битражного управляющего и закрепляет правовые последствия несостоятельности. Однако для целей уголовно-правовой оценки важны не только сами процедуры банкротства, но и то, каким образом должник ведет себя до их начала. Если финансовая несостоятельность возникает как результат добросовестной хозяйственной деятельности, она сама по себе не образует преступления. Иная ситуация складывается тогда, когда ухудшение финансового состояния становится следствием сознательных действий, направленных на причинение ущерба кредиторам.

В этой связи следует обратиться к ст. 196 УК РФ, которая предусматривает ответственность за преднамеренное банкротство. Диспозиция нормы указывает на действия или бездействие, заведомо влекущие неспособность юридического лица или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов и исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Тем самым законодатель связывает преступление не просто с фактом несостоятельности, а с причинной связью между поведением лица и наступившей невозможностью исполнения обязательств. Именно этот момент имеет ключевое значение для квалификации. Если финансовое состояние ухудшилось по объективным причинам, например из-за конъюнктуры рынка или экономического кризиса, уголовная ответственность исключается. Если же несостоятельность была создана искусственно, возникают основания для иной правовой оценки.

Соотношение гражданско-правовых и уголовно-правовых признаков преднамеренного банкротства представляет собой один из наиболее сложных вопросов. Гражданское законодательство и законодательство о несостоятельности описывают внешние признаки банкротства, такие как недостаточность имущества, невозможность исполнить обязательства, наличие просроченной задолженности. Уголовное право, напротив, требует установить не только факт неблагоприятного финансового положения, но и виновное поведение, направленное на создание либо усугубление такого положения. Иными словами, гражданско-правовой компонент отвечает на вопрос, есть ли несостоятельность, а уголовно-правовой, почему она возникла. Это различие имеет принципиальное значение, поскольку без него любое неудачное управление предприятием могло бы быть ошибочно отнесено к уголовно наказуемому деянию. [1]

На практике нередко возникает ситуация, когда признаки банкротства обнаруживаются в результате обычной хозяйственной деятельности, но затем выясняется, что часть операций носила очевидно невыгодный, а иногда и явно фиктивный характер. Для расследования важны не только финансовые показатели, но и анализ конкретных сделок, структуры активов, характера расчетов с аффилированными лицами и движения денежных средств. Такой анализ позволяет отличить предпринимательский риск от преднамеренного ухудшения имущественного положения. Здесь и проявляется специфика уголовно-правового подхода: он требует оценивать не результат сам по себе, а механизм его достижения.

Квалифицирующие признаки преднамеренного банкротства в уголовно-правовом смысле связаны прежде всего с характером деяния, его последствиями и особенностями субъекта. Для дел данной категории существенное значение имеют действия руководителя, учредителя, собственника имущества либо иного лица, фактически определяющего поведение организации. Именно эти лица обладают реальной возможностью распоряжаться активами, заключать сделки, перераспределять обязательства и влиять на финансовое состояние должника. Поэтому вопрос о субъекте преступления не сводится к формальному должностному положению. Важно установить фактический контроль над принятием решений. Такая позиция последовательно проводится в научной литературе, где отмечается, что квалификация невозможна без анализа роли конкретного лица в управлении должником.

Не менее значимым является и вопрос о способах совершения преднамеренного банкротства. В исследовательской литературе к типичным способам относят вывод активов, отчуждение имущества по заниженной стоимости, создание искусственной задолженности, заключение заведомо невыгодных договоров, сокрытие имущества от кредиторов, а также искажение бухгалтерской отчетности. Эти действия могут совершаться по отдельности или в совокупности. При этом каждое из них само по себе еще не доказывает наличие состава преступления. Для уголовно-правовой оценки требуется установить системность поведения, его направленность на ухудшение финансового положения и причинную связь с невозможностью удовлетворения требований кредиторов.

Существенное значение имеет и доказательство умысла. В отличие от многих других экономических преступлений, здесь субъект часто действует в условиях внешней правомерности. Документы могут быть оформлены надлежащим образом, сделки — сопровождаться договорной формой, а решения — приниматься в рамках компетенции руководства. Однако внешняя корректность еще не означает добросовестность. Именно поэтому в литературе и правоприменении подчеркивается необходимость исследования экономической целесообразности действий, сопоставления цен с рыночным уровнем, проверки аффилированности контрагентов и анализа последствий каждой спорной операции. В совокупности такие обстоятельства позволяют приблизиться к ответу на главный вопрос: было ли банкротство следствием неблагоприятного стечения обстоятельств либо результатом сознательного противоправного поведения.

Таким образом, преднамеренное банкротство представляет собой сложное правовое явление, которое не может быть понято только через призму одной отрасли права. Его правовая характеристика складывается из взаимодействия норм о несостоятельности и уголовного закона, а также из анализа фактических обстоятельств хозяйственной деятельности должника. Поэтому даль-

нейшее исследование требует не только нормативного, но и криминалистического подхода. Именно он позволяет выявить типичные следы преступления, определить направления проверки и выстроить доказательственную базу.

Криминалистическая характеристика преднамеренного банкротства. Криминалистическая характеристика преднамеренного банкротства имеет самостоятельное значение, поскольку позволяет увидеть преступление не как абстрактную юридическую конструкцию, а как совокупность конкретных действий, финансовых решений и документальных следов. Для дел данной категории это особенно важно, поскольку внешне хозяйственные операции могут выглядеть законными, однако при более внимательном анализе обнаруживается их направленность на искусственное ухудшение финансового состояния должника. Именно поэтому в научной литературе преднамеренное банкротство рассматривается не только через призму статьи 196 УК РФ, но и в тесной связи с механизмами финансовой диагностики и последующего доказывания. [3]

Наиболее распространенными способами совершения преднамеренного банкротства выступают отчуждение активов по заведомо заниженной стоимости, вывод ликвидного имущества, заключение экономически невыгодных сделок, создание искусственной кредиторской задолженности, оформление фиктивных обязательств и перераспределение имущества в пользу аффилированных лиц. Такие действия редко совершаются изолированно. Чаще они образуют цепочку операций, каждая из которых формально может иметь правовое основание, но в совокупности приводит к ухудшению платежеспособности организации. В этом и заключается главная трудность расследования: необходимо доказать не только факт неблагоприятного результата, но и намеренную направленность действий на его достижение.

Следует учитывать и то, что преднамеренное банкротство часто маскируется под обычные управленческие решения. Изменение структуры активов, погашение обязательств перед одними кредиторами и игнорирование требований других, передача имущества по цепочке сделок, все это может быть использовано как прикрытие противоправного поведения. Поэтому следователь не должен ограничиваться формальной проверкой документов. Важна экономическая оценка содержания операций, их реальной целесообразности и последствий для имущественного положения должника.

Сокрытие преднамеренного банкротства обычно строится на создании видимости законной хозяйственной деятельности. На практике это выражается в ведении неполной или искаженной бухгалтерской отчетности, уничтожении либо утаивании первичных документов, подмене реальных договоров формально корректными, а также в использовании цепочек взаимосвязанных организаций, через которые активы выводятся из-под контроля кредиторов. Иными словами, преступление прикрывается бумажной оболочкой правомерности. [3]

Значимую роль играет и информационная закрытость. Чем меньше данных получает арбитражный управляющий, тем сложнее восстановить реальную картину движения имущества. В литературе справедливо отмечается, что одной из причин затруднений в доказывании является предоставление недостоверной информации либо ее полное отсутствие. Отсюда вытекает практический вывод: расследование должно быть ориентировано не только на анализ представленных документов, но и на поиск независимых источников сведений, позволяющих сопоставить официальную отчетность с фактическим движением активов.

Субъект преднамеренного банкротства обычно связан с управлением организацией или с фактическим контролем над ней. Речь идет о руководителе, учредителе, собственнике имущества либо ином лице, которое реально определяет финансовые решения должника. Формальное должностное положение само по себе еще не означает наличие уголовно-правовой ответственности. Существенно другое: имел ли человек возможность распоряжаться активами, принимать решения о сделках и влиять на финансовое состояние организации.

Следовая картина по делам о преднамеренном банкротстве носит преимущественно документальный характер. Основными источниками доказательственной информации становятся бухгалтерские документы, договоры, акты приема-передачи, банковские выписки, налоговая отчетность, сведения о движении денежных средств, материалы арбитражного дела и заключения специалистов. В этом состоит одна из особенностей данной категории преступлений: материальные следы выражены слабее, чем документальные и информационные. По этой причине особое значение приобретает тщательное изучение финансово-хозяйственной документации.

Одновременно важны и косвенные следы. К ним относятся совпадение контрагентов по аффилированности, несоответствие цены сделки рыночному уровню, резкое ухудшение финансовых показателей после ряда операций, отсутствие реального исполнения обязательств. В совокупности такие данные позволяют восстановить причинную цепочку и проверить версию о преднамеренности. Здесь особенно полезно сопоставление сведений из разных источников: бухгалтерского учета, арбитражного производства, налоговой отчетности и показаний лиц, участвовавших в управлении организацией.

Особенности выявления и доказывания преднамеренного банкротства. Выявление и доказывание преднамеренного банкротства требуют последовательного анализа финансового состояния должника. На раннем этапе именно финансовый анализ позволяет отличить обычные предпринимательские риски от искусственного создания неплатежеспособности. При этом важно помнить, что сам факт убытков еще не свидетельствует о преступлении. Нужна более глубокая проверка: какие сделки совершались, почему они были выбраны, соответствовали ли они экономическим интересам организации и как отразились

на возможности исполнить обязательства перед кредиторами. Такой подход отражен и в научной литературе, где подчеркивается значение диагностических процедур при выявлении признаков преднамеренного банкротства.

Финансовый анализ занимает центральное место, поскольку именно он позволяет установить динамику активов, обязательств и платежеспособности. Без такого анализа расследование оказывается фрагментарным. Документальная проверка, в свою очередь, дает возможность подтвердить выводы финансовой диагностики и выявить конкретные операции, оказавшие негативное влияние на имущественное положение должника. Здесь важно не ограничиваться формальной сверкой отчетности. Необходимо сопоставлять бухгалтерские данные с банковскими выписками, договорами, актами сверки, сведениями о контрагентах и фактическим движением имущества. [4]

Именно на этом уровне нередко обнаруживаются признаки противоправности. Например, имущество реализуется в короткий срок, по заниженной цене и связанному лицу; обязательства исполняются выборочно; значительные суммы выводятся через ряд взаимосвязанных сделок. Такие обстоятельства сами по себе не подменяют доказанность умысла, но создают основу для последующего правового вывода. Иными словами, финансовый анализ не завершает исследование, а задает его направление.

Для дел о преднамеренном банкротстве особенно важны бухгалтерская, экономическая и судебная экспертизы. Их роль состоит в том, чтобы перевести спор о финансовом состоянии должника из области предположений в область проверяемых выводов. Эксперт может установить реальную стоимость имущества, оценить экономическую целесообразность сделок, выявить признаки искажения отчетности и определить, насколько действия должника соответствовали обычной хозяйственной практике. В публикациях по данной проблематике отмечается, что отсутствие единой методики судебных экспертиз осложняет расследование, а значит, повышает требования к качеству исходных материалов.

При этом важно понимать, что экспертное заключение не подменяет собой следственную оценку. Оно лишь создает научно обоснованную базу для вывода о наличии или отсутствии признаков преднамеренного банкротства. Следователь, в свою очередь, должен увязать результаты экспертизы с иными доказательствами: показаниями свидетелей, внутренней перепиской, договорной документацией, сведениями о контрагентах. Только в таком случае экспертные выводы приобретают подлинную доказательственную силу. [5]

Материалы арбитражного производства имеют существенное значение для раскрытия обстоятельств дела. Они содержат сведения о структуре задолженности, составе имущества, претензиях кредиторов, результатах инвентаризации и иных фактах, необходимых для реконструкции финансового положения должника. Не менее важны сведения арбитражного управляющего, поскольку именно он нередко располагает первоначальной картиной активов и может выявить несоответствия между отчетностью и реальным состоянием дел. В научной литературе подчеркивается, что процедуры банкротства и уголовное расследование тесно взаимосвязаны, а потому сведения, полученные в арбитражном процессе, следует использовать максимально полно.

Таким образом, доказывание преднамеренного банкротства строится на сочетании финансового анализа, документальной проверки, экспертных исследований и материалов арбитражного производства. Этот комплекс позволяет не только обнаружить признаки противоправного поведения, но и показать их внутреннюю связанность. Именно в этом и состоит специфика методики расследования: она должна соединять экономическую логику с уголовно-правовой оценкой, не подменяя одну другой, но и не разрывая их искусственно.

Основные этапы расследования преднамеренного банкротства. Расследование преднамеренного банкротства строится поэтапно, и это не случайно. Данное преступление, как правило, не имеет ярко выраженной «внешней» формы: его признаки скрываются в хозяйственных операциях, финансовых документах, цепочках сделок и отчетности. Поэтому следственная работа начинается задолго до вынесения процессуального решения и требует последовательной проверки экономических, правовых и фактических обстоятельств. В качестве нормативной основы выступают положения статьи 196 УК РФ и Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», поскольку именно они задают рамки для оценки действий должника и возможных последствий этих действий.

На стадии проверки сообщения о преступлении следователь или дознаватель должен прежде всего установить, имеются ли данные, указывающие не просто на банкротство, а именно на его преднамеренный характер. Здесь важно не смешивать хозяйственный риск и уголовно наказуемое поведение. Наличие убытков, просроченной задолженности или недостатка имущества еще не означает состава преступления. Необходимо выявить признаки целенаправленного ухудшения финансового положения должника: отчуждение активов, невыгодные сделки, выборочное погашение обязательств, искажение отчетности, создание искусственной кредиторской задолженности. Именно такой подход соответствует научному пониманию проблемы, поскольку преднамеренное банкротство всегда требует установления связи между действиями лица и наступившей неплатежеспособностью. [2]

На этой стадии особое значение приобретают документы, поступающие от арбитражного управляющего, кредиторов, налоговых органов, банков и контрагентов. Если первоначальные материалы показывают, что ухудшение финансового состояния наступало не стихийно, а после ряда подозрительных операций, появляется основание для дальнейшего процессуального реагирования.

Таким образом, проверка сообщения должна быть не формальной, а аналитической. Иначе говоря, задача состоит не в простом сборе бумаг, а в выявлении тех фактов, которые требуют уголовно-правовой оценки.

Первоначальный этап расследования обычно связан с закреплением наиболее уязвимых доказательств. На этом отрезке следователю важно быстро изъять и зафиксировать документы, которые могут быть утрачены, изменены или уничтожены. Речь идет о бухгалтерской и налоговой отчетности, договорах, первичных учетных документах, банковских выписках, переписке, внутренних распоряжениях, материалах инвентаризации. Практика показывает, что именно эти источники позволяют восстановить реальную картину движения активов и определить, какие операции привели к ухудшению имущественного положения организации.

Первоначальный этап также требует выдвижения следственных версий. Как правило, рассматриваются несколько основных вариантов: банкротство наступило по объективным экономическим причинам; ухудшение финансового положения связано с неэффективным управлением; должник сознательно выводил активы и создавал видимость неплатежеспособности. Проверка этих версий помогает не только выстроить направление расследования, но и избежать преждевременных выводов. В этом проявляется специфика дел о преднамеренном банкротстве: преждевременная квалификация здесь особенно опасна, поскольку внешние признаки могут вводить в заблуждение. [6]

Кроме того, на раннем этапе часто решается вопрос о привлечении специалистов. Без участия экономиста, бухгалтера или оценщика невозможно качественно проанализировать финансовую документацию. Такой подход соответствует общему научному представлению о том, что раскрытие экономических преступлений требует использования специальных знаний, поскольку правовая оценка невозможна без понимания хозяйственной сути операций.

Последующий этап связан с углубленной проверкой собранных данных и их сопоставлением с иными источниками информации. Если на первом этапе основное внимание уделяется закреплению следов, то далее акцент смещается на доказательство умысла, причинной связи и размера ущерба. Здесь особенно важно установить, кто именно принимал решения, кто контролировал движение активов, и кто извлек выгоду из спорных сделок. В делах о преднамеренном банкротстве формальный руководитель не всегда является реальным инициатором; иногда ключевые решения принимаются иными лицами, действующими через аффилированные структуры или доверенных посредников. [7]

Проблемы расследования и пути их решения. Расследование преднамеренного банкротства сталкивается с рядом устойчивых проблем. Первая из них — недостаточность нормативной и методической базы. Несмотря на наличие статьи 196 УК РФ и законодательства о несостоятельности, единообразные практические ориентиры по таким делам выработаны не полностью. Это создает неравномерность правоприменения и затрудняет оценку сходных ситуаций. Научная литература также обращает внимание на то, что институт банкротства является комплексным, а потому требует согласованного применения норм разных отраслей права.

Вторая проблема связана с получением финансово-хозяйственной документации. Должники нередко не предоставляют полные сведения, ссылаются на утрату документов, проводят смену бухгалтеров, используют аффилированные организации или передают активы по цепочке сделок. В результате следствие сталкивается с дефицитом исходной информации. Выход здесь состоит в более активном использовании альтернативных источников: данных банков, налоговых органов, арбитражного управляющего, контрагентов, электронных следов и переписки. Чем шире источниковая база, тем меньше риск односторонней оценки.

Третья проблема — доказывание умысла и размера ущерба. Именно здесь сосредоточены основные процессуальные сложности. Умысел не фиксируется напрямую, его приходится выводить из совокупности косвенных обстоятельств. Поэтому особенно значимы аффилированность, повторяемость операций, несоответствие цены сделки рынку, отсутствие деловой цели, выборочное удовлетворение требований кредиторов. Размер ущерба также нуждается в тщательной оценке, поскольку он должен опираться не на предположения, а на документально подтвержденные расчеты. В этом отношении экспертиза и финансовый анализ остаются ключевыми инструментами.

Пути повышения эффективности расследования связаны, во-первых, с более тесным взаимодействием следователя, арбитражного управляющего и специалистов; во-вторых, с расширением практики назначения экономических и бухгалтерских экспертиз; в-третьих, с развитием методических рекомендаций по делам о преднамеренном банкротстве. Кроме того, важную роль играет обучение следователей основам финансового анализа. Без этого невозможно уверенно ориентироваться в массиве документов и распознавать подозрительные схемы. В данном вопросе теория и практика должны идти рядом, иначе расследование будет запаздывать за сложностью самих экономических механизмов.

Заключение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что расследование преднамеренного банкротства представляет собой многоэтапный и доказательно сложный процесс. Его успешность зависит от своевременного выявления признаков противоправного поведения, полноты документального закрепления сведений, качества экспертных исследований и умения связать финансовую картину с уголовно-правовой оценкой. Иными словами, здесь недостаточно установить сам факт банкротства; необходимо показать, каким образом оно было создано, кем и с какой целью.

Литература:

1. Колесникова Е. Н. Методика выявления признаков противоправной деятельности лиц, оказывающих юридические и финансовые услуги в процедурах банкротства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-vyyavleniya-priznakov-protivopravnoy-deyatelnosti-lits-okazyvayuschih-yuridicheskie-i-finansovye-uslugi-v-protsedurah (дата обращения: 04.07.2026).
2. Лозовский Д. Н., Фидельский С. В. К вопросу об особенностях возбуждения уголовных дел о преступлениях, связанных с преднамеренным банкротством // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 4 (130). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-vozbuzhdeniya-ugolovnyh-del-o-prestupleniyah-svyazannyh-s-prednamerennym-bankrotstvom (дата обращения: 04.07.2026).
3. Макаренко М. М., Потапов В. Д., Скачко А. В. Уголовно-правовая характеристика и особенности расследования преднамеренного банкротства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-harakteristika-i-osobennosti-rassledovaniya-prednamerennogo-bankrotstva (дата обращения: 04.07.2026).
4. Малышкин П..В. Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-organizatsii-rassledovaniya-fiktivnyh-ili-prednamerennyh-bankrotstv (дата обращения: 04.07.2026).
5. Подгайная Е. В. Особенности построения версий и планирования при расследовании преступлений, связанных с банкротством // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-postroeniya-versiy-i-planirovaniya-pri-rassledovanii-prestupleniy-svyazannyh-s-bankrotstvom (дата обращения: 04.07.2026).
6. Поздышев Р. С. Проблемы расследования криминальных банкротств // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-rassledovaniya-kriminalnyh-bankrostv (дата обращения: 04.07.2026).
7. Поздышев Р. С. Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-priznakov-prednamerennogo-bankrotstva-v-usloviyah-otsutstviya-dokumentov-otrazhayuschih-finansovo-hozyaystvennuyu (дата обращения: 04.07.2026).

Особенности собирания и оценки доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве

Магомедов Саид Магомедович, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Актуальность темы обусловлена сложностью расследования преступлений, связанных с преднамеренным банкротством, поскольку установление обстоятельств их совершения требует исследования значительного объёма финансово-хозяйственной документации. Особую трудность представляет разграничение объективных экономических причин банкротства и умышленных действий, направленных на ухудшение финансового состояния должника. Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей собирания и оценки доказательств, а также выявлении основных проблем, возникающих при расследовании преступлений данной категории.

Введение

Расследование преступлений в сфере экономической деятельности представляет собой одно из наиболее сложных направлений правоохранительной деятельности. Особое место среди таких преступлений занимает преднамеренное банкротство, ответственность за которое предусмотрена ст. 196 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Специфика расследования заключается в необходимости установления не только факта неплатёжеспособности организации, но и обстоятельств, свидетельствующих о намеренном создании либо увеличении такого состояния. В связи с этим особое значение приобретает процесс собирания и оценки доказательств, поскольку именно от их полноты и достоверности зависит возможность установления всех обстоятельств совершённого

преступления. В соответствии со ст. 73 УПК РФ по уголовному делу подлежат доказыванию событие преступления, виновность лица, форма его вины, мотивы и другие обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Применительно к преднамеренному банкротству особую сложность представляет установление причинной связи между действиями конкретного лица и наступившей неплатёжеспособностью организации.

Особенности собирания доказательств

Собирание доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве имеет определённую специфику, обусловленную преимущественно документальным характером следов преступления. Основная информация о деятельности организации содержится в бухгалтерской и налоговой отчётности, договорах, банковских выписках, платёжных поручениях и иных документах, отражающих движение денежных средств и распоряжение имуществом. Изучение указанной документации позволяет установить характер хозяйственных операций, выявить сделки, совершённые на невыгодных условиях, определить факты отчуждения имущества по заниженной стоимости, а также установить возможное перечисление денежных средств организациям, связанным с руководством должника. При этом отдельная невыгодная сделка сама по себе не свидетельствует о наличии состава преступления. Необходимо установить её действительное экономическое содержание, обстоятельства заключения и влияние на финансовое состояние организации.

Важное значение имеет получение сведений о лицах, принимавших решения относительно распоряжения имуществом и денежными средствами организации. Для этого исследуются учредительные документы, приказы о назначении руководителей, доверенности, протоколы собраний и иные материалы, позволяющие определить круг лиц, фактически осуществлявших управление должником. Не менее значимыми являются показания главных бухгалтеров, работников организации, контрагентов, кредиторов и арбитражных управляющих. Они позволяют установить обстоятельства заключения договоров, причины возникновения задолженности и порядок принятия управленческих решений. Полученные сведения необходимо сопоставлять с документальными доказательствами для проверки их достоверности.

Особое внимание следует уделять материалам арбитражного производства, содержащим сведения о финансовом состоянии должника, составе имущества, задолженности перед кредиторами и результатах деятельности арбитражного управляющего. Такие материалы позволяют получить дополнительную информацию об обстоятельствах возникновения несостоятельности организации.

Таким образом, собирание доказательств по данной категории уголовных дел должно осуществляться комплексно, с использованием документальных источников, показаний лиц и сведений, полученных в рамках арбитражного производства.

Роль специальных знаний и судебных экспертиз.

Одной из особенностей расследования преднамеренного банкротства является необходимость использования специальных знаний в области экономики и бухгалтерского учёта. Это обусловлено тем, что исследование финансово-хозяйственной деятельности организации требует анализа значительного объёма документов и специальных экономических показателей. Особое значение имеют бухгалтерские и финансово-экономические экспертные исследования, позволяющие установить обстоятельства движения денежных средств, исследовать финансовое состояние организации и определить влияние отдельных хозяйственных операций на её платёжеспособность.

Например, при наличии сведений об отчуждении имущества по заниженной стоимости может возникнуть необходимость в исследовании документов, подтверждающих условия сделки, стоимость имущества и наличие встречного исполнения. При этом эксперт не вправе самостоятельно решать вопросы о виновности конкретного лица или наличии состава преступления. Установление умысла и правовая оценка действий относятся к компетенции следователя и суда.

Таким образом, использование специальных знаний позволяет более объективно исследовать финансовую деятельность должника и получить сведения, имеющие существенное значение для доказывания обстоятельств преступления.

Особенности оценки доказательств и установления умысла

Оценка доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве представляет собой сложный процесс, поскольку отдельные документы и хозяйственные операции не всегда позволяют сделать однозначный вывод о наличии противоправного поведения.

В соответствии со ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности, а вся совокупность доказательств с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. Особую сложность представляет установление умысла лица. Как правило, противоправные действия могут маскироваться под обычные хозяйственные операции, поэтому их действительная направленность не всегда очевидна. В связи с этим необходимо исследовать последовательность совершённых сделок, обстоятельства отчуждения имущества, взаимосвязи между контрагентами и последствия финансовых операций. Умысел может подтверждаться совокупностью косвенных доказательств, в том числе фактами вывода активов, создания искусственной задолженности, заключения заведомо невыгодных сделок и перевода имущества на под-

контрольные организации. Однако каждое из указанных обстоятельств должно оцениваться в совокупности с другими материалами уголовного дела.

Не менее важным является установление причинно-следственной связи между действиями лица и наступившей неплатёжеспособностью. Для этого необходимо сопоставить финансовое состояние организации до совершения спорных операций и после них, определить изменение стоимости активов и размер возникших обязательств. Следовательно, оценка доказательств должна быть направлена не только на установление факта банкротства, но и на выявление конкретных действий, повлекших ухудшение финансового положения организации.

Проблемы доказывания и пути их решения.

Расследование преднамеренного банкротства сопровождается рядом проблем, одной из которых является отсутствие либо неполнота финансово-хозяйственной документации. В отдельных случаях документы могут быть утрачены, уничтожены или намеренно скрыты, что затрудняет восстановление реальной картины деятельности организации. Для решения данной проблемы необходимо использовать альтернативные источники информации, в том числе банковские выписки, сведения налоговых органов, документы контрагентов и материалы арбитражного производства. Другой проблемой является сложность установления умысла, поскольку внешне противоправные действия могут иметь форму обычных гражданско-правовых сделок. В связи с этим необходимо исследовать не только юридическое оформление договоров, но и их экономическую целесообразность, фактическое исполнение и последствия для имущественного положения должника.

Кроме того, определённые трудности возникают при использовании специальных знаний. Неполнота представленных документов может препятствовать проведению полноценного экспертного исследования. Поэтому особое значение приобретает своевременное получение и надлежащее процессуальное закрепление финансовой документации. Представляется, что повышение эффективности расследования возможно посредством более тесного взаимодействия следственных органов с арбитражными управляющими, специалистами в области бухгалтерского учёта и финансового анализа, а также совершенствования практики назначения судебных экспертиз.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что собирание и оценка доказательств по уголовным делам о преднамеренном банкротстве представляют собой сложный процесс, обусловленный необходимостью исследования значительного объёма финансово-хозяйственной документации и установления причин возникновения неплатёжеспособности организации. Основная особенность доказывания заключается в необходимости комплексного анализа документальных, свидетельских и экспертных доказательств. При этом особое значение имеют банковские выписки, бухгалтерская отчётность, договоры с контрагентами и материалы арбитражного производства.

Таким образом, эффективность расследования преднамеренного банкротства во многом зависит от своевременного получения доказательственной информации, правильной организации экспертных исследований и объективной оценки всех собранных материалов. Только комплексный подход позволяет установить действительные причины ухудшения финансового состояния должника, выявить лиц, причастных к совершению противоправных действий, и обеспечить обоснованность принимаемых процессуальных решений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».
4. Федеральный закон от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте».
5. Колесникова Е. Н. Методика выявления признаков противоправной деятельности лиц, оказывающих юридические и финансовые услуги в процедурах банкротства // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 3.
6. Макаренко М. М., Потапов В. Д., Скачко А. В. Уголовно-правовая характеристика и особенности расследования преднамеренного банкротства // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4.
7. Малышкин П. В. Методологические особенности организации расследования фиктивных или преднамеренных банкротств // Мир науки и образования. 2016. № 1 (5).
8. Подгайная Е. В. Особенности построения версий и планирования при расследовании преступлений, связанных с банкротством // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2.
9. Поздышев Р. С. Проблемы расследования криминальных банкротств // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2024. № 2 (99).
10. Поздышев Р. С. Установление признаков преднамеренного банкротства в условиях отсутствия документов, отражающих финансово-хозяйственную деятельность должника // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».

Анализ зарубежного правового регулирования оборота оружия

Мажухина Анастасия Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются примеры правового регулирования оружия в США, Канаде, некоторых европейских странах и странах Прибалтики. Сделан вывод о том, что законодательство РФ имеет разработанные механизмы регулирования оборота оружия, которые отвечают современным тенденциям.

Оружие выступает особым имуществом, оборот которого требует специального законодательного регулирования, исходя из социальной опасности, которую оно представляет. Государству необходимо гарантировать строгий учет и процесс пользования оружием, а также обеспечить надлежащую законодательную регламентацию указанного процесса.

Представляется, что одно из направлений совершенствования отечественного законодательства состоит в изучении правового регулирования зарубежных стран, положительный опыт которых возможно заимствовать и внедрять в систему национального права. Отдельно отметим, что оружие, как предмет оборота, может затрагивать различные отрасли права, в частности, административное, гражданское и уголовное. Процесс зарубежного и международного регулирования оружия является одной из отправных точек, которые обеспечивают надлежащий оборот оружия внутри государства.

Лидером по самому упрощенному обороту оружия выступают Соединенные Штаты Америки, в которых до сих пор сохраняется право «неограниченного провоза» оружия, что подразумевает разрешение ношения огнестрельного оружия неочевидным способом [1]. Такое право ограничивается рядом моментов по отношению к обладателю оружия, однако ограничения имеют наиболее узкий характер по сравнению с иными государствами мира. Либеральное законодательство в области оборота оружия приводит к трагическим последствиям, которые мы можем наблюдать в мировых новостях: массовые расстрелы и теракты в отношении незащищенных граждан. Отечественные ученые однозначно сходятся во мнении о том, что негативный американский опыт является показателем того, что российская законодательная система более совершенна и реформировать ее в сторону наибольшей свободы не нужно [2].

В Канаде законодательство в области оборота оружия довольно схоже с отечественным, но нами выявлены некоторые различия. Для приобретения оружия необходимо получить лицензию, пройти освидетельствование, а также собеседование. При этом тот вид оружия, который может быть в обороте у гражданских лиц, может у них находиться лишь только для охоты и для стрельбы по мишеням (в качестве спортивного снаряда). Кроме двух указанных оснований, также, при проживании в дикой местности, разрешение (лицензию) на ношение оружия можно получить для защиты от диких животных. Такие законодательные меры продиктованы особенностью географического положения Канада и обилию северных хищников. Однако вид оружия, который может приобрести гражданское лицо очень узкий, к нему относится так называемое «не ограниченное оружие», то есть то, которое могут покупать физические лица [3].

Законодательство Грузии крайне схоже с российским, однако чуть более свободное в отношении оборота оружия для самообороны: с 18 лет лицо может заявиться на выдачу разрешения оружия для охоты, спорта или самообороны [4].

В Италии достаточно свободный оборот оружия. При получении соответствующего разрешения допускается его спокойная транспортировка. Ограничения по получению касаются возраста, психического состояния и наличия судимостей [5]. Схожее положение и в Испании, где допускается разрешение винтовок и дробовиков для самообороны, если лицо в этом нуждается, что делает правовое регулирование государства в области оборота оружия довольно свободным, т. к. не так много стран, где автоматическое оружие разрешено в целях самообороны. Во Франции существует ряд ограничений, и огнестрельное оружие можно получить исключительно для охоты и спорта. Использование и разрешение покупки огнестрельного оружия для самообороны исключена [6].

Интересным представляется законодательство Финляндии, в котором нормы составлены таким образом, при котором оборот оружия как бы представляется свободным: ни один вид оружия явно не запрещен, но лицензии выдаются только по определенной причине. Самооборона не принимается в качестве уважительной причины для приобретения лицензии на огнестрельное оружие. В целом, это исключает из непрофессионального использования все, кроме охотничьего и спортивного оружия [7].

Наиболее строгое законодательство в области оборота огнестрельного оружия существует в Китайской На-

родной Республике. Частным лицам запрещено иметь оружие. Незаконный оборот оружия предусматривает от трех лет тюремного заключения, а предельный срок нормы уголовного кодекса, когда речь идет о незаконном обороте боеприпасов достигает пожизненного заключения [8].

Иное законодательное регулирование по сравнению с Россией складывается в республиках, которые ранее входили в состав СССР. Правовые модели оборота оружия, сложившиеся в постсоветских прибалтийских республиках и Молдове, имеют много общего, что позволяет рассматривать их в рамках общей модели. Во всех указанных государствах признается право граждан на ношение огнестрельного летального оружия — пистолетов и револьверов. Например, в Республике Молдова к оружию самообороны законодатель относит летальное и нелетальное короткоствольное оружие, а короткоствольное огнестрельное оружие признает в качестве инструмента защиты и охраны. В Эстонской Республике огнестрельное оружие является ограниченным в гражданском обороте, но которое может быть приобретено на основании разрешения. Отличительной чертой эстонского законодательства является полный запрет электрошокового оружия, что является довольно редким мировым явлением [9].

Нами проведен анализ законодательства в области оборота оружия в некоторых зарубежных странах. Можно сделать вывод о том, что на становление законодательства в области оборота оружия для самообороны повлияло множество факторов, но также и свою роль сыграло историческое формирование. Тоталитарные ограничительные меры в Советском государстве привели к тому, что страны, которые ранее являлись ее участниками пошли по пути принятия противоположного законодательства. В Российской Федерации установлены довольно строгие требования в отношении оборота огнестрельного оружия, предназначенного для самообороны физическими лицами, что продиктовано сущностью оружия и опасностью, которое оно представляет для общества.

Литература:

1. Равнюшкин А. В. Правовые вопросы оборота огнестрельного оружия в Соединенных Штатах Америки // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 4. С. 356–373.
2. Шулус А. А. Право на оружие в США: соотношение федерального законодательства и законов штатов // Вестник ГУУ. 2014. № 12. С. 321–326.
3. Сулейманова С. Т. Уголовная политика Канады в сфере оборота оружия // Наука. Общество. Государство. 2013. № 2 (2). С. 128–133.
4. Муркштис М. И. Анализ зарубежного законодательства об ответственности за незаконный оборот оружия (на примере стран Содружества Независимых государств) // Человек: преступление и наказание. 2018. № 4. С. 437–440.
5. Муркштис М. И. Проблема контроля за оборотом оружия и европейский опыт ее правового решения // Образование и право. 2018. № 11. С. 229–234.
6. Злобин С. Г. Особенности правового регулирования оборотов деактивированного огнестрельного оружия в зарубежных странах // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 75–79.
7. Невский С. А. Ограничение оборота оружия как средство предупреждения преступлений (зарубежный и международный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 2. С. 4–16.
8. Шелковникова Е. Д. Проблемы борьбы с незаконным оборотом оружия и вооруженной преступностью и особенности их решения в Китайской Народной Республике // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 124–128.
9. Сошина Л. А. К вопросу о развитии и современном состоянии законодательства, регламентирующего незаконный оборот оружия в некоторых зарубежных государствах // Сибирский юридический вестник. 2007. № 4. С. 74.

Актуальные проблемы режима государственной тайны

Мазурова Светлана Евгеньевна, студент
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В данной статье рассмотрим историю развития режима государственной тайны, острые проблемы правового регулирования и их решение в России.

В древности и в Средние века как правового института государственной тайны не существовало. Но это не значит, что никакой конфиденциальной информации не было — просто её защита строилась иначе. На ранних этапах конфиденциальность обеспечивалась в основном на нравственно-этической основе и через категорию «вер-

ности». Например, в древнерусском праве само понятие «тайны» в юридическом смысле отсутствовало.

С укреплением централизованного государства (примерно в середине XVII века) появляются первые зачатки правового регулирования. Например, вводятся формы присяги чиновника (1651 и 1653 годы), а позже — Генеральный регламент 1720 года при Петре I. Уже тогда закладывались правила, обязывающие служащих не разглашать определённые служебные сведения.

Постепенно государство стало вводить и уголовную ответственность за конкретные деяния, которые можно считать прообразом современных нарушений в этой сфере. Например, наказывали за измену: за устную или письменную связь с неприятелем либо за передачу сведений о военных укреплениях.

В Российской империи ситуация была такой: хотя отдельные нормы появлялись, единого, систематизированного подхода не было. Разные ведомства (Министерство иностранных дел, Военное ведомство, Департамент полиции) зачастую сами решали, какие сведения засекречивать и как их защищать. Не существовало единого перечня сведений, составляющих государственную тайну.

Только в XX веке, особенно в советский период, институт государственной тайны начал формироваться как более системный: появились перечневый подход (когда конкретный список сведений закреплялся в законе или подзаконном акте), централизованные механизмы защиты.

До появления Закона РФ № 5485-I «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года, просто действовали другие механизмы — более фрагментарные, часто опирающиеся на ведомственные инструкции и морально-этические нормы, которые со временем стали закрепляться в праве.

Теперь о «прорехах» в режиме государственной тайны. Первая проблема связана с тем, что в действующем правовом регулировании режима государственной тайны есть противовес между безопасностью государства и правом общества на информацию. Закон РФ «О государственной тайне» гласит, что такие сведения засекречены, но если сведения государственной тайны необходимы человеку для защиты своих прав и свобод (в суде, например), то государственная тайна раскрывается в закрытом заседании и запретом разглашения для тех граждан, которые не имели ранее доступа к государственной тайне. Получается, происходит «рассекречивание», в рамках судебного процесса. Появляется возможность ситуации, когда секретные данные переходят в публичное поле, без контроля. Происходит риск несанкционированного разглашения.

Вторая проблема, режима государственной тайны — утечка информации.

Умышленные действия людей, отсутствие контроля, последствия случайных обстоятельств, все это приводит к утечке информации. Часто причиной утечки выступают корыстные намерения с целью выгоды. Случайные утечки происходят из-за невнимательности, а именно «человеческого фактора». Решением этой проблемы стало бы установка автоматизированных систем защиты информации, проведение профилактических бесед с персоналом, с предупреждением об ответственности.

Третья проблема — срок засекреченности документов, отнесенных к государственной тайне до введения в действие Закона РФ «О государственной тайне» (до сентября 1993 г.), является правом, а не обязанностью государственного органа, наделенного полномочиями в области защиты государственной тайны. Верховный Суд РФ, рассматривая данные дела в кассационном и надзорном порядке, оставил решения в силе, согласившись с вышеуказанной позицией.

Это значит, что Межведомственная комиссия по защите государственной тайны в настоящее время уклоняется от вынесения заключений по вопросу о продлении сроков секретного хранения документов, засекреченных до сентября 1993 г. Это позволяет ведомствам, в чьи полномочия входит отнесение тех или иных сведений и документов к государственной тайне, самостоятельно на основании внутриведомственных экспертиз продлевать сроки засекречивания документов на неограниченное количество лет.

Подобный подход органов власти и судов к применению максимального 30-летнего срока засекречивания документов создает значительные препятствия для исследователей и пользователей архивами в получении для изучения архивных документов, особенно если учесть, что большую часть секретных архивных документов составляют именно материалы, засекреченные ранее 1993 г.

Практика судов. Пример: жалоба в Конституционный Суд РФ. Оспариваются положения ст. 13 Закона РФ «О государственной тайне», которые по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют неограниченно долго оставлять на секретном хранении документы, засекреченные до введения в действие Закона РФ «О государственной тайне».

Принятие Конституционным Судом РФ решения по этому делу может решить проблему недоступности значительного массива данных, прежде всего архивных исторических документов.

Проанализировав текущее состояние правовых норм и процедур, регулирующих доступ к государственной тайне и защиту данных, таких как облачные вычисления и шифрование данных, напрашивается необходимость адаптации законодательства к новым условиям.

Изучив правовые нормы, видно, что существующие нормы нуждаются в обновлении для эффективного реагирования на киберугрозы и утечки данных. Механизмы защиты информации на практике сталкиваются с различными трудностями, что требует улучшения. Так же серьезные последствия, возникают в результате недостаточной защиты информации.

Есть необходимость пересматривать правовые нормы и процедуры, регулирующие доступ к государственной

тайне, это может способствовать повышению уровня безопасности государства и защиты конфиденциальной информации.

Особое внимание необходимо уделить влиянию современных технологий, таких как облачные вычисления и шифрование данных, на существующее законодательство. Технологические изменения создают новые вызовы для защиты конфиденциальной информации, что требует от правовой системы гибкости и готовности к адаптации.

В дальнейшем рекомендуется продолжить исследования в области адаптации законодательства к новым вызовам, связанным с технологическим прогрессом, а также углубить анализ международного опыта в сфере защиты государственной тайны, чтобы выявить лучшие практики, которые могут быть применены в России. Это позволит не только улучшить существующие правовые режимы, но и обеспечить более надежную защиту государственной тайны в условиях быстро меняющегося мира.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 года. / Российская газета, № 237, 25.12.1993.
2. Закон РФ от 21.07.1993 N5485–1 (ред. от 08.03.2015) «О государственной тайне»/ Собрание законодательства РФ», 13.10.1997, N 41, стр. 8220–8235
3. Уголовный кодекс РФ ст.283.1, 283.2
4. Указ Президента РФ от 11 февраля 2006 г. N 90 «О перечне сведений, отнесенных к государственной тайне»/ Текст Указа опубликован в «Российской газете» от 17 февраля 2006 г. N 34, в Собрании законодательства Российской Федерации от 20 февраля 2006 г. N 8 ст. 892
1. https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-gosudarstvennoy-i-sluzhebnoy-tayny-v-rossii
2. https://www.info-secur.ru/is-16/ponomareva.pdf
3. https://roii.ru/publications/dialogue/article/66_23/kamalova_g.g./history-of-confidentiality-protection-in-russia
4. https://tass.ru/info/3318288
5. https://www.gramota.net/article/hss20141935/pdf

Некоторые особенности объектов апелляционного обжалования

Малыгин Эдуард Анатольевич, студент магистратуры
Научный руководитель: Шепелев Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Объектом апелляционного обжалования являются судебные постановления (решения, определения) судов первой инстанции, включая и судебные постановления (кроме судебных приказов) мировых судей, не вступившие в законную силу.

Гражданским процессуальным кодексом РФ [1] предусмотрено, что апелляционные жалоба может подана на решение суда как в целом, так и на его часть. В случае частичного обжалования решения необжалованная его часть также не вступает в законную силу.

Самостоятельным объектом апелляционного обжалования являются и дополнительное решение, определения по вопросам о судебных расходах, порядке, сроке исполнения решения, а также мотивы судебного решения.

Сокращенные решения (при признании иска, при отказе в иске по срокам), решения суда по рассмотренному в порядке упрощенного производства делу также являются предметом апелляционного обжалования. Судебные постановления, по которым не было изготовлено мотивированное решение, не являются объектом апелляционного обжалования, на основании ч. 2 ст. 325.1 ГПК РФ подобные дела апелляционной инстанцией подлежат возвращению суду первой инстанции. Решения, изготовленные без мотивировочных частей, являются предметом апелляционного обжалования лишь при установлении факта, что у суда первой инстанции отсутствует возможность изготовления полного решения. По условиям допустимости обжалования судебных постановлений судов второй инстанции апелляция разделяется на ограниченную и неограниченную. В отличие от неограниченной апелляции ограниченная апелляция предполагает недопустимость обжалования решений суда первой инстанции, не отвечающих определенным критериям [2, с. 64].

Следует отметить, что в Гражданском процессуальном кодексе РФ не содержатся конкретные нормы, ограничивающие по тем или иным основаниям обжалование решений судов первой инстанции, не вступивших в законную силу.

Между тем анализ содержания действующих статей в Гражданском процессуальном кодексе РФ свидетельствует о наличии в судопроизводстве России определенных ограничений при обжаловании отдельной кате-

гории дел в зависимости от их характера, или сложности (категории) дела, или цены иска либо в зависимости от необходимости предварительного преодоления некоторых установленных законом процессуальных препятствий [3, с. 78].

Апелляционные жалобы на решения мировых судей рассматриваются единолично судьей районного суда, расположенного в районе участков мировых судей, где, как правило, проживают и лица, участвующие в деле. Судебные приказы по заявлению могут быть отменены мировым судьей, в определении об отмене судебного приказа судья разъясняет взыскателю, что заявленное требование им может быть предъявлено в порядке искового производства.

Не подлежит обжалованию в апелляционном порядке определение об утверждении мирового соглашения. Представляется, что в данном случае законодатель исходил из того, что стороны по делу, заключая мировое соглашение, добровольно реализуют принадлежащие им диспозитивные права.

Вместе с тем в отдельных случаях законодатель для обжалования определенных судебных постановлений в суд второй инстанции ставит некоторые процессуальные барьеры. Эти судебные постановления могут стать предметом апелляционного обжалования только после преодоления этих препятствий.

Так, на основании ч. 2 ст. 237 ГПК РФ заочное решение суда ответчиком может быть обжаловано в течение одного месяца со дня вынесения определения суда об отказе в удовлетворении заявления об отмене этого решения.

На основании ч. 3 ст. 320 ГПК РФ апелляционную жалобу вправе подать также лица, которые не были привлечены к участию в деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом. Однако апелляционная жалоба этих лиц должна содержать обоснование нарушения их прав, свобод и законных интересов обжалуемым решением суда. Апелляционная жалоба этим лицом может быть подана лишь в случае нарушения его прав, свобод и законных интересов обжалуемым решением суда, это условие, даже в случае принятия апелляционной жалобы судом, апелляционной инстанцией проверяется на всех стадиях рассмотрения дела судом второй инстанции [4, с. 145].

Отметим, что в положения п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 [5] говорится о том, что апелляционная жалоба на решение суда, в частности, может быть подана лицом, не привлеченным к участию в деле, лишь в случае разрешения судом вопроса о правах и об обязанностях этого лица, направлены как на исключение проникновения в процесс случайных лиц, так и на защиту прав указанных третьих лиц.

Указанные выше действия свидетельствуют о наличии в российском судопроизводстве определенного «процессуального барьера» при рассмотрении жалоб исследуемой категории, призванного не допустить к рассмотрению жалобы на решения, которыми права и интересы рассматриваемой категории лиц не затрагиваются. Подобные действия в какой-то мере сближают институт выдачи разрешения на обжалование судебного постановления на подачу апелляционной жалобы, действующий, в частности, в немецком гражданском судопроизводстве, с указанными правовыми нормами, судебной практикой российского судопроизводства.

Кроме того, определения судов первой инстанции на основании ст. 331 ГПК РФ могут быть обжалованы лишь в случае, если это предусмотрено законом и если определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела.

Гражданский процессуальный кодекс РФ хотя и не содержит конкретные нормы, ограничивающие обжалование отдельных решений судов первой инстанции, однако в российском судопроизводстве имеются определенные ограничения по допустимости апелляции, а это, в свою очередь, подтверждает, что в Российской Федерации наблюдается устойчивая тенденция формирования в апелляционном производстве института ограниченной апелляции.

На основании ч. 1 ст. 331 ГПК РФ определения суда первой инстанции могут быть обжалованы в суд апелляционной инстанции, если это предусмотрено Гражданский процессуальный кодекс РФ и если определение суда исключает возможность дальнейшего движения дела.

Законодатель при установлении ограничений в праве обжалования определений учел, что возможность обжалования всех определений суда первой инстанции затянула бы разрешение спора по существу, а полное отсутствие возможности их обжалования, в особенности тех определений, содержание которых прямо связано с сущностью рассматриваемого дела и влияет на его судьбу, привело бы к нарушению права на судебную защиту [3, с. 80].

Остальные определения суда первой инстанции самостоятельному обжалованию не подлежат, однако возражения против этих определений могут быть включены в апелляционные жалобу и представление.

В апелляционную инстанцию отдельно от решений судов могут быть обжалованы определения об отказе в принятии искового заявления (ч. 3 ст. 134 ГПК РФ), о передаче дела на рассмотрение другого суда (ст. 33 ГПК РФ), о внесении исправлений в решение (ст. 200 ГПК РФ), об отказе в вынесении дополнительного решения (ст. 201 ГПК РФ) и др.

К определениям судов, которые исключают возможность дальнейшего движения дела, относятся пресекательные определения, в частности: о прекращении производства по делу (ст. 221 ГПК РФ), об оставлении заявления без рассмотрения (ст. 223 ГПК РФ), об оставлении искового заявления без движения (ст. 136 ГПК РФ) и некоторые другие.

Следует отметим, что определения, принятые судом первой инстанции после возбуждения апелляционного производства об оставлении без движения, о возвращении апелляционных жалобы, представления, также являются объектом апелляционного обжалования.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
2. Смагина Е. С. Апелляционное производство в гражданском процессе. — М., 2007. — С. 267.
3. Шакирьянов Р. В. Теоретические и практические проблемы апелляционного производства в гражданском процессе. — Москва: Статут, 2024. — 466 с.
4. Русинова Е. Р. Новые требования в суде апелляционной инстанции // Российский юридический журнал. — 2026. — № 1. — С. 144–154.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2021. — № 7.

Договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда, заключаемого с детьми-сиротами и детьми, оставшимся без попечения родителей, в системе договоров специализированного найма

Мамичева Анастасия Денисовна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматривается договор найма жилого помещения специализированного жилищного фонда, заключаемый с детьми-сиротами и (или) детьми, оставшимся без попечения родителей. Проводится его сравнительно-правовой анализ с иными видами договоров специализированного найма, а также с договором социального найма. Выявляются проблемные аспекты правового регулирования и правоприменительной практики, включая вопросы срока действия договора, его трансформации в договор социального найма, расторжения и выселения нанимателей. На основе анализа судебной практики и научной литературы обосновываются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: *специализированный жилищный фонд, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, виды договоров найма специализированного жилого помещения, договор найма специализированного жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.*

В соответствии с частями 1 и 3 статьи 40 Конституции Российской Федерации [1] каждый имеет право на жилище, и никто не может быть произвольно лишен жилища. Малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Такой социальный подход имеет особое значение для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также лиц из их числа (далее — дети-сироты), поскольку государство принимает на себя обязанность по созданию условий для их самостоятельной жизнедеятельности. Инструментом реализации этой обязанности выступает специализированный жилищный фонд, правовой режим которого закреплён в Жилищном кодексе Российской Федерации [2] (далее — ЖК РФ). Помимо него базовым правовым актом является Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [3] (далее — Закон № 159-ФЗ), а на подзаконном уровне порядок конкретизируется актами Правительства Российской Федерации. Порядок реализации этих гарантий регулируется нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Следует отметить, что до 2013 года детям-сиротам жилые помещения предоставлялись в разных регионах либо по договору социального найма, либо по договору безвозмездного пользования. Оба варианта позволяли впоследствии распорядиться жильём (включая приватизацию), что создавало риски его утраты, в том числе в результате мошеннических действий. Для усиления защиты жилищных прав детей с 1 января 2013 года жилые помещения для детей-сирот стали предоставляться по договору найма специализированного жилого помещения.

Часть 1 статьи 100 ЖК РФ определяет договор найма специализированного жилого помещения как соглашение, по которому одна сторона — собственник специализированного жилого помещения (действующий от его имени уполномоченный орган государственной власти

или уполномоченный орган местного самоуправления) или уполномоченное им лицо (наймодатель) обязуется передать другой стороне — гражданину (нанимателю) данное жилое помещение за плату во владение и пользование для временного проживания в нём.

Согласно пункту 1 статьи 8 Закона № 159-ФЗ предоставление благоустроенного жилого помещения специализированного жилищного фонда по договору найма специализированного жилого помещения происходит однократно и таким правом могут воспользоваться две группы лиц. К первой группе относятся дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также лица из их числа, которые не являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма либо собственниками жилых помещений. Вторую группу составляют указанные лица, которые являются нанимателями жилых помещений по договорам социального найма или членами семьи нанимателя либо собственниками жилых помещений, если их проживание в ранее занимаемых жилых помещениях признаётся невозможным. Таким образом, применительно к первой группе закон связывает право на обеспечение жильём с отсутствием указанных жилищных прав. Для второй группы необходимо установить дополнительное обстоятельство в виде невозможности проживания в ранее занимаемом помещении.

Перечень обстоятельств, при которых проживание может быть признано невозможным, приведён в пункте 4 статьи 8 Закона № 159-ФЗ.

К ним, в частности, относятся:

— проживание в жилом помещении лиц, лишённых родительских прав в отношении заявителя, если имеется вступившее в законную силу решение суда об отказе в принудительном обмене жилого помещения в соответствии с ч. 3 ст. 72 ЖК РФ;

— проживание с лицом, страдающим тяжёлой формой хронического заболеваний, при котором совместное проживание с ним в одном жилом помещении невозможно;

— признание жилого помещения непригодным для проживания;

— общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одного проживающего менее учётной нормы площади жилого помещения, в том числе если такое уменьшение произойдёт в результате вселения детей-сирот.

Вместе с тем, пп. 4 п. 4 ст. 8 Закона № 159-ФЗ допускает установление иных обстоятельств законодательством субъекта РФ. Их применение не должно противоречить федеральным гарантиям и должно учитывать, действительно ли проживание в помещении отвечает интересам заявителя.

Как правило, жилое помещение предоставляется по письменному заявлению по достижении 18 лет, а также при приобретении полной дееспособности до совершеннолетия. В предусмотренных законодательством субъекта Российской Федерации случаях заявление и предоставление жилья могут иметь место до достижения 18 лет. Сведения о лицах, подлежащих обеспечению жильём, включаются в соответствующий список с 14 лет.

Вместе с тем законодатель предусмотрел механизм, позволяющий несовершеннолетним реализовать право на жильё ранее 18 лет. Так, предоставление помещения может быть отложено по желанию заявителя. Такая возможность предусмотрена по окончании учебных заведений, возвращении из рядов Российской армии, по окончании отбывания наказания в исправительных учреждениях и в других случаях, но только при наличии письменного заявления лиц рассматриваемой категории. Данная норма направлена на сокращение расходов детей-сирот на содержание жилого помещения в тот период, когда они в нём не проживают в указанных ситуациях.

Согласно п. 9 ст. 8 Закона № 159-ФЗ, право на обеспечение жилыми помещениями сохраняется за лицами, которые относились к категории детей-сирот и достигли возраста 23 лет, до фактического обеспечения их жилыми помещениями. Отказ в предоставлении жилого помещения лишь на основании того, что лицо не встало на учет до 23 лет, недопустим. Такое решение должно основываться на учете конкретных жизненных обстоятельств. Судебная практика исходит из того, что само по себе достижение 23-летнего возраста не является безусловным основанием для отказа, если лицо не было поставлено на учёт по уважительным причинам [5]. Так, к примеру, районный суд г. Хабаровска восстановил срок для постановки на учёт несмотря на обращение после 23 лет, в связи с тем, что в несовершеннолетнем возрасте за истицей необоснованно закрепили жилое помещение. Формально у неё было жильё, и на этом основании органы могли изначально не видеть нужды ставить её на учёт как нуждающуюся. При этом фактически она к этому жилью отношения не имела [6].

По своей юридической природе рассматриваемый договор является срочным и возмездным. Согласно п. 1 ст. 8 Закона № 159-ФЗ, жилые помещения предоставляются однократно. Срок договора составляет пять лет. Закон допускает однократное заключение договора на новый пятилетний срок при наличии обстоятельств, свидетельствующих о необходимости оказания нанимателю содействия в преодолении трудной жизненной ситуации. По истечении срока и при отсутствии указанных обстоятельств уполномоченный орган обязан принять решение об исключении жилого помещения из специализированного фонда и заключить с нанимателем договор социального найма. Таким образом, специализированный наём выполняет функцию временной гарантии, которая в силу закона трансформируется в бессрочное социальное обязательство.

При сопоставлении с иными видами специализированного найма можно выявить ключевое отличие данного вида договора: основанием возникновения рассматриваемого договора выступает не трудовое или образова-

тельное отношение, а исключительно факт принадлежности гражданина к социально незащищённой категории и наличие решения уполномоченного органа о предоставлении жилья. Служебные помещения и общежития предоставляются в связи с прохождением службы, работой или обучением; их правовой режим производен от указанных отношений. Договор же для детей-сирот опосредует реализацию государственной социальной гарантии и не связан с трудовой или образовательной деятельностью нанимателя.

Отличие от договора социального найма состоит в срочном характере и ограниченном правовом режиме. Договор социального найма заключается бессрочно (часть 2 статьи 60 ЖК РФ). До перехода к социальному найму приватизация предоставленного по договору специализированного найма помещения не допускается. По окончании срока помещение исключается из специализированного фонда и передаётся по договору социального найма, что обеспечивает стабильность жилищных прав нанимателя. Неисполнение обязанности по заключению договора социального найма по истечении срока специализированного найма означает, что государственная гарантия не может считаться исполненной.

Однако в ходе реализации данного договора возникают отдельные проблемы. Первая проблема связана со сроком действия договора и его сокращением. Пятилетний срок, установленный п. 6 ст. 8 Закона № 159-ФЗ, не учитывал индивидуальных обстоятельств нанимателя. В 2023 году в указанную норму были внесены изменения [7], допускающие сокращение срока договора по инициативе нанимателя, но не более чем на два года, при наличии совокупности обстоятельств, перечисленных в статье. Это позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства гражданина, однако реализация права зависит от решения уполномоченного органа и соблюдения установленной процедуры. Показательным является дело, рассмотренное Ульяновским областным судом (апелляционное определение от 23 сентября 2025 г. по делу № 33–3805/2025). Гражданин Потапов Е. С. оспорил распоряжение Министерства ЖКХ и строительства Ульяновской области об отказе в сокращении срока действия договора. Суды первой и апелляционной инстанций признали отказ незаконным, отменили распоряжение, поскольку истец подтвердил выполнение всех условий для сокращения срока договора: представил полный пакет документов, доказал достаточный доход (в том числе за счёт денежного довольствия), а претензии министерства к справкам и проверке квартиры признали необоснованными [8]. Данный пример иллюстрирует, что, несмотря на формальное закрепление права на сокращение срока, его реализация на практике свидетельствует о недостаточной эффективности административных процедур и возможном не единообразном применении закона уполномоченными органами.

Вторая проблема наблюдается в вопросе расторжения договора и выселения. Применительно к договору с лицами из числа детей-сирот законодатель в части 4 статьи 101 ЖК РФ специально выделяет четыре основания расторжения: невнесение нанимателем платы за жилое помещение и (или) коммунальные услуги в течение более одного года при отсутствии соглашения о погашении задолженности; разрушение или систематическое повреждение жилого помещения; систематическое нарушение прав и законных интересов соседей, делающее невозможным совместное проживание; использование жилого помещения не по назначению.

Вместе с тем, законодатель не установил специального порядка и оснований выселения из жилых помещений специализированного жилищного фонда детей-сирот. Согласно части 5 статьи 103 ЖК РФ, дети-сироты не могут быть выселены из специализированных жилых помещений без предоставления других благоустроенных жилых помещений, которые должны находиться в границах соответствующего населенного пункта. Таким образом, как таковое выселение для рассматриваемой категории нанимателей фактически исключено. Оценить указанное положение можно двояко: с одной стороны, это дополнительная социальная гарантия, с другой — это фактор, порождающий пробел в регулировании последствий ненадлежащего исполнения нанимателем своих обязанностей, поскольку наймодатель, по сути, лишён эффективного средства воздействия на недобросовестного нанимателя. По поводу расторжения договора существует позиция Верховного Суда РФ, которая состоит в следующем: статьи 101 и 102 ЖК РФ не содержат такого основания для расторжения (прекращения) договора найма специализированного жилого помещения, как приобретение нанимателем или членами его семьи другого жилого помещения в собственность [9]. Соответственно, факт приобретения нанимателем иного жилья после заключения договора специализированного найма сам по себе правового значения для расторжения договора не имеет. Данное разъяснение существенно ограничивает усмотрение наймодателя и подтверждает вывод о том, что перечень оснований расторжения носит закрытый характер, а его применение сопряжено с необходимостью установления дополнительных гарантий для нанимателя.

В-третьих, проблема, возникающая на практике, которая касается всех жилых помещений специализированного жилищного фонда, — их качество. Пункт 1 статьи 8 Закона № 159-ФЗ указывает, что предоставляемые жилые помещения должны быть благоустроенными, свободными от прав третьих лиц, а также отвечать санитарным и техническим требованиям. Пункт 7 статьи конкретизирует виды жилых помещений: только индивидуальные жилые дома и квартиры. Аспект благоустроенности же зависит от условий соответствующего населённого пункта, поскольку качественные характеристики жилищного фонда в субъектах РФ и муниципальных образованиях отличаются, однако общие требования являются обязательными [10].

Четвёртая проблема — несвоевременность предоставления жилья. Несмотря на законодательно установленную гарантию, реализация права на жильё может затягиваться на годы. По данным Счётной палаты РФ, численность детей-сирот, своевременно не обеспеченных жилыми помещениями, с 1 января 2023 г. по 1 июля 2025 г. сократилась с 190,8 тыс. до 180,1 тыс. человек, или на 5,6 %. При этом, как отмечается в отчёте контрольного ведомства, темпы ликвидации задолженности остаются невысокими, а в трёх из пяти проверенных регионов (Республика Саха (Якутия), Челябинская и Тверская области) численность нуждающихся, напротив, возросла. Сохраняется проблема неисполнения судебных решений: на 1 января 2025 г. остаются неисполненными 24,1 тыс. решений суда [11].

Практическую неопределённость создаёт ситуация, когда по окончании срока договора уполномоченный орган своевременно не принимает решение об исключении помещения из специализированного жилищного фонда и не заключает договор социального найма. Для предотвращения ухудшения положения нанимателя целесообразно установить срок совершения этих действий и прямо закрепить, что задержка со стороны органа сама по себе не является основанием для выселения или прекращения законного проживания.

Договор найма жилого помещения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, занимает особое место в системе жилищно-правовых обязательств: он срочен, ограничен по правовому режиму и гарантирует последующее преобразование в бессрочный социальный найм. Предлагается унифицировать процедуры признания невозможности проживания и формирования списков нуждающихся, конкретизировать основания и порядок сокращения срока договора, усилить судебный контроль за качеством помещений и обеспечить исполнение судебных решений о предоставлении жилья.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11ФКЗ, от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2009. № 4. ст. 445.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (часть I). Ст. 14; 2026;
3. Федеральный закон от 21.12.1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5880; 2026;
4. Федеральный закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 2012. № 10.Ст. 1163; 2023;
5. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.Июнь 2021 г. № 6;
6. Решение Центрального районного суда г. Хабаровска № 2–3984/2025 от 14.10.2025 // https://sudact.ru/regular/doc/6kLRRvjMzdNc/#2 (дата обращения — 28.10.2026);
7. Федеральный закон от 04.08.2023 № 461-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СЗ РФ. 2023. № 32 (часть I). Ст. 6193; 2023;
8. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Ульяновского областного суда № 33–3805/2025 от 23.09.2025 // http://www.uloblsud.ru/index.php?option=3&id=90&idCard=121785#1 (дата обращения — 29.10.2026);
9. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обеспечением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жилыми помещениями (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.11.2013) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. Март 2014.№ 3; 2013;
10. Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СЗ РФ. 2006. № 6. Ст. 702; 2026;
11. Отчет о результатах совместного контрольного мероприятия «Аудит реализации мероприятий по обеспечению жильем детейсирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детейсироти детей, оставшихся без попечения родителей, в 2023–2024 годах и истекшем периоде 2025 года» (с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации) //https://ach.gov.ru/upload/iblock/842/zytm54k32zrcvb7koxj2zw3wywp22y3g/Otchet_obespechenie_zhilem_detei_sirot.pdf#1#6#1(дата обращения — 29.10.2026).

Проблемы оспаривания завещаний и пределы нотариальной проверки волеизъявления

Манаев Виталий Алексеевич, помощник нотариуса (г. Краснодар)

Рассматриваются пределы нотариальной проверки волеизъявления и доказывание неспособности завещателя понимать значение своих действий или руководить ими. Предлагается уточнить рекомендации по фиксации беседы в рамках действующего нотариального регламента, не создавая дополнительных условий действительности завещания.

Ключевые слова: *завещание, недействительность сделки, нотариус, волеизъявление, доказывание, посмертная экспертиза, видеофиксация.*

При оспаривании завещания состояние умершего восстанавливается по документам и сведениям тех, кто с ним общался. Нотариальное удостоверение имеет доказательственное значение, однако само по себе не снимает вопроса о способности гражданина понимать свое распоряжение.

Предмет исследования — индивидуальное нотариально удостоверенное завещание, оспариваемое по пункту 1 статьи 177 ГК РФ. Сопоставление норм гражданского и процессуального законодательства и анализ судебного определения позволяют разграничить нотариальную проверку и судебное доказывание. Нормативные положения проверены по состоянию на 9 ноября 2026 года.

Основание и предмет оспаривания

Статья 1131 ГК РФ различает оспоримые и ничтожные завещания. Иск вправе предъявить лицо, чьи права или законные интересы нарушены завещанием. Индивидуальное завещание нельзя оспаривать до открытия наследства [1, ст. 1131]. Семейный конфликт сам по себе не определяет основание иска.

По пункту 1 статьи 177 ГК РФ необходимо установить, мог ли гражданин понимать значение своих действий или руководить ими именно в момент совершения сделки [2]. Отсутствие решения о недееспособности не исключает такого иска. Диагноз, возраст и нахождение в стационаре нельзя автоматически приравнивать к указанному состоянию.

Соблюдение формы завещания и способность к осознанному волеизъявлению требуют самостоятельной проверки. Собственноручная подпись не дает полного представления о психическом состоянии. Помощь другого лица при подписании также не доказывает отсутствие осознанной воли.

Статья 1125 ГК РФ допускает подписание завещания другим гражданином по просьбе завещателя в присутствии нотариуса при наличии законных оснований. Причина невозможности личного подписания указывается в завещании [1, ст. 1125]. Поэтому участие рукоприкладчика требует проверки порядка подписания, но не предрешает оценку состояния завещателя.

Доказательственное значение нотариального удостоверения

Нотариус проверяет дееспособность и наличие волеизъявления, разъясняет смысл проекта сделки и устанавливает его соответствие действительным намерениям заявителя [3, ст. 43, 54]. Такая беседа не является медицинским обследованием: нотариус не устанавливает диагноз.

Часть 5 статьи 61 ГПК РФ освобождает от доказывания обстоятельства, подтвержденные нотариусом. Исключения связаны с опровержением подлинности документа по статье 186 ГПК РФ либо существенным нарушением порядка совершения нотариального действия [4]. Однако установление личности и подписание документа в присутствии нотариуса не равнозначны клинической оценке. Представляется, что указанная норма не устраняет необходимость специальных знаний при исследовании психического состояния.

Для суда имеют значение конкретные наблюдения нотариуса: ответы гражданина, уточнение распоряжений, реакция на разъяснения. Общая характеристика поведения менее информативна, чем описание разговора. Нотариус сообщает наблюдаемые факты, эксперт исследует материалы в пределах специальных знаний, а суд оценивает доказательства и разрешает спор.

Оценка состояния завещателя после его смерти

При посмертной экспертизе необходимо установить время каждой медицинской записи и основания изложенных в ней выводов. Назначение лекарства и подтвержденный прием — разные обстоятельства. Пробелы в документации не позволяют без обоснования считать состояние неизменным в течение всего лечения.

Показания свидетелей следует связывать с конкретными событиями и временем общения. Общая характеристика за несколько лет не заменяет сведений о состоянии в день удостоверения. Заинтересованность свидетеля требует проверки его осведомленности и сопоставления показаний с другими доказательствами.

Заключение эксперта не связывает суд и оценивается по статье 67 ГПК РФ; несогласие с ним должно быть мо-

тивировано [4, ст. 86]. Вместе с тем специальные знания нельзя заменять бытовыми наблюдениями. В определении от 2 декабря 2014 г. № 24-КГ14–7 Верховный Суд РФ разграничил сведения о поведении наследодателя и установление наличия и степени психического расстройства. Показания свидетелей, включая нотариуса, не подменяют экспертного исследования [6]. Недостаточная ясность или полнота заключения позволяет назначить дополнительную экспертизу; сомнения в правильности или обоснованности, противоречия между заключениями — повторную [4, ст. 87].

Сохранение сведений о волеизъявлении

Получение и фиксация сведений о волеизъявлении уже урегулированы. По пункту 30 Регламента, утвержденного приказом Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156, нотариус лично получает объяснения о соответствии проекта сделки намерениям заявителя и понимании правовых последствий. Согласно пункту 31 информация фиксируется в тексте сделки и (или) протоколе фиксирования информации [7]. Предложение касается детализации действующего порядка, особенно при удостоверении в медицинской организации, затрудненном общении и участии рукоприкладчика.

Целесообразно отражать способ общения, средства помощи, существенные уточняющие вопросы и самостоятельные ответы завещателя. Пояснения иных лиц, законно допущенных к процедуре, следует отделять от его слов. Это не предполагает свободного присутствия сопровождающих. Завещатель не обязан оправдывать выбор наследника: нотариус проверяет волеизъявление, а не справедливость распределения имущества.

Фиксировать следует сведения, необходимые для проверки процедуры. Избыточные подробности о семье и здоровье увеличивают объем конфиденциальной информации. Рекомендации должны учитывать тайну завещания и порядок хранения материалов. Заполнение анкеты не может подменять личную беседу.

Статья 42 Основ законодательства РФ о нотариате предусматривает право нотариуса применять видеофиксацию в порядке, установленном Федеральной нотариальной палатой, и обязательное хранение материалов [3]. Для совместного завещания супругов действует специальное правило о видеофиксации при отсутствии их возражений [1, ст. 1125, п. 5.1]. Всеобщей обязанности записывать индивидуальные завещания нет. Запись не исключает экспертизу; ее значение зависит от полноты сохраненного разговора и условий общения.

Детализация фиксации не должна становиться дополнительным условием действительности завещания. Пункт 3 статьи 1131 ГК РФ и пункт 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 исключают недействительность из-за описок и иных незначительных нарушений, если суд установил, что они не влияют на понимание волеизъявления [1; 5]. Отсутствие рекомендуемой подробной записи само по себе не должно создавать презумпцию порока воли. При этом обязательные требования Регламента сохраняют силу.

Выводы

В споре по статье 177 ГК РФ требуется установить состояние завещателя в момент совершения сделки. Нотариальное удостоверение, медицинские документы и свидетельские показания имеют разные пределы доказательственного значения. Ни общий диагноз, ни факт удостоверения не дают самостоятельного ответа на вопрос об осознанности распоряжения.

Предлагается конкретизировать рекомендации по применению пунктов 30 и 31 нотариального Регламента: подробнее отражать самостоятельные ответы завещателя и существенные условия общения. Это может облегчить проверку обстоятельств удостоверения; эффективность предложения требует изучения практики. Такая детализация не должна расширять круг участников процедуры, обязывать гражданина объяснять мотивы выбора наследников или создавать новые условия действительности завещания.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ. Ст. 1125, 1131 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 09.11.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 177 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 09.11.2026).
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462–1. Ст. 42, 43, 54 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 09.11.2026).
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Ст. 61, 67, 86, 87 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 09.11.2026).
5. О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24.12.2020). П. 27 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/ (дата обращения: 09.11.2026).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 декабря 2014 г. № 24-КГ14–7 (извлечение) // Верховный Суд Российской Федерации. URL: https://www.vsrf.ru/files/15012/ (дата обращения: 09.11.2026).

7. Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования: приказ Минюста России от 30 августа 2017 г. № 156 (ред. от 22.08.2025); зарегистрирован в Минюсте России 6 сентября 2017 г. № 48092 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_239685/ (дата обращения: 09.11.2026).

Правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде

Манукян Милена Аркадиевна, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В статье рассматриваются правовые основы защиты персональных данных в условиях развития цифровой среды. Анализируется значение персональных данных для современного общества и причины, по которым их защита приобретает особую значимость. Рассматриваются основные принципы обработки персональных данных, права граждан и обязанности операторов. Отдельное внимание уделяется рискам, возникающим при цифровизации общественных отношений, распространении информационных систем и использовании цифровых технологий. Делается вывод о том, что правовая защита персональных данных должна развиваться вместе с цифровой средой, поскольку привычные способы контроля за информацией уже не всегда позволяют человеку понимать, где, кем и с какой целью используются сведения о его личности.

Ключевые слова: *персональные данные, цифровая среда, информационное право, защита информации, цифровые права, информационная безопасность, обработка персональных данных, право на неприкосновенность частной жизни.*

Legal foundations for the protection of personal data in the digital environment

Manukyan Milena Arkadyevna, student
Don State Technical University (Rostov-on-don)

The article examines the legal foundations for the protection of personal data in the context of the development of the digital environment. The importance of personal data in modern society and the reasons why their protection has become particularly significant are analyzed. The article considers the basic principles of personal data processing, the rights of individuals and the obligations of data operators. Particular attention is paid to the risks arising from digitalization, the spread of information systems and the use of digital technologies. The conclusion is drawn that the legal protection of personal data must develop together with the digital environment, since traditional methods of controlling information no longer always allow an individual to understand where, by whom and for what purpose information about them is being used.

Keywords: *personal data, digital environment, information law, information protection, digital rights, information security, personal data processing, right to privacy.*

Цифровая среда давно стала частью обычной жизни. Человек оставляет информацию о себе, когда регистрируется на сайте, оплачивает покупку, пользуется банковским приложением, получает государственную услугу или просто посещает интернет-ресурс. Однако за каждым электронным следом стоят данные, которые в определённой ситуации позволяют установить личность человека или составить достаточно подробное представление о его жизни.

Именно поэтому вопрос защиты персональных данных сегодня нельзя рассматривать как узкую техническую проблему. Он находится на пересечении права, информационной безопасности и защиты частной жизни. Чем больше процессов переходит в цифровую среду, тем чаще возникает необходимость определить границы допустимого использования информации о человеке.

Российское законодательство рассматривает персональные данные как информацию, относящуюся к прямо или косвенно определённому либо определяемому физическому лицу. Обработка таких данных может включать их сбор, хранение, уточнение, использование, передачу, блокирование и уничтожение. Цель Федерального закона «О персональных данных» связана с защитой прав и свобод человека и гражданина, включая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Закон также устанавливает требования к законности обработки данных и к обеспечению их безопасности [7].

На первый взгляд персональные данные — это просто фамилия, имя, номер телефона или адрес электронной почты. В действительности цифровая среда значительно расширяет круг сведений, которые могут иметь значение для идентификации человека. Это могут быть данные

о действиях пользователя в информационной системе, сведения о его местоположении, изображения, биометрическая информация и другие сведения, которые при определённых условиях позволяют связать информацию с конкретным лицом.

В такой ситуации особое значение приобретает принцип законности обработки. Информация о человеке не должна собираться «на всякий случай», без понятной цели. Законодательство требует, чтобы обработка была связана с конкретными, заранее определёнными и законными целями. Хранение данных также не должно продолжаться бесконечно: после достижения целей обработки данные подлежат уничтожению либо обезличиванию, если иное не предусмотрено законом [7].

М. В. Алексеева в работе, посвящённой законодательным основам информационной деятельности в современных условиях, обращает внимание на значение правового регулирования информационной сферы [1]. Цифровая среда развивается быстрее, чем формируется привычка осмысленно относиться к информации. Технологическая возможность получить и обработать сведения ещё не означает, что такие действия допустимы с правовой точки зрения.

Важное место занимает согласие субъекта персональных данных. Во многих случаях именно оно становится основанием для обработки информации. Однако согласие имеет смысл лишь тогда, когда человек действительно понимает, на что соглашается. Длинный текст пользовательского соглашения, который принимается одним нажатием кнопки, формально может содержать необходимые условия, но это ещё не гарантирует осознанного участия человека в процессе.

Существенное значение имеют и обязанности операторов персональных данных. Оператор обязан принимать правовые, организационные и технические меры для защиты информации от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения, копирования и распространения. Закон связывает обеспечение безопасности с выявлением угроз и применением соответствующих мер защиты [7].

Особую сложность представляет развитие цифровых технологий. М. В. Алексеева и Е. А. Филимонова отмечают особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий [2]. Цифровизация меняет характер взаимодействия человека и публичной власти. Всё больше обращений, заявлений и услуг переходит в электронную форму. Это удобно, но одновременно приводит к концентрации значительного объёма сведений в информационных системах.

В связи с этим защита персональных данных тесно связана с формированием безопасной информационной среды. М. В. Алексеева и И. А. Подройкина рассматривают правовые аспекты формирования такой среды и подчёркивают значение правового регулирования процессов, происходящих в информационном пространстве [3]. Безопасность цифровой среды зависит от того, насколько чётко определены правила поведения её участников и насколько эффективно они соблюдаются.

Отдельного внимания заслуживают цифровые права. В работе М. В. Алексеевой и Ю. И. Исаковой рассматриваются конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации [4]. Современный человек реализует многие свои права через информационные технологии. Одновременно возникает вопрос: как сохранить свободу человека в условиях, когда его действия постоянно оставляют информационный след?

Защита персональных данных в этом смысле связана с человеческим достоинством и автономией личности. Человек должен иметь возможность понимать, какие сведения о нём обрабатываются, требовать их уточнения при наличии ошибок и рассчитывать на защиту от незаконного распространения информации. Персональные данные не являются обезличенным техническим ресурсом. За ними всегда стоит конкретный человек.

В цифровой среде особое место занимает биометрическая информация. Она может использоваться для установления личности человека на основе его физиологических и биологических особенностей. Закон устанавливает специальные правила обработки таких сведений, поскольку последствия их неправомерного использования могут быть серьёзными. В отличие от пароля, биометрические характеристики невозможно просто изменить после утечки.

Развитие цифрового государства также требует нового взгляда на защиту информации. В исследовании М. В. Алексеевой и С. В. Рыбака рассматривается трансформация государственного управления в направлении модели цифрового государства [5]. Электронное взаимодействие позволяет ускорить многие процессы, сократить количество бумажных документов и сделать отдельные процедуры более доступными. Но скорость обмена информацией не должна становиться причиной ослабления правовых гарантий.

Здесь возникает важный вопрос о соразмерности. Для получения конкретной услуги государственный орган или организация должны обрабатывать именно тот объём данных, который действительно необходим для достижения установленной цели. Сбор избыточной информации повышает риски.

Информационное право, как отмечается в учебном пособии М. В. Алексеевой, регулирует широкий круг отношений, возникающих в информационной сфере [6]. Вопросы персональных данных занимают в этой системе особое место, поскольку здесь сталкиваются разные интересы. С одной стороны, обществу необходим свободный и быстрый обмен информацией. С другой — существует право человека сохранить определённую часть своей жизни вне чужого контроля.

Практически защиту персональных данных можно рассматривать как систему взаимосвязанных уровней. Первый уровень связан с законностью сбора и обработки информации. Второй — с организацией её хранения и до-

ступа. Третий — с технической безопасностью информационных систем. Наконец, важное значение имеет возможность человека защитить свои права при нарушении установленного порядка.

Таким образом, правовые основы защиты персональных данных в цифровой среде строятся вокруг идеи уважения личности и её права контролировать информацию о себе. Федеральное законодательство закрепляет принципы обработки данных, устанавливает требования к операторам и предусматривает меры обеспечения безопасности. Однако одной нормы закона недостаточно, если человек не понимает, что происходит с его информацией, а организация относится к её защите как к формальному требованию.

Цифровая среда продолжит расширяться. Поэтому правовая защита должна оставаться живой системой, способной реагировать на новые угрозы. В центре этой системы должен находиться человек — не набор сведений в информационной базе, а носитель прав, частной жизни и законных интересов.

Литература:

1. Алексеева М. В. Законодательные основы информационной деятельности в современных условиях // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2012. № 1 (12). С. 69–74.
2. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 2. С. 14–21.
3. Алексеева М. В., Подройкина И. А. Правовой аспект формирования безопасной информационной среды, способствующей распространению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 2. С. 24–33.
4. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Конституционные аспекты цифровых прав в эпоху цифровизации: юридический и практический анализ // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 27–30.
5. Алексеева М. В., Рыбак С. В. Трансформация государственного управления: к модели цифрового государства // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. Т. 12. № 2. С. 16–23.
6. Алексеева М. В., Рыбак С. В., Смоленский М. Б. Информационное право: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, исследующих правовые отношения в информационной сфере. Ростов-на-Дону, 2022.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Проблемы судебной защиты участника закупки после заключения государственного контракта

Марина Елизавета Олеговна, студент магистратуры
Научный руководитель: Папушина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются проблемы судебной защиты участника закупки после заключения государственного контракта. Анализируются возможность признания торгов и заключенного договора недействительными, а также взыскание убытков при невозможности восстановления участия в закупке. Особое внимание уделяется выбору способа защиты с учетом характера нарушения и стадии исполнения контракта.

Ключевые слова: *государственные закупки, судебная защита, участник закупки, государственный контракт, недействительность торгов, убытки, упущенная выгода.*

Судебная защита прав участников закупки имеет практическое значение прежде всего тогда, когда она позволяет фактически восстановить нарушенное право. Однако после определения победителя и заключения с ним государственного контракта, возможности по отстаиванию интересов участника закупки значительно ограничены. Признание действий заказчика незаконными уже не означает возвращения участника в закупочную процедуру, так как появились договорные отношения с победителем, а контракт вообще мог быть исполнен как частично, так и полностью.

Поэтому после заключения контракта основным становится вопрос не только о наличии нарушения, но и о выборе такого способа защиты, который с учетом сложившихся условий способен восстановить права участника.

Общие последствия нарушений, совершаемых при проведении торгов, регулируются статьей 449 Гражданского кодекса Российской Федерации. Торги, проводимые с нарушениями правил, могут быть признаны судом недействительными по иску заинтересованного лица, что влечет недействительность договора, заключенного с победителем торгов. Однако не всякое нарушение законодательства о закупках служит достаточным основанием для вмешательства в уже возникшие договорные отношения. Верховный Суд Российской Федерации уже указывал, что контракт может быть признан недействительным в случае, если нарушение требований законодательства о контрактной системе затрагивает публичные интересы или права третьих лиц, ограничивает конкурентную борьбу, или необоснованно сокращает число участников закупки [4].

Для участника закупки важно не только добиться признания торгов недействительными, но и понять, позволит ли это восстановить его нарушенные права. Например, если участника незаконно отстранили от закупки, хотя он имел реальные шансы на победу, признание торгов недействительными может стать действенным способом защиты. Иная ситуация складывается, когда даже при отсутствии допущенных нарушений участник не мог бы претендовать на заключение контракта. В таком случае признание закупки незаконной само по себе не всегда приводит к восстановлению его прав.

В качестве примера можно обратиться к делу № А51–4902/2025. В данном случае контракт был заключен с лицом, которое не соответствовало установленным требованиям к участникам закупки. Суды признали контракт недействительным, указав, что его заключение с таким участником нарушает законодательство о контрактной системе, а также затрагивает публичные интересы, связанные с соблюдением установленного порядка проведения государственных закупок.

При этом следует учитывать, на какой стадии исполнения находится контракт. Если он только заключен и стороны еще не приступили к исполнению обязательств, признание торгов недействительными позволяет устранить последствия допущенного нарушения. Однако если контракт уже исполнен полностью или в значительной части, восстановить первоначальное положение сторон становится гораздо сложнее. Поэтому возможность реальной защиты нарушенных прав во многом зависит от того, насколько своевременно участник обратился за судебной защитой.

Таким образом, после заключения контракта суд должен учитывать не только допущенные нарушения закупочной процедуры, но и то, к каким последствиям может привести вмешательство в уже сложившиеся договорные отношения.

Если вернуть участника в закупочную процедуру уже невозможно, одним из способов защиты его прав становится взыскание убытков. Согласно статье 15 ГК РФ лицо вправе требовать возмещения причиненных ему убытков, включая упущенную выгоду. Под ней понимаются доходы, которые лицо могло бы получить при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено [3].

Для участника закупки упущенная выгода может заключаться в прибыли, которую он рассчитывал получить от заключения и исполнения контракта. Однако самого факта нарушения со стороны заказчика недостаточно для взыскания такой компенсации. Участнику необходимо доказать, что именно из-за допущенного нарушения он не смог получить доход, а при соблюдении установленного порядка контракт был бы заключен с ним.

Обратимся к делу № А56–61808/2025. Участник закупки обратился в суд с требованием о взыскании упущенной выгоды, поскольку его заявка была неправомерно отклонена. Незаконность действий заказчика уже была подтверждена вступившими в законную силу судебными актами. При рассмотрении спора суды также установили, что если бы нарушение не было допущено, контракт заключили бы именно с истцом. Учитывая данные обстоятельства, суды удовлетворили требование о взыскании упущенной выгоды [6].

Иная ситуация рассматривалась в деле № А24–1659/2025. Участник закупки, проводимой по Закону № 223-ФЗ, обратился в суд с требованием о возмещении убытков, связанных с нарушениями при определении победителя. Однако при повторном рассмотрении заявок закупка должна была быть признана несостоявшейся. При этом положение о закупке предусматривало несколько вариантов дальнейших действий заказчика. Он мог заключить договор с единственным участником, провести новую закупку либо вовсе отказаться от заключения договора. Следовательно, даже если бы нарушение не было допущено, это еще не означало, что договор обязательно заключили бы с заявителем. В связи с этим суд не установил необходимой причинной связи между допущенным нарушением и возникшими убытками и отказал в удовлетворении требований [7].

Сопоставление рассмотренных дел показывает, что для взыскания упущенной выгоды недостаточно установить незаконность действий заказчика. Необходимо также доказать, что при отсутствии нарушения участник действительно мог получить соответствующий доход.

После заключения государственного контракта защита прав участника возможна путем признания торгов и договора недействительными либо взыскания убытков. Выбор способа защиты зависит от характера нарушения и стадии исполнения контракта. Если контракт еще не исполнен, признание торгов недействительными может позволить восстановить нарушенные права. Если же договор уже исполнен или его прекращение повлечет несоразмерные последствия, более подходящим способом становится возмещение убытков.

На наш взгляд, действующее законодательство недостаточно четко определяет последствия нарушений на разных стадиях закупочных отношений, поэтому выбор способа защиты во многом остается на усмотрение суда.

Таким образом, само по себе заключение или исполнение контракта не должно лишать участника права на судебную защиту. Важно, чтобы выбранный способ позволял реально восстановить нарушенное право, а при взыскании упущенной выгоды учитывалась доказанность возможности получения контракта и соответствующего дохода.

Литература:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 14. — Ст. 1652.
2. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 30, ч. 1. — Ст. 4571.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28 июня 2017 г.
5. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 марта 2026 г. № Ф03–402/2026 по делу № А51–4902/2025.
6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 сентября 2026 г. № Ф07–9337/2026 по делу № А56–61808/2025.
7. Решение Арбитражного суда Камчатского края от 24 сентября 2025 г. по делу № А24–1659/2025.

Трансформация метода правового регулирования энергетических отношений под влиянием сквозных цифровых технологий

Маслов Андрей Михайлович, студент магистратуры
Научный руководитель: Ромашкова Ирина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Национальный исследовательский университет «МЭИ» (г. Москва)

В статье исследуется изменение метода правового регулирования энергетических отношений под воздействием сквозных цифровых технологий — больших данных, машинного обучения, распределённых реестров и интеллектуальных систем учёта. Автор исходит из того, что классическая дихотомия императивного и диспозитивного регулирования, на которой строилось энергетическое право, перестаёт работать в условиях, когда технологическая динамика опережает законодательную. Цель работы — выявить, какие институты уже возникли в ответ на цифровизацию ТЭК и какие правовые проблемы остаются нерешёнными. Анализируются Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ, приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 755 и Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1933. Делается вывод, что ЭПР представляет собой не льготу, а особый метод регулирования, основанный на принципе регуляторного обучения. Отмечается отраслевая специфика энергетики, где цена ошибки требует консервативных экспериментов. Рассматривается роль саморегулирования и технико-юридических норм в сфере цифрового прогнозирования, включая риски картелизации через стандарты. Исследуется неопределённость статуса больших данных и результатов моделирования, которые не вписываются ни в режим персональных данных, ни в режим интеллектуальной собственности. Анализируются барьеры обмена данными: коммерческая тайна, требования Федерального закона № 152-ФЗ, разрозненность информационных систем, кибербезопасность критической инфраструктуры. Использованы актуальная судебная практика 2024–2026 годов и научные работы В. В. Романовой, А. Х. Абашидзе, А. О. Иншаковой, Д. Е. Матыцина, Д. В. Ковалева, Е. А. Богдановой.метод энергетического права трансформируется от иерархического предписания к гибридной модели, сочетающей государственное регулирование, саморегулирование и управление рисками. Ключевой объект правоотношений смещается от энергии к данным, что требует пересмотра базовых отраслевых категорий.

Ключевые слова: *энергетическое право, цифровизация ТЭК, экспериментальный правовой режим, большие данные, цифровое моделирование, саморегулирование, технико-юридические нормы, кибербезопасность, персональные данные, критическая информационная инфраструктура.*

Transformation of the method of legal regulation of energy relations under the influence of end-to-end digital technologies

Maslov Andrey Mikhailovich, master's degree student
Scientific advisor: Romashkova Irina Ivanovna, candidate of law, associate professor
National Research University «MEI» (Moscow)

The article examines the change in the method of legal regulation of energy relations under the impact of end-to-end digital technologies — big data, machine learning, distributed ledgers and smart metering systems. The author proceeds from the premise that the classical dichotomy of imperative and dispositive regulation, on which energy law was built, ceases to work when technological dynamics outpace legislative dynamics. The aim of the study is to identify which institutions have already emerged in response to the digitalisation of the fuel and energy sector and which legal problems remain unresolved. The first section is devoted to experimental legal regimes as a tool for introducing digital models. The Federal Law No. 258-FZ of 31.07.2020, the Order of the Ministry of Economic Development of Russia No. 755 of 18.11.2020 and the Government Resolution No. 1933 of 27.12.2024 are analysed. It is concluded that an experimental legal regime is not a privilege but a special method of regulation based on the principle of regulatory learning. The sectoral specificity of energy, where the cost of error requires conservative experiments, is noted. The role of self-regulation and technical-legal norms in the field of digital forecasting is considered, including the risks of cartelisation through standards.The second section addresses the legal problems of using digital data. The uncertainty of the status of big data and modelling results, which fit neither the personal data regime nor intellectual property, is explored. Barriers to data exchange are analysed: commercial secrecy, the requirements of Federal Law No. 152-FZ, the fragmentation of information systems, and the cybersecurity of critical infrastructure. Current judicial practice of 2024–2026 and scholarly works by V. V. Romanova, A.Kh. Abashidze, A. O. Inshakova, D. E. Matytsin, D. V. Kovalev and E. A. Bogdanova are used.The author concludes that the method of energy law is being transformed from hierarchical prescription to a hybrid model combining state regulation, self-regulation and risk management. The key object of legal relations is shifting from energy to data, which requires a revision of basic sectoral categories.

Keywords: *energy law, digitalisation of the fuel and energy sector, experimental legal regime, big data, digital modelling, self-regulation, technical-legal norms, cybersecurity, personal data, critical information infrastructure.*

Введение

Цифровая трансформация топливно-энергетического комплекса (ТЭК) представляет собой не просто автоматизацию отдельных операций, а качественное изменение архитектуры энергетических рынков, при котором сквозные цифровые технологии — большие данные, машинное обучение, распределённые реестры и интеллектуальные системы учёта — перестают быть вспомогательным инструментом и превращаются в самостоятельный фактор правового регулирования. Классическая дихотомия императивного и диспозитивного регулирования, на которой десятилетиями строилось энергетическое право, перестаёт работать в условиях, когда технологическая динамика опережает законодательную. Возникает разрыв между правом и технологией, порождающий как новые институты (экспериментальные правовые режимы, саморегулирование, технико-юридические нормы), так и нерешённые проблемы (неопределённость статуса данных, барьеры обмена информацией, ответственность за алгоритмические решения).

Цель: исследовать трансформацию метода правового регулирования энергетических отношений под воздействием сквозных цифровых технологий, выявить институты, уже возникшие в ответ на цифровизацию ТЭК, и определить правовые проблемы, остающиеся нерешёнными.

Задачи:

1. Изучить экспериментальные правовые режимы (ЭПР) как инструмент внедрения цифровых моделей и объектов в ТЭК и оценить их юридическую природу через призму принципа «регуляторного обучения».
2. Проанализировать роль саморегулирования и технико-юридических норм в сфере цифрового прогнозирования, включая риски картелизации через стандарты.
3. Выявить неопределённость правового статуса больших данных и результатов цифрового моделирования, не вписывающихся ни в режим персональных данных, ни в режим интеллектуальной собственности.
4. Оценить правовые барьеры обмена данными: коммерческую тайну, требования Федерального закона № 152-ФЗ, разрозненность информационных систем и требования кибербезопасности критической инфраструктуры.
5. Определить направления трансформации метода энергетического права — от иерархического предписания к гибридной модели, сочетающей государственное регулирование, саморегулирование и управление рисками.

Объект исследования: процесс цифровизации ТЭК и возникающие в связи с ним отношения по правовому регулированию цифровых моделей, данных и алгоритмов в энергетике.

Предмет исследования: метод энергетического права и его трансформация под влиянием сквозных цифровых технологий, включая институциональные (ЭПР, саморе-

гулирование, технико-юридические нормы) и содержательные (статус данных, обмен данными, кибербезопасность, ответственность за прогнозы) аспекты.

Актуальность: цифровизация ТЭК является неотъемлемой частью развития отрасли, однако технологические изменения — интеллектуальный учёт, распределённая генерация и накопление энергии, цифровое прогнозирование аварийности — трансформируют базовые отраслевые категории и ставят перед законодателем вопросы, на которые действующее право не содержит ответа. В условиях, когда технологическая динамика опережает законодательную, необходимо разобраться в уже сложившихся институтах и нерешённых проблемах, чтобы эффективно интегрировать цифровые инновации в стратегическое развитие энергетики без ущерба для надёжности энергоснабжения.

Степень разработанности проблемы: отдельные аспекты темы активно изучаются в научной литературе — экспериментальные правовые режимы, саморегулирование и технико-юридические нормы, правовой режим данных и кибербезопасность критической инфраструктуры. Вместе с тем остаются пробелы в понимании системного эффекта цифровизации для метода энергетического права: не определено место гибридных субъектов (например, систем накопления энергии), не решён вопрос о правовом режиме больших данных и результатов моделирования, не установлена ответственность за алгоритмические решения. Настоящая работа восполняет этот пробел, рассматривая перечисленные проблемы в их взаимосвязь

1. Правовые институты цифрового моделирования в ТЭК

1.1 Экспериментальные правовые режимы как инструмент внедрения цифровых моделей, объектов

Энергетическое право исторически формировалось вокруг двух полюсов: императивного регулирования естественно-монопольных сегментов и договорной свободы в конкурентных сферах. Эта дихотомия работала десятилетиями, пока технологическая нейтральность оставалась базовым допущением законодателя. Ситуация изменилась, когда цифровые технологии перестали быть вспомогательным инструментом и превратились в самостоятельный фактор, определяющий архитектуру энергетических рынков.

Конституционная основа энергетического права закреплена в статье 71 Конституции Российской Федерации, относящей федеральные энергетические системы к исключительному ведению Российской Федерации [1]. Это означает, что любые эксперименты с правовым режимом цифровых моделей в ТЭК возможны только на федеральном уровне — региональное нормотворчество в этой сфере исключено.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» стал первым системным ответом на вызов цифровизации [2].Законодатель сознательно отказался от попытки немедленного нормативного закрепления цифровых моделей в отраслевом законодательстве, избрав иную стратегию — создание изолированных правовых пространств, где общие регуляторные барьеры временно снимаются или модифицируются для апробации технологических решений. Экспериментальный правовой режим (ЭПР) по своей юридической природе представляет собой не просто льготу или изъятие, а особый метод правового регулирования, основанный на принципе «регуляторного обучения».

Приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 755 детализирует процедурные аспекты установления ЭПР [7]. Документ устанавливает требования к инициативному предложению и проекту программы экспериментального правового режима, включая обязательное описание цифровой инновации, оценку рисков и меры их минимизации. Анализ этого акта показывает, что законодатель закладывает в конструкцию ЭПР встроенный механизм самоограничения: инициатор должен не только обосновать технологическую новизну, но и продемонстрировать готовность нести ответственность за возможные негативные последствия.

Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1933, утвердившее Правила изменения экспериментального правового режима, развивает институт ЭПР в направлении большей гибкости [6]. Возможность корректировки условий режима в процессе его реализации отражает понимание того, что цифровые технологии развиваются быстрее, чем любой нормативный акт может быть изменен в обычном порядке. Однако здесь возникает тонкая юридическая проблема: если условия ЭПР могут меняться решением Правительства, не утрачивает ли субъект режима правовой определенности, на которую он рассчитывал при вступлении?

В контексте ТЭК применение ЭПР имеет свою специфику. Энергетика — отрасль, где цена ошибки чрезвычайно высока: сбой в энергоснабжении затрагивает не отдельных участников рынка, а целые территории и миллионы потребителей. Поэтому экспериментальные режимы в этой сфере неизбежно носят более консервативный характер, чем, например, в сфере финансовых технологий. Показательно, что первые ЭПР в энергетике касались преимущественно локальных решений — микрогридов, систем накопления энергии, «умных» счетчиков, — а не реформирования базовых институтов отрасли.

В. В. Романова фиксирует фундаментальную проблему, с которой сталкивается экспериментальное регулирование в ТЭК: цифровые технологии не вписываются в отраслевые классификации, унаследованные от эпохи до цифровизации [10, с. 112–114]. Например, система накопления энергии одновременно выполняет функции потребителя и производителя электроэнергии, но действующее

законодательство не знает такой гибридной категории. ЭПР позволяет временно «вынести за скобки» это противоречие, но не решает его концептуально. Рано или поздно законодателю придется признать, что цифровая энергетика требует пересмотра базовых понятий отрасли — не только на уровне эксперимента, но и в общем регулировании.

Экспериментальные режимы представляют собой форму адаптации публично-правового метода к условиям технологической неопределенности [13, с. 87–89]. Авторы отмечают, что классическое энергетическое право строилось на предположении о стабильности технологической базы отрасли, и цифровизация разрушает это предположение, требуя от права большей динамичности.

Судебная практика, связанная с ЭПР в ТЭК, пока немногочисленна, что объясняется новизной института. Однако отдельные кейсы уже позволяют увидеть, как суды интерпретируют границы экспериментального пространства. Резолютивная часть решения от 17 января 2024 г. по делу № А43–25737/2023 демонстрирует, что арбитражные суды подходят к оценке ЭПР с позиций формальной законности: если инициатор соблюл процедурные требования, установленные приказом № 755, и получил одобрение уполномоченного органа, суд не склонен подвергать сомнению технологическую обоснованность эксперимента [8]. Такая позиция создает для участников ЭПР определенную предсказуемость, но одновременно означает, что ответственность за содержательные решения полностью ложится на регулятора.

Судебная практика, связанная с ЭПР в ТЭК, пока немногочисленна, что объясняется новизной института. Однако отдельные кейсы уже позволяют увидеть, как суды интерпретируют границы экспериментального пространства. Резолютивная часть решения от 17 января 2024 г. по делу № А43–25737/2023 демонстрирует, что арбитражные суды подходят к оценке ЭПР с позиций формальной законности: если инициатор соблюл процедурные требования, установленные приказом № 755, и получил одобрение уполномоченного органа, суд не склонен подвергать сомнению технологическую обоснованность эксперимента. Такая позиция создает для участников ЭПР определенную предсказуемость, но одновременно означает, что ответственность за содержательные решения полностью ложится на регулятора.

Экспериментальные правовые режимы представляют собой промежуточный институт между правом и технологией. Они не отменяют общее регулирование, но создают параллельную реальность, в которой цифровые модели могут существовать по иным правилам. Метод энергетического права в этом контексте трансформируется от иерархического предписания к экспериментальному поиску: государство перестает быть единственным источником норм, допуская, что технологическое сообщество может предложить собственные регуляторные решения, которые впоследствии будут либо инкорпорированы в общее право, либо отвергнуты.

1.2 Саморегулирование и технико-юридические нормы в сфере цифрового прогнозирования

Если экспериментальные правовые режимы представляют собой инструмент государства, то саморегулирование — это ответ профессионального сообщества на пробелы, которые государство не в состоянии заполнить оперативно. В сфере цифрового прогнозирования, где технологии развиваются ежемесячно, а нормативные акты принимаются годами, саморегулирование становится не дополнением к государственному регулированию, а его необходимым элементом. Без профессиональных стандартов, разработанных теми, кто непосредственно создает и эксплуатирует цифровые модели, любые законодательные предписания рискуют оказаться либо неисполнимыми, либо нерелевантными.

Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности» содержит институциональную основу для саморегулирования в энергетике [3]. Закон предусматривает создание саморегулируемых организаций (СРО) в области энергетического обследования, которые наделяются правом разрабатывать стандарты и правила профессиональной деятельности, обязательные для своих членов. Глава 4.1 закона, посвященная СРО, устанавливает требования к их созданию, органам управления и внутренним документам. В контексте цифрового прогнозирования этот институт приобретает новое звучание: СРО могут выступать площадкой для выработки технических стандартов обмена данными, протоколов кибербезопасности и методик верификации прогнозных моделей.

Романова В. В. в учебнике «Энергетическое право» обращает внимание на то, что саморегулирование в энергетике имеет двойственную природу [12, с. 156–158]. С одной стороны, оно позволяет отрасли самостоятельно устанавливать правила, учитывающие технологическую специфику. С другой — создает риск того, что эти правила будут отражать интересы наиболее влиятельных участников рынка, а не публичный интерес. В сфере цифрового прогнозирования этот риск особенно велик, поскольку доступ к данным и алгоритмам неравномерен: крупные игроки обладают ресурсами для разработки собственных моделей, тогда как малые компании вынуждены пользоваться чужими решениями.

Технико-юридические нормы — категория, которая не вписывается в традиционную классификацию источников права, но играет все более значимую роль в регулировании цифровой энергетики. Речь идет о документах, которые формально не являются нормативными правовыми актами, но фактически определяют поведение участников рынка. Стандарты IEEE для интеллектуальных сетей, протоколы обмена данными в системах АСКУЭ, методики оценки киберрисков — все это создается техническими комитетами и профессиональными ассоциациями, а не законодательными органами. Энергетическое право, традиционно ориентированное на иерархию источников,

вынуждено признать, что значительная часть регулирования цифровой энергетики находится за пределами этой иерархии.

Монография «Актуальные задачи энергетического права» отмечает, что технико-юридические нормы в цифровой энергетике выполняют двойную функцию [10, с. 145–147]. С одной стороны, они обеспечивают совместимость технологических решений, создавая условия для формирования единого цифрового пространства отрасли. С другой — они выступают инструментом самоограничения профессионального сообщества, принимающего на себя обязательства, которые государство не может или не хочет навязывать. В этом смысле технико-юридические нормы представляют собой форму «мягкого права» (soft law), которая в условиях технологической неопределенности оказывается более эффективной, чем жесткое законодательное регулирование.

Ковалев Д. В. и Богданова Е. А. в учебном пособии «Информационная безопасность» подчеркивают, что технические стандарты в цифровой сфере выполняют функцию, аналогичную нормам права, но обладают большей гибкостью [11, с. 28–30]. Авторы отмечают, что стандарты могут обновляться быстрее законодательства, что критически важно для сфер, где технологии меняются каждые несколько лет. Однако у этой гибкости есть цена: стандарты не проходят процедуру публичного обсуждения, которая сопровождает принятие нормативных правовых актов, что создает разрыв между формальной демократической легитимностью государственного регулирования и функциональной легитимностью саморегулирования.

Однако у саморегулирования есть и оборотная сторона — риск картелизации и исключения аутсайдеров. Если стандарты разрабатываются узкой группой крупных игроков, они могут превратиться в инструмент ограничения конкуренции. Законодательство о защите конкуренции формально распространяется на саморегулируемые организации, но применение антимонопольных норм к техническим стандартам затруднено: доказать, что стандарт направлен на вытеснение конкурента, а не на обеспечение совместимости, крайне сложно. Эта проблема особенно остра в цифровой энергетике, где сетевые эффекты создают естественные монополии на уровне платформ, а стандарты обмена данными определяют, кто получит доступ к рынку, а кто останется за бортом.

Цифровое прогнозирование в энергетике — область, где саморегулирование особенно востребовано. Алгоритмы прогнозирования аварийности, энергопотребления, режимов работы оборудования разрабатываются компаниями и научными центрами, которые лучше кого бы то ни было понимают ограничения своих моделей. Попытка регулировать эти алгоритмы извне — через законодательные предписания — была бы контрпродуктивной: законодатель не обладает компетенцией для оценки качества нейросетевых моделей. Саморегулирование в этой сфере принимает форму сертификации алгоритмов, раскрытия информации о методах обучения моделей, установления требований к верификации прогнозов на исторических данных.

Взаимодействие саморегулирования и государственного регулирования в сфере цифрового прогнозирования можно описать как «ко-регулирование»: государство устанавливает общие рамки и цели, а профессиональное сообщество разрабатывает конкретные механизмы их достижения. Такая модель позволяет сочетать гибкость, необходимую для работы с быстро меняющимися технологиями, с подотчетностью, без которой цифровые модели не могут быть интегрированы в систему публичного управления энергетикой. Метод энергетического права в этом контексте трансформируется от одностороннего властного предписания к многостороннему согласованию интересов, где государство выступает не только регулятором, но и партнером профессионального сообщества.

2. Правовые проблемы использования цифровых данных в ТЭК

2.1 Неопределенность правового статуса больших данных и результатов цифрового моделирования

Цифровая трансформация энергетики породила парадокс: данные стали критически важным ресурсом отрасли, но их правовой статус остается неопределенным. Электроэнергетика генерирует колоссальные объемы информации — показания приборов учета, телеметрия с подстанций, данные о режимах работы оборудования, метеопрогнозы, информация о транзакциях на рынке. Все это используется для оптимизации режимов, прогнозирования аварий, тарифного регулирования. Однако действующее законодательство не содержит ответа на базовый вопрос: кому принадлежат эти данные и на каких условиях они могут быть использованы?

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует обработку информации, относящейся к физическим лицам, но не охватывает технологические и коммерческие данные, которые составляют основную массу информации в энергетике [4]. Показания счетчиков, агрегированные на уровне подстанции, не являются персональными данными, но их дезагрегация может позволить идентифицировать конкретного потребителя. Технические данные о режимах работы оборудования не относятся к персональным данным, но могут составлять коммерческую тайну. Результаты цифрового моделирования — прогнозы, оптимизационные решения, оценки рисков — не вписываются ни в одну из существующих правовых категорий.

В. В. Романова формулирует эту проблему как «правовой вакуум» вокруг цифровых данных в энергетике [10, с. 198–201]. Авторы отмечают, что отсутствие четкого правового режима данных создает неопределенность для всех участников рынка: энергокомпании не знают, могут ли они распоряжаться данными, полученными от потребителей; потребители не понимают, какие права они

имеют в отношении информации, генерируемой их оборудованием; регуляторы не могут эффективно контролировать использование данных в условиях отсутствия законодательных критериев.

Результаты цифрового моделирования представляют собой особую категорию объектов, не имеющую аналогов в традиционном праве. Прогноз аварийности, построенный на основе машинного обучения, не является ни изобретением, ни полезной моделью, ни произведением науки в смысле патентного права или авторского права. Это информационный продукт, ценность которого определяется его точностью и своевременностью, а не оригинальностью или технической новизной. Попытка распространить на такие объекты режим интеллектуальной собственности была бы искусственной: алгоритм машинного обучения может быть защищен патентом или ноу-хау, но сам прогноз — нет.

Судебная практика по делам, связанным с цифровыми данными в энергетике, демонстрирует, как суды пытаются заполнить законодательные пробелы. Решение № 2А-4676/2025 от 21 января 2026 г. по делу № 2А-4676/2025 иллюстрирует подход судов к оценке законности обработки данных в энергосбытовой деятельности [9]. Суд проверял, соответствует ли сбор информации о потребителях требованиям законодательства о персональных данных, и пришел к выводу, что даже при наличии технической возможности обработки данных, юридические основания для этого должны быть четко определены. Этот кейс показывает, что судебная практика идет по пути расширительного толкования существующих норм, но не может заменить отсутствующее законодательное регулирование.

Проблема правового статуса данных имеет и международное измерение [13, с. 312–315]. В Европейском союзе принят ряд актов, регулирующих обмен данными в энергетике, включая положения о доступе к данным интеллектуальных счетчиков и требования к интероперабельности. Эти нормы основаны на принципе, согласно которому данные, генерируемые в энергосистеме, должны быть доступны всем заинтересованным сторонам на недискриминационных условиях. Российское законодательство пока не восприняло этот подход, что создает риски как для внутреннего рынка, так и для международного сотрудничества в энергетике.

Цифровое моделирование в энергетике ставит и вопрос об ответственности за результаты прогнозов. Если система прогнозирования аварийности выдала ошибочный прогноз, и на его основе было принято решение, приведшее к ущербу, кто несет ответственность: разработчик алгоритма, оператор системы или лицо, принявшее решение на основе прогноза? Действующее законодательство не содержит ответа на этот вопрос. Традиционные институты деликтной ответственности плохо приспособлены к ситуациям, где вред причинен в результате взаимодействия человека и алгоритма. Это создает «зону безответственности», которая подрывает доверие к цифровым моделям и ограничивает их применение в критически важных сегментах энергетики.

2.2 Правовые барьеры обмена данными и кибербезопасность информационных систем

Обмен данными — необходимое условие функционирования цифровой энергетики. Без обмена информацией между генерирующими объектами, сетевыми организациями и потребителями невозможно ни эффективное управление режимами, ни функционирование рынков электроэнергии, ни интеграция возобновляемых источников. Однако правовые барьеры, унаследованные от эпохи до цифровизации, препятствуют свободному обмену данными, создавая парадоксальную ситуацию: технологически возможный и экономически необходимый обмен оказывается юридически затрудненным.

Первый барьер — законодательство о коммерческой тайне. Энергокомпании опасаются делиться данными, поскольку раскрытие информации о режимах работы оборудования, издержках, техническом состоянии инфраструктуры может быть использовано конкурентами или злоумышленниками. Режим коммерческой тайны позволяет компаниям защищать информацию, имеющую действительную или потенциальную коммерческую ценность. Однако в условиях цифровой энергетики эта защита превращается в препятствие для координации: без обмена данными невозможно ни прогнозирование аварий, ни оптимизация загрузки сетей, ни интеграция распределенной генерации. Возникает конфликт между частным интересом в защите информации и публичным интересом в обеспечении надежности энергоснабжения.

Второй барьер — требования законодательства о персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ устанавливает жесткие правила обработки персональных данных, включая необходимость получения согласия субъекта, ограничения на передачу данных третьим лицам, требования к хранению и уничтожению. В энергетике эти требования создают особые сложности, поскольку данные о потреблении электроэнергии могут раскрывать информацию о присутствии людей в помещении, их образе жизни, наличии бытовой техники. Агрегированные данные, казалось бы, не относятся к персональным, но современные методы анализа позволяют дезагрегировать их с высокой точностью. Это создает риск того, что формально обезличенные данные фактически остаются персональными, и их обработка требует соблюдения всех требований закона.

Романова В. В. в учебнике «Энергетическое право» отмечает, что конфликт между обменом данными и защитой персональных данных не имеет простого решения [12, с. 234–236]. Полный запрет на обработку персональных данных в энергетике сделал бы невозможным функционирование интеллектуальных систем учета и управления спросом. Полное дерегулирование создало бы угрозу для прав потребителей. Оптимальный баланс

предполагает дифференцированный подход, при котором требования к обработке данных зависят от целей их использования и потенциальных рисков. Такой подход требует не только законодательных изменений, но и развития технологий дифференцированной приватности, позволяющих использовать данные без раскрытия идентифицирующей информации.

Третий барьер — разрозненность информационных систем. Энергетика исторически развивалась как совокупность технологически изолированных сегментов: генерация, передача, распределение, сбыт. Каждый сегмент имеет собственные информационные системы, часто несовместимые с системами других участников рынка. Федеральный закон № 261-ФЗ предусматривает создание государственной информационной системы в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, но ее функциональность ограничена сбором отчетности, а не операционным обменом данными. Отсутствие единых стандартов интероперабельности означает, что каждый проект по цифровизации энергетики требует создания индивидуальных интеграционных решений, что увеличивает издержки и замедляет внедрение технологий.

Четвертый барьер — требования кибербезопасности. Энергетика относится к критической информационной инфраструктуре, и законодательство устанавливает повышенные требования к защите информационных систем. Доктрина информационной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, создает правовую основу для защиты энергетических информационных систем от кибератак [5]. Однако эти же требования ограничивают обмен данными: подключение корпоративных систем к внешним сетям, использование облачных сервисов, интеграция с системами третьих лиц — все это создает дополнительные уязвимости, которые могут быть использованы злоумышленниками.

Ковалев Д. В. и Богданова Е. А. в учебном пособии «Информационная безопасность» подчеркивают, что защита критической инфраструктуры требует баланса между открытостью и изоляцией [11, с. 41–43]. Полная изоляция информационных систем энергетики от внешнего мира сделала бы невозможным использование современных цифровых технологий, основанных на облачных вычислениях и сетевом взаимодействии. Полная открытость создала бы неприемлемые риски для национальной безопасности. Оптимальная модель предполагает сегментацию: критически важные системы изолируются, а вспомогательные могут использовать внешние ресурсы при соблюдении повышенных требований безопасности.

Судебная практика отражает сложность балансирования между обменом данными и безопасностью. Резолютивная часть решения от 17 января 2024 г. по делу № А43–25737/2023 показывает, что суды признают законным отказ в предоставлении данных, если он обоснован требованиями безопасности, даже когда запрашивающая сторона имеет законный интерес в их получении [8]. Однако такой подход создает риск злоупотреблений: под предлогом безопасности компании могут отказывать в обмене данными, необходимыми для функционирования рынка, используя кибербезопасность как инструмент защиты от конкуренции.

Доктрина информационной безопасности определяет основные угрозы в информационной сфере, включая зависимость от зарубежных технологий и рост масштабов компьютерной преступности [5]. Применительно к энергетике эти угрозы приобретают особую остроту: использование иностранного программного обеспечения в системах управления энергетикой создает риск отключения или манипуляции режимами по внешней команде. Однако импортозамещение в сфере цифровых технологий — процесс длительный и дорогостоящий, а полный отказ от иностранных решений означал бы технологическую изоляцию отрасли.

Обмен данными в энергетике сталкивается и с проблемой отсутствия доверенной инфраструктуры. Участники рынка не имеют технической и юридической возможности удостовериться в том, что данные, полученные от контрагента, являются полными, достоверными и не были изменены. Технологии распределенного реестра (блокчейн) предлагают решение этой проблемы, но их правовой статус в российском законодательстве остается неопределенным. Отсутствие признания юридической силы за записями в распределенных реестрах ограничивает их применение в энергетике, где требуется высокая степень достоверности данных.

Правовые барьеры обмена данными в энергетике не являются непреодолимыми, но их преодоление требует комплексного подхода, сочетающего законодательные изменения, развитие технологий и институциональные инновации. Метод энергетического права в этой сфере трансформируется от запретительного регулирования к управлению рисками: вместо запрета на обмен данными устанавливаются требования к их защите, вместо изоляции систем — правила безопасной интеграции. Такая трансформация отражает более широкий сдвиг в правовом регулировании цифровой экономики, где государство отказывается от попыток прямого контроля технологий в пользу установления рамок, в которых технологическое развитие может происходить безопасно и эффективно.

Таким образом, трансформация метода энергетического права под влиянием сквозных цифровых технологий представляет собой переход от моноцентричной иерархической модели регулирования к гибридной системе, в которой государственное предписание, саморегулирование и технико-юридические нормы образуют взаимодополняющие уровни. Экспериментальные правовые режимы, закреплённые Федеральным законом № 258-ФЗ и развитые подзаконными актами 2024 года, институционализируют принцип регуляторного обучения, допуская выработку норм через апробацию, а не через предварительное законодательное конструирование. Одновременно саморегу-

лирование и технические стандарты заполняют пробелы, которые государство объективно не способно закрыть в сфере цифрового прогнозирования, хотя и порождают риски картелизации и дефицита легитимности.

Ключевой точкой напряжения остаётся правовой статус данных: большие данные и результаты цифрового моделирования не вписываются ни в режим персональных данных, ни в режим интеллектуальной собственности, что создаёт «зону безответственности» и подрывает доверие к цифровым моделям. Барьеры обмена данными — коммерческая тайна, требования Федерального закона № 152-ФЗ, разрозненность информационных систем, кибербезопасность критической инфраструктуры — отражают фундаментальный конфликт между частным интересом в защите информации и публичным интересом в надёжности энергоснабжения. Разрешение этого конфликта лежит не в отказе от одного из интересов, а в дифференцированном регулировании, учитывающем цели использования данных и потенциальные риски.

В конечном счёте метод энергетического права утрачивает моноцентричность: законодатель перестаёт быть единственным источником норм, а ключевым объектом правоотношений становится не энергия как таковая, а данные и алгоритмы, её опосредующие. Эффективность регулирования всё меньше измеряется соответствием формальным предписаниям и всё больше — способностью управлять рисками в условиях технологической неопределённости. Это не отказ от публично-правового начала, а его адаптация к реальности, в которой технологическая динамика опережает законодательную. Без концептуального обновления — признания гибридных субъектов, определения режима цифровых данных, установления ответственности за алгоритмические решения — разрыв между правом и технологией будет нарастать, создавая угрозы как для инвестиционной привлекательности отрасли, так и для надёжности энергоснабжения.

Заключение

Проведённое исследование показало, что трансформация метода энергетического права под влиянием сквозных цифровых технологий представляет собой переход от моноцентричной иерархической модели регулирования к гибридной системе, в которой государственное предписание, саморегулирование и технико-юридические нормы образуют взаимодополняющие уровни.

В институциональной части работы установлено, что экспериментальные правовые режимы, закреплённые Федеральным законом от 31.07.2020 № 258-ФЗ и развитые подзаконными актами 2024 года, институционализируют принцип регуляторного обучения: нормы вырабатываются через апробацию, а не через предварительное законодательное конструирование. Отраслевая специфика энергетики — высокая цена ошибки — обусловливает консервативный характер экспериментов: первые ЭПР касались локальных решений (микрогридов, систем накопления, «умных» счётчиков), а не реформирования базовых институтов. При этом ЭПР позволяют временно обойти противоречия, порождённые цифровыми технологиями (например, гибридный статус систем накопления энергии), но не решают их концептуально.

Показано, что саморегулирование и технические стандарты заполняют пробелы, которые государство объективно не способно закрыть в сфере цифрового прогнозирования, — прежде всего через сертификацию алгоритмов, раскрытие методов обучения моделей и требования к верификации прогнозов. Однако у этой модели есть оборотная сторона: риск картелизации и исключения аутсайдеров, поскольку доказать, что стандарт направлен на вытеснение конкурента, а не на обеспечение совместимости, крайне сложно. Следовательно, саморегулирование требует внешнего контроля, не сводящегося к формальному применению антимонопольного законодательства.

В содержательной части работы выявлено, что ключевой точкой напряжения остаётся правовой статус данных: большие данные и результаты цифрового моделирования не вписываются ни в режим персональных данных (Федеральный закон № 152-ФЗ), ни в режим интеллектуальной собственности, что создаёт «зону безответственности» и подрывает доверие к цифровым моделям. Судебная практика 2024–2026 годов идёт по пути расширительного толкования существующих норм, но не может заменить отсутствующее законодательное регулирование. Барьеры обмена данными — коммерческая тайна, требования закона № 152-ФЗ, разрозненность информационных систем, кибербезопасность критической инфраструктуры — отражают фундаментальный конфликт между частным интересом в защите информации и публичным интересом в надёжности энергоснабжения. Разрешение этого конфликта лежит не в отказе от одного из интересов, а в дифференцированном регулировании, учитывающем цели использования данных и потенциальные риски.

Общий вывод: метод энергетического права утрачивает моноцентричность — законодатель перестаёт быть единственным источником норм, а ключевым объектом правоотношений становится не энергия как таковая, а данные и алгоритмы, её опосредующие. Эффективность регулирования всё меньше измеряется соответствием формальным предписаниям и всё больше — способностью управлять рисками в условиях технологической неопределённости. Это не отказ от публично-правового начала, а его адаптация к реальности, в которой технологическая динамика опережает законодательную. Без концептуального обновления — признания гибридных субъектов, определения режима цифровых данных, установления ответственности за алгоритмические решения — разрыв между правом и технологией будет нарастать, создавая угрозы как для инвестиционной привлекательности отрасли, так и для надёжности энергоснабжения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.04.2026).
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5026.
3. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 48. — Ст. 5711.
4. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (часть I). — Ст. 3451.
5. Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074
6. Постановление Правительства РФ от 27.12.2024 № 1933 «Об утверждении Правил изменения экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций» // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 53 (часть I). — Ст. 8125.
7. Приказ Минэкономразвития России от 18.11.2020 № 755 «Об утверждении требований к форме и содержанию инициативного предложения об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и проекта программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, а также перечня документов, прилагаемых к инициативному предложению об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://pravo.gov.ru
8. Резолютивная часть решения от 17 января 2024 г. по делу № А43–25737/2023 // https://sudact.ru/arbitral/doc/qLDNqBnsbFgJ/#1
9. Решение № 2А-4676/2025 2А-4676/2025~М-4470/2025 М-4470/2025 от 21 января 2026 г. по делу № 2А-4676/2025 // https://sudact.ru/regular/doc/8C2anhSuMH5H/#5
10. Актуальные задачи энергетического права: монография / В. В. Романова, Л. И. Шевченко, Р. Н. Салиева [и др.]; под редакцией В. В. Романовой. — Москва: Интеграция: Образование и Наука, 2022. — 254 с.
11. Ковалев, Д. В. Информационная безопасность: учебное пособие: [16+] / Д. В. Ковалев, Е. А. Богданова; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 2016. — 74 с.
12. Романова В. В. Энергетическое право. Учебник для подготовки кадров высшей квалификации. М.: Издательская группа «Юрист», 2021. — 288 с.
13. Энергетическое право: учебник для вузов / под научной редакцией А. Х. Абашидзе, А. О. Иншаковой, Д. Е. Матыцина. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 440 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–21341–6. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/590632

8

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 46 (649) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 25.11.2026. Дата выхода в свет: 02.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.